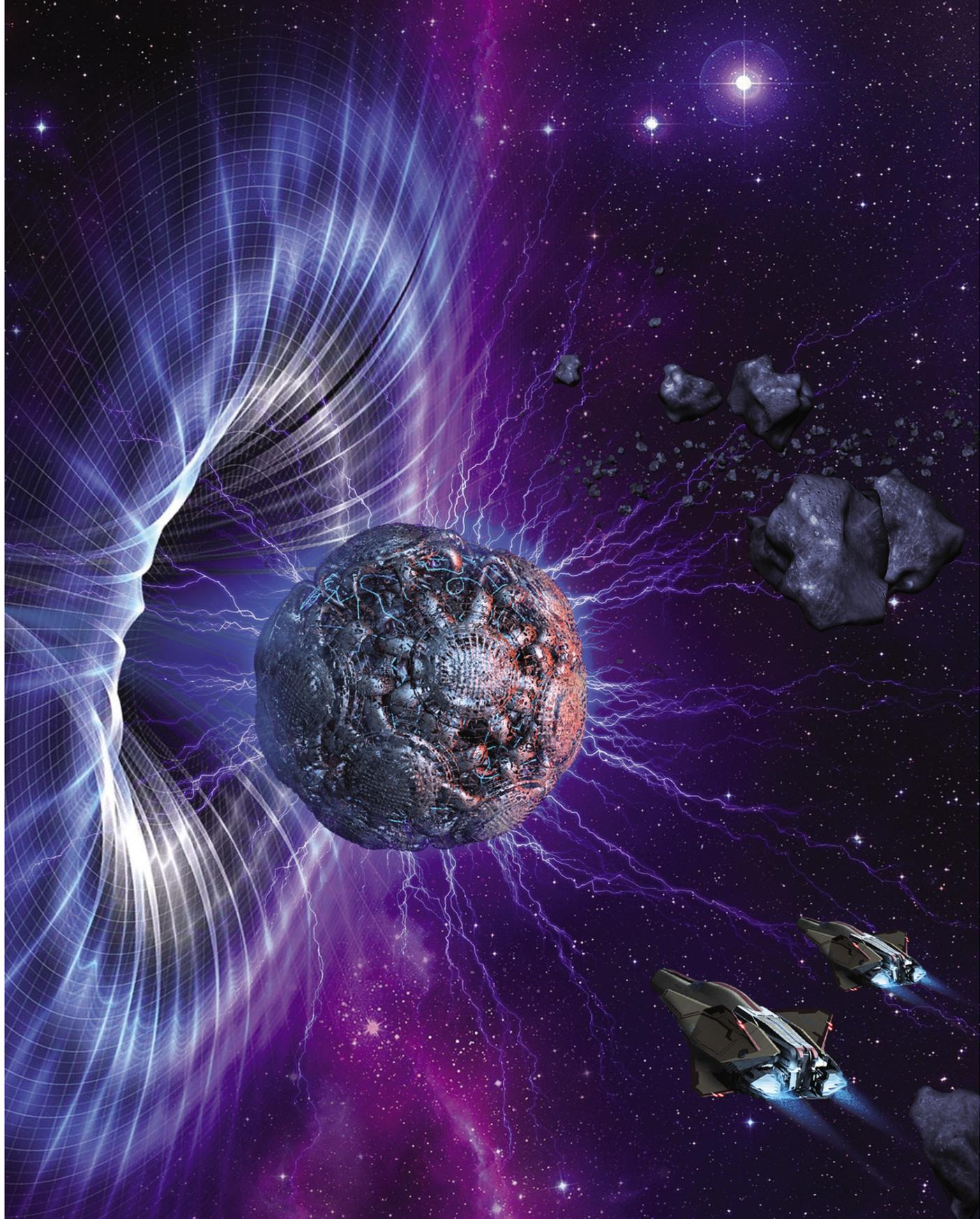

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЁВ

ИЗВНЕ-1

Контрразведка: Future

Василий Головачев
Извне-1 (сборник)

«ЭКСМО»

2007, 2013

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Извне-1 (сборник) / В. В. Головачев — «Эксмо», 2007,
2013 — (Контрразведка: Future)

ISBN 978-5-04-094224-4

Строительство между орбитами Марса и Земли суперструнного генератора для исследования квантовой гравитации вызывает все большее беспокойство независимых ученых и сотрудников Федеральной Службы безопасности Солнечной системы. Есть подозрение, что Суперструнный может быть использован враждебными силами. Так ли это – предстоит выяснить контрразведчику Руслану Горюнову... В результате эксперимента с Суперструнником на границах нашей Метагалактики и на Оси Зла образуются экзотические объекты, которые грозят уничтожить не только человечество, но и все цивилизации в видимой части Вселенной. Земные спецслужбы получают сообщение-предупреждение от погибшей цивилизации. Агрессоры из иных вселенных придумали хитрый способ провести свой план без помех и уничтожить земную контрразведку – последний оплот землян в этой бескомпромиссной борьбе...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094224-4

© Головачев В. В., 2007, 2013
© Эксмо, 2007, 2013

Содержание

Посторонним вход воспрещён	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	61
Глава 9	69
Глава 10	72
Глава 11	79
Глава 12	87
Глава 13	93
Глава 14	100
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Василий Васильевич Головачев

Извне-1

© Головачёв В.В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посторонним вход воспрещён

Глава 1 Ось зла

Его всегда завораживала красота космоса. Именно поэтому он, наверное, и стал астрономом. Не космологом, не астрофизиком, хотя, естественно, изучал космические теории и знал все гипотезы о происхождении звёзд, галактик, их скоплений и Вселенной вообще. Нет, Артур Крестовский, молчаливый и затворник, любитель тишины, яблочного пирога и простоты во всём, закончил Симеизский институт Космоса и много лет работал там же, в Симеизе, рядовым астрономом, наблюдателем за звёздами, солнцем и необозримыми космическими просторами. Многие приятели (друзей у него практически не было) Артура качали головами, советовали найти работу поперспективней и покреативней. Однако никакие особые перспективы его не прельщали, и даже когда ему предложили возглавить Симеизскую обсерваторию, он отказался. Это наверняка помешало бы ему изучать небо. И любоваться им.

Да и можно ли не любоваться звёздными панорамами Галактики, где существуют такие великолепные узоры и картины, как взрыв сверхновой звезды Эты Киля, выбросивший в космос перья огня и светящейся пыли, которые сложились в удивительном образовании, напоминающем бабочку с жемчужными крыльями? Или геометрически выверенной «колоннадой» в самом сердце туманности Орла, расположившейся всего лишь в семи тысячах световых лет от Земли? Грандиозные тёмные столбы из газа и пыли напоминали коллекцию сталагмитов, «тающих» под интенсивным ультрафиолетовым излучением массивных горячих звёзд. Процесс этот называется фотопарированием, но Артур Крестовский забывал термины, восхищаясь звёздными пейзажами, потому что его в первую очередь захватывала эстетика подобных образований, их формы, и лишь в последнюю – физический смысл процесса.

Нравилось ему наблюдать и за игрой света в кольцевых туманностях – памятниках умирающим звёздам. То есть таким, что уже пережили колоссальные взрывы, сбросившие в пространство их оболочки. Завораживали формы этих туманностей.

Улитка – красно-фиолетовый спиральный завиток из светящегося газа вокруг центральной звезды, до которой луч света бежал всего лишь четыреста пятьдесят лет.

Скат – несколько волнистых кругов жемчужного цвета, образованных турбулентным поведением газовых сфер.

Или Кошачий Глаз, где обнаружилась вторая звезда, также сбросившая газовую оболочку, которая и сформировала туманность в форме красивого звёздного «глаза».

Туманности Пузырь (которую раздувал мощный «ветер» излучения), Вуаль, Сатурн, Крабовидная – тоже были очень эффектными, волшебными по силе воздействия на поэтические натуры людей. Но Крестовский, хотя и был навсегда очарован ими, всё же больше времени тратил на квазары и галактики. Вот за ними он мог наблюдать не часами, а сутками, не обращая внимания на такие житейские мелочи, как еда и сон. Именно благодаря своей увлечённости, а также усидчивости и терпению он и сделал несколько открытий, несмотря на то что сканирование неба давно уже было передано инкам¹, и в окуляры телескопов можно было не смотреть. Правда, астрономы всё же наблюдали за небом, но делалось это посредством мониторов, через объёмные видеосистемы, и учёные в большинстве своём просто сидели перед экранами и виомами.

---

¹ Инк – интеллект-компьютер, имеющий возможность поддерживать диалог с человеком.

Артур Крестовский жаждал видеть звёзды «напрямую», не через виомы, для чего использовал эмскан – шлем прямого визуального контроля, передающий видеoinформацию напрямую в мозг человека. Во всём мире пользовались такими приборами считанные единицы, специалисты, для которых не нужен был «перевод» с «языка телескопа» на «язык человеческих чувств».

Определить ощущение, возникающее у Артура во время сеансов слежения за пространством, одним словом было трудно. В нём смешивались и восторг, и радость, и сожаление. Сожаление – от того, что смотреть на звёзды нельзя было все двадцать четыре часа в сутки. Душа жаждала новых эстетических потрясений, красота космических панорам увлекала до безумия, и лишь обязанности члена общества не позволяли Крестовскому превращаться в геймера, увлечённого очередной игрой и полностью зависящего от автоматического поддержания жизнедеятельности организма.

Первого апреля две тысячи триста третьего года он заступил на очередное дежурство в центре управления «Сферой»: так называлась система телескопов, расположенных возле многих планет Солнечной системы и в космическом пространстве, объединённая в единый визуально-наблюдательный комплекс. Это позволяло не просто расширить апертуру наблюдательной техники, но и на три порядка увеличить глубину проникновения во Вселенную человеческого взора. Достаточно сказать, что после введения «Сферы» в строй астрономы открыли тысячи новых квазаров на дальностях до тринадцати миллиардов световых лет, уточнили волокнисто-сетчатую структуру Вселенной и обнаружили десятки экзотических объектов, заставивших специалистов пересматривать физические теории. Среди них были и «кварковые капли», и «голые» космологические струны, оставшиеся со времён Большого Взрыва, и области «кристаллического вакуума», не доступные для прямого зондирования.

Поучаствовал в процессе открытия экзотов и Артур Крестовский. Ему удалось обнаружить десяток гравитационных линз из «тёмной материи», состоящей из недавно открытых частиц – аксионов и нейтралино, шесть «запредельных» квазаров с необычными характеристиками и «стенку домена» – странное образование, напоминающее зеркальную пластину площадью в двадцать восемь миллионов парсеков, отталкивающее звёздное излучение.

Эту «стенку», получившую название Аттрактор Крестовского, он изучал до сих пор, используя всё свободное от других занятий время.

Центр управления «Сферой» располагался на другой стороне Луны, под поверхностью лунного цирка Королёва, и имел собственную станцию мгновенного транспорта, сокращённо – метро. Артур, три года уже живший в Варшаве, вошёл в кабину метро польской столицы и вышел из кабины уже на Луне. Поздоровался с дежурным оператором, которого должен был заменить. Попил с ним горячего шоколада и устроился за вириалом управления комплексом.

Вириал представлял собой полусферу с полусотней кокон-кресел, на которые сводились все информационные каналы системы телескопов, а её внутренняя поверхность могла превращаться в сотню экранов или в единый виом, отражающий ту или иную панораму космоса. Разумеется, Артур был не единственным оператором «Сферы». Вместе с ним с телескопами комплекса работали ещё сорок с лишним астрономов и астрофизиков из разных уголков Земли и Солнечной системы. Тем не менее каждый из них, погрузившись в кокон-кресло, мог считать себя полноправным хозяином «Сферы» (не считая управляющего инка по имени Аргус) и работать в соответствии со своими задачами, не обращая внимания на других операторов.

По привычке Артур уделил внимание созерцанию наиболее красочных космических пейзажей, главным действующим лицом которых были далёкие галактики. Среди них была великолепная галактика M100 в созвездии Девы, удалённая от Солнца на десять миллионов лет, а также изумительной красоты галактика NGC891, видимая с ребра, разделённая надвое слоем тёмного, непрозрачного газа и пыли. Впрочем, ещё как минимум две сотни галактик имели необычные формы и могли претендовать на звание «мисс Вселенная», если бы устраивались

такие конкурсы. Артур же с наслаждением созерцал их наряду с наиболее известными. Ему нравились и небольшие галактики типа Тележного Колеса – эта звёздная система действительно напоминала старинное колесо со ступицей и спицами из молодых звёзд, – и древние типа NGC4314, потерпевшие катастрофические столкновения с другими галактиками. Хотя больше всего он любил разглядывать гигантские скопления вроде Туманности Андромеды, воспетой поэтами и писателями ещё в двадцатом веке. Эта галактика считалась одной из самых близких к Млечному Пути (до неё было «всего» около двух миллионов световых лет), имела двойное ядро и была почти вдвое больше родной Галактики человечества.

Бросил взгляд Артур и на открытый им экзот – Аттрактор Крестовского, видимый только посредством технических ухищрений «Сферы»: его изображение создавалось с помощью компьютерного синтеза. С расстояния в три миллиарда световых лет Аттрактор – «стенка реликтового домена», по мысли учёных, – выглядел неприметным лоскутиком мыльной плёнки. На самом же деле его размеры – четыре на семь миллиардов световых лет – поражали воображение, а физические свойства – он отталкивал звёзды и галактики – послужили предметом спора не одного десятка астрофизиков.

Крестовский довольно ухмыльнулся. Гипотез он не строил, споры не любил, довольствовался достигнутым и лишь в глубине души горделиво грозил всем пальцем: мол, мы тоже не лыком шиты.

Несколько часов Крестовский провёл в обычном рабочем состоянии: раскладывал по полочкам полученную информацию, сравнивал спектры излучений звёзд и объектов типа шаровых скоплений с данными за прошлый месяц, скрупулёзно отчитывался по каждой строчке плана – где, что, с каким объектом случилось. Рутинная работа наблюдателя. Потом начал поиск в тех квадрантах неба, где можно было ждать каких-то открытий – от астероидов и плутино² в Солнечной системе до сверхдалёких квазаров и чёрных дыр.

Однако этот день, отмеченный юмористами всех мастей по всем видеопрограммам мира, не принёс ожидаемых событий. Звёзды в избранных участках космоса не желали взрываться, квазары не светили, астероиды не пролетали мимо векторных полей телескопов, новые экзоты не появлялись. Несмотря на это, Артур остался доволен своим дежурством и напоследок сосредоточил внимание на одном из самых красивых шаровых звёздных скоплений – Омеге Кентавра, расположенном на краю Млечного Пути. Состоящее из десяти миллионов звёзд, оно образовалось очень давно, ещё до формирования галактического диска, и звёзды в нём вырабатывали не гелий из водорода, а углерод из гелия. От таких звёзд остаётся «углеродная зола» – белые и красные карлики, и скопление претендовало на первую «кучку» такой «золы».

Бросив последний взгляд на великолепный звёздный шар, Артур вдруг ощутил беспокойство. Чувство «забытой вещи» возникало у него редко, так как он почти никогда ничего не забывал, но в данном случае сработала интуиция, а ей он доверял.

Артур снова включил аппаратуру контроля, вывел перед собой изображение шарового скопления.

Звёздная сфера Омега Кентавра, или, по каталогу, NGC5139, была известна людям ещё с девятнадцатого века. До скопления было пять тысяч парсеков, или чуть больше шестнадцати тысяч световых лет, и населяли его преимущественно старые красные и оранжевые звёзды классов от М и К до G. Оно приближалось к Солнцу со скоростью двести двадцать девять километров в секунду (можно было утверждать, что это Солнечная система приближается к скоплению) и, в общем-то, не представляло большого интереса для астрономов. В нём не вспыхивали новые и сверхновые звёзды, не рождались пульсары, чёрная дыра в центре скопления была стандартной, и лишь его удивительно ровная – идеально сферическая форма да цвет создавали у наблюдателя чувство эстетического удовлетворения. И всё же что-то в нём было не так.

---

² Плутино – космические объекты наподобие Плутона, находящиеся за его орбитой, в облаке Оорта.

Крестовский принялся «листать» память, стараясь понять, что же вызвало беспокойство.

Пришёл сменщик, вернее, сменщица, астроном из Ливерпульской обсерватории Норма Беккер, с которой Артур поддерживал дружеские отношения. Но он попросил её подождать и снова занялся созерцанием звёздного шара, загадочно мерцающего в пространстве на фоне галактического гало. Запросил информарий, начал просматривать видеозаписи скопления, сначала месячной давности, потом годичной и дальше, с шагом в пять и десять лет. То, что он искал, обнаружилось в записи столетней давности.

Естественно, со временем вид созвездий изменяется. Солнце движется по орбите вокруг ядра Галактики. Перемещаются другие звёзды и скопления, движутся звёзды внутри их, а те, что видел человек, исчезают в массе других звёзд или прячутся за облаками непрозрачной пыли. Движение это кажется медленным, проходят десятки и сотни лет, прежде чем становятся видимыми изменения в картине неба, и тем не менее их можно отмечать и даже прогнозировать. Хотя никто этим специально не занимается. Лишь великолепная образная память Крестовского позволила ему зацепиться за некое несоответствие в распределении звёзд внутри скопления по сравнению с тем, что он видел однажды в архивах.

Артур снял эмскан, виновато посмотрел на смуглолицую, подстриженную под мальчишку сменщицу.

– Извини, Норма, можно, я ещё поработаю полчаса? Не успел закончить кое-какие расчёты по Кентавру.

– Да без проблем, – отозвалась женщина, давно пытавшаяся склонить коллегу к совместной жизни; изредка это ей удавалось. – Кофе хочешь? Или горячего селенчая?

– Кофе, – согласился Артур, – со сливками.

Селенчай – шоколад из лунных ягод коки – он не любил.

Руки задрожали в предчувствии открытия.

Он вывел на купол вириала изображение Омеги Кентавра, а рядом поместил такое же, но снятое ещё сто лет назад космическим комплексом «Хаббл-2200». Изображения на первый взгляд казались одинаковыми. За сто лет собственные движения звёзд в скоплении были едва заметны. И всё же отличия были. Там, где в настоящий момент находилась красная звезда-гигант, имеющая название Кентавр-2007, сто лет назад было две звезды: одна пряталась за другой, такого же класса, что и «две тысячи седьмая».

– Максимальное приближение, – попросил Артур Аргуса, выделив нужный участок скопления.

Инк центра управления повиновался.

В растворе виома возникли два квадрата, густо усеянные звёздами. Но в левом, отражавшем нынешнее состояние космоса, по-прежнему сияла лишь одна звезда Кентавр-2007, а справа из-за её «спины» выглядывала ещё одна. Точнее, две!

– Максимум! – бросил Крестовский.

– Необходим архивный поиск реперного изображения, – густым баритоном откликнулся Аргус.

– Ищи.

– Слушаюсь.

Потекли секунды ожидания, складываясь в минуты.

Поиск реперного, то есть базового, изображения скопления столетней давности потребовал четверти часа.

За это время Артур выпил чашку кофе, перекинулся с Нормой парой ничего не значащих фраз, пребывая в состоянии лихорадочного возбуждения, и снова нырнул в кокон-кресло.

Аргус вывел на эмскан ещё одно изображение Омеги Кентавра.

– Мать честная! – взялся за нос озадаченный Крестовский.

Звёзд, одинаковых по светимости и по размерам, выглядывающих друг из-за друга и находящихся на одной прямой, было не две и не три – десять! Мало того, судя по колебаниям яркости всего «куста», их могло быть и больше.

– Надо проснуться, – пробормотал астроном, не отвечая на вопросы Нормы, что это он там увидел. – Аргус, полистай архивы ещё на пару сотен лет назад. И дай полный интенционал по Кентавру-2007 и его окружению.

– Выполняю, – принял команду инк.

Ждать пришлось двадцать минут, за которые Артур успел связаться с ведущими астрономическими институтами Земли и просмотреть их архивы. Но лишь один источник – архив Аресибо – дал ему кое-какие сведения по интересующему вопросу. Как оказалось, только этот телескоп изредка посматривал на окрестности Галактики, в том числе и на шаровое скопление в Кентавре, с целью изучения спектрального распределения звёзд и их характеристик. Остальные телескопы мира в течение последних трёхсот лет занимались изучением других участков неба и статистику по положению звёзд в скоплениях не набирали.

Перед глазами возникло изображение Омег Кентавра, сделанное ещё в двухтысячном году на основе наблюдений за скоплением с помощью второго «Хаббла». И хотя оно было малоинформативным, синтезированным из двух десятков видекартинок через разные фильтры, всё же Аргус нашёл в нём звезду Кентавр-2007, а также двух соседей звезды примерно такого же класса. В данном ракурсе они выглядели как шарики на спице старинных счётов, и их конфигурация мало отличалась от конфигурации столетие спустя. Разве что видел их телескоп под другим углом зрения.

– Одиннадцать... – проговорил ошеломлённый Артур, подсчитав количество звёзд на невидимой «спице». – Они движутся с одинаковой скоростью... не разбегаются в разные стороны... ещё чуть-чуть, и будет видна только одна звезда...

– Да о чём ты? – подняла брови Норма, прерывая длинное рассуждение о мужчинах, высказанное ею по личному видео какой-то приятельнице. – Что ты там обнаружил?

– Кентавр...

– В Кентавре пятнадцать тысяч звёзд плюс шаровое скопление и несколько туманов³.

– Ты давно смотрела на Омегу?

– Зачем? Этот шарик не в моём вкусе. Я занимаюсь гроздью в Печи⁴. А что случилось в Омеге?

– Появилась Ось Зла.

– Что? – удивилась Норма. – Какая ось?

– Это я так её назвал. Там за «спиной» Кентавра-2007 прячется ещё с десяток звёзд, а то и больше, и все они чётко укладываются на одну прямую, представляешь?

– Нет.

– Садись, Аргус тебе покажет.

Заинтересованная женщина устроилась в операционном кресле, инк выдал ей на шлем выкладки Крестовского, и она несколько минут сосредоточенно их изучала. Затем сбросила эмскан:

– Похоже, ты и в самом деле открыл необычную линейную структуру в Омеге. Если подтвердится, что звёзды лежат на одной прямой...

– Ты же видела – лежат! За триста лет с начала наблюдений ни одна из них не сошла с прямой! Будто их скрепляет какая-то невидимая ось.

– Ладно, давай понаблюдаем, покопаемся в архивах...

---

³ Имеются в виду туманности (сленг астрономов).

⁴ Печь – созвездие Южного небесного полушария. В «гроздь» – скопление галактик – Печи входит 18 объектов, в том числе одна из самых ярких галактик NGC1365.

– Я сам, делай своё дело. Полечу в Штернфельдовский Институт, посмотрю их материалы. Вылези на секунду.

Норма освободила кресло, непривычно задумчивая.

Крестовский попросил Аргуса сделать две копии интенционала по Кентавру, одну послал к себе домой по Интерсети, вторую – другу Зденеку Гайдну из Щецина, с которым вёл переписку уже лет двадцать. Третью копию он записал на личный информ, освободил кресло.

– Всё, я поскакал.

– Может, встретимся после дежурства?

– Обязательно, – кивнул Артур, пропуская вопрос мимо ушей; думал он совсем о другом. – Пока...

Астроном покинул вириал управления «Сферой».

Соседний кокон раскрылся, на задумчивую Норму глянул коллега из Китая, с которым она была хорошо знакома. Китайского астронома звали Сю Синьцзы, он был молод и не по-китайски эмоционален.

– Что вы открыли? – По-английски Сю Синьцзы говорил с заметным акцентом. – Твой напарник прямо светится весь, давно я его таким не видел.

– Да ничего особенного, – пожал плечами женщина, устраиваясь в своём коконе. – Звёзды в Кентавре выстроились по ниточке. Думаю, это совершенно случайное совпадение.

Китаец расплылся в улыбке.

– А выглядит твой Артур вполне счастливым. Он зарегистрировал своё открытие?

– Не знаю, спроси у него. – Норма зарастила кокон и ушла в космические дали, начиная свою работу.

Сю Синьцзы погасил улыбку, некоторое время смотрел на соседку с какой-то странной подозрительностью, потом укрылся в коконе и включил канал связи с кем-то из приятелей на Земле.

Артур в этот момент, пребывая всё в том же состоянии сладостной эйфории, торопливо позавтракал в кафе центра, где поддерживалась комфортная сила тяжести – десять процентов ниже земной⁵, спустился в отсек метро и переместился в Варшаву.

Он жил в стандартном жилом модуле типа «камон», из которых в Варшаве были построены сотни высоких – двухсотметровых – башен, но всего лишь на втором уровне. Чем выше располагались модули в башне, тем комфортнее становились и стоили, конечно, дороже. Как правило, венчали башни пента- и октохаусы – апартаменты для богатых владельцев, среди которых были и бизнесмены, и спортивные менеджеры, и чиновники Правительства. Приобрести такой модуль Артуру не помогли бы ни дружеские связи, ни его статус ценного работника. Впрочем, имеющихся двух комнат ему вполне хватало, более того, окна модуля в любой момент можно было превратить в панорамные виомы с подачей любого изображения. Он так и делал – превращал модуль в «пентхаус» с видом на незаселённый тропический остров.

Такие острова, не имеющие инфраструктуры, пока ещё существовали и находились во владении сверхбогачей, хотя Земля была перенаселена и люди всё больше устремлялись в космос, на другие планеты Солнечной системы, находя там относительное уединение и тишину.

Артур принял «половинный» – водо-воздушный – душ (чистая вода была в дефиците и стоила дорого) и подсел к вириалу личного инка по имени Войтек. Захотелось ещё раз полюбоваться на шаровое звёздное скопление и оценить своё открытие, не укладывающееся в рамки современных физических законов, определяющих динамику движения звёзд в скоплениях такого рода.

Однако прочувствовать всю полноту счастья, свалившегося на голову в результате поиска звёзд в глубинах Омеги Кентавра, ему не дали.

---

⁵ Сила тяжести на Луне в 6 раз меньше земной.

Сначала позвонила Норма и спросила, зарегистрировал ли он своё открытие в Секретариате астрономического Союза или нет. Он ответил: нет.

Затем через какое-то время раздался звонок в дверь.

Крестовский отреагировал на него не сразу, к нему редко приходили гости, к тому же если и приходили, то предупреждали заранее. Удивлённый, он отозвался лишь на четвёртую трель звонка:

– Кто там?

Домовый инк показал видеокартинку: перед дверью модуля стояла красивая девушка с волной огненно-рыжих волос. В руках она держала букет цветов и необычной формы полупрозрачную коробку.

– Чего надо? – грубо спросил Крестовский.

Девушка показала ослепительную профессиональную улыбку.

– Я представляю транспортно-статистическое агентство «Син». Вы выиграли приз года как стомиллионный пассажир Варшавского метро. Разрешите вручить его вам.

Крестовский озадаченно почесал затылок, но подвоха не учуял. По видео постоянно кому-то что-то вручали разные рекламные агентства, и это было в порядке вещей.

– Что за приз?

– Фламмер «Мачо».

Крестовский поколебался, но решил приз взять. Фламмерами – мужскими наборами для сексуальных удовольствий – он всё-таки пользовался.

– Войтек, открой.

Инк открыл дверь. Девушка вошла в холостяцкую обитель астронома. Крестовский, в попытках накинув халат, вышел ей навстречу.

– Извините, что у меня не прибора... – он не договорил.

Девушка протянула ему цветы, и разряд гипноиндуктора «МГ» («Медуза Горгона») превратил Артура в изваяние. Мысли отшибло, волю тоже. Он перестал что-либо анализировать, соображать и говорить.

– Готово, – доложила девушка в бусинку рации в уголке губ.

В квартиру вошли ещё две такие же красавицы с великолепными фигурами служащих модельного агентства. Ни слова не говоря, они обыскали квартиру Крестовского, умело вскрыли все программы инка и выяснили, что хозяин после появления дома не звонил никому.

– Скан? – посмотрела на стоявшего столбом Артура первая гостья.

– Зачем? – отозвалась вторая. – Он и так всё скажет. Кому ты говорил об открытии Оси Зла в Кентавре?

– Норме... – тусклым голосом сказал Крестовский. – Беккер...

– Это его приятельница, – кивнула первая красавица. – Ею тоже займётся сотый. Кому ещё?

– Зденеку...

– Координаты? – спросила первая девица, с букетом, в котором был спрятан гипноиндуктор.

– Войтек, координаты, – проговорила вторая голосом, не отличимым от голоса Крестовского.

Инк послушно вывел на виом данные о Зденеке Гайдне.

– Сотый, – сказала третья красавица; между собой они разговаривали на английском языке. – Проверьте Щецин, даю адрес. – Она продиктовала адрес Гайдна. – Кому ещё? – обратилась она к Крестовскому.

– Никому...

– Говори правду!

– Я говорю правду...

– Всё правильно, он послал копию интенционала Гайдну и себе, в регистрационной палате никто ничего не получал. Обрадовался, идиот.

– Все файлы стёрли?

– Связанные с Кентавром? Все.

– Тогда кончаем с ним.

Вторая «супермодель» направила на Крестовского палец. С ногтя сорвалась слабая искорка, вонзилась в шею астронома.

Он остался безучастным к этой процедуре.

– Уходим.

Девушки посмотрели на хозяина, и первая красotka бросила на пол небольшой шарик синего цвета. Затем троица покинула квартиру. Шарик вспенился, превратился в стремительно расширяющееся облачко голубого тумана, это облачко разрослось, заняло всю квартиру и растаяло, уничтожив все следы пребывания гостей в модуле.

Какое-то время Крестовский стоял в той же безвольной позе, глядя перед собой остановившимися пустыми глазами. Затем вздрогнул, будто его ударили по голове, шире раскрыл глаза... и мягко опустился на пол. Перестал дышать.

Кто-то позвонил по видео: раз, другой, третий.

Но ответить Артур не смог. Он был мёртв.

Глава 2

Следы остаются всегда

Степан Воеводин не только числился советником Федеральной Службы безопасности Солнечной системы, он являлся ещё и командиром секретного подразделения контрразведки «Сокол», созданного на случай прямых и не слишком позитивных контактов с другими жителями Млечного Пути. Правда, подразделение использовалось редко. На памяти Воеводина такое случалось всего дважды: когда китайцы едва не развязали войну с остальным человечеством, объявив Луну своей территорией, и когда земные разведкорабли не смогли приблизиться к ядру Галактики: их туда просто не пустила какая-то развитая балдж-цивилизация⁶. Кстати, остающаяся и поныне загадочной. Узнать, кто её носитель, какие цели она преследует, отказываясь от контактов с человечеством, не удавалось до сих пор.

Однако в остальное время отряд «Сокол» не принимал участия в мелких пограничных и социальных конфликтах, часто будоражащих Солнечную систему. Зато усиленно тренировался. А Воеводин продолжал им руководить вот уже без малого тридцать лет.

Десятого апреля, вечером – по времени Вязьмы, где проживал советник, ему позвонил директор Службы безопасности Джон Байрон Ву:

– Гостя примете?

Удивлённый, но не показавший своего удивления Воеводин пошутил:

– Незваный гость лучше татарина. Или вы не знаете русских поговорок?

Ву, полный, вальяжный, с длинными не по моде седыми бакенбардами, улыбнулся:

– Насколько мне известно, ваша поговорка звучит иначе: незваный гость хуже татарина.

Кстати, а кто такой этот татарин?

Воеводин не сдержал смешка:

– В давние времена все татары были по сути пришельцами.

Брови Джона Ву изогнулись, он с сомнением взгляделся в лицо советника.

– Я об этом ничего не слышал. Впрочем, на эту тему мы поговорим, если не возражаете.

– Жду. – Воеводин перестал улыбаться, выключил консорт-линию связи, обеспечивающую полную конфиденциальность переговоров.

Джон Ву, одетый вполне по-американски, то есть консервативно, в потёртые джинсы и клетчатую рубашку «а-ля президент», появился в Вязьме через десять минут. Его сопровождал лишь один личный телохранитель⁷, которого он оставил во дворе старинной усадьбы Воеводиных. По утверждению деда последнего, усадьбе исполнилось как минимум четыреста лет. Такие усадьбы ещё сохранились на Земле, в частности – в России, особенно уважаемые в среде крупных бизнес-владельцев, несмотря на угрожающее демографическое давление цивилизации, покрывшей всю планету практически сплошным урбанистическим ковром мегаполиса. Но Воеводин не был бизнес-владельцем, просто унаследовал усадьбу от предков. Ему не раз предлагали продать «малую родину» площадью чуть больше полугектара, однако он не соглашался.

Советник встретил гостя на лужайке, где тот посадил флайт-такси, повёл в беседку.

Джон Ву бегло оглядел нависающие со всех сторон жилые башни Вязьмы, сел напротив хозяина за круглый столик посреди беседки.

Солнце ушло за громады зданий. Было тепло. Весна в этом году получилась мягкая, поэтому регулировщикам погоды не пришлось включать свои метеостановки. Над городом

⁶ Балдж – ядро любой галактики (*астроном. термин*).

⁷ Витс – высокоинтеллектуальная техническая система.

мерцали цветные полотнища реклам, пронизанные «трассирующими» очередями транспортных линий, но шум сюда не достигал: усадьба была защищена звуковыми завесами.

– Минералка, синкола, алкоголь? – предложил Воеводин. – Или, может быть, горячего вязьмока?

– Что такое вязьмок?

– Вязьмоко. Напиток наподобие коровьего молока, делается только у нас в Вязьме, но уже широко популярен в Европе.

– Можно попробовать.

Воеводин проговорил в пространство:

– Две чашки вязьмока.

Никто ему не ответил, но через минуту из красивого двухэтажного дома выскочил юркий киб и принёс поднос с двумя широкими, как пиалы, чашками, в которых исходила паром белая жидкость с голубоватым оттенком.

– Один живёте? – взял чашку Джон Ву. – Извините за вопрос.

– Ничего, всё нормально. Жена отдыхает с внуками в деревне.

– Не знал, что у вас ещё есть деревни.

– Условные в большинстве случаев, но есть. – Воеводин отпил из своей чашки.

Джон Ву после недолгих колебаний присоединился к нему, прислушался к своим ощущениям.

– Интересно... оно газировано?

– Нет.

– Впечатление такое, будто во рту лопаются шарики... необычно... но вкусно.

– Могу договориться с приятелем, и вязьмоко будут доставлять в вашу контору.

– Да, пожалуй, это было бы неплохо. Но к делу. Может быть, уединимся в доме?

– Нас и так никто не сможет подслушать. Я включил консорт-зону.

Словно демонстрируя наличие защиты, над беседкой просияла звёздчатая вуаль, погасла. Это означало, что территория дома и в самом деле была накрыта особым «полем воздушных осцилляций», контролируемым наносистемой датчиков и силовых паутин, которое отсекало всякую возможность подслушивания.

– Хорошо, – согласился Джон Ву, допивая вязьмоко; киб уволок поднос с пустыми чашками. – Что вы знаете о деле Крестовского?

Воеводин помолчал.

– Разве контора занимается этим делом? Оно же находится на контроле в Европейской кримполиции. Или я не всё знаю?

– Мы подключились к нему после двух других странных смертей коллег Крестовского. И вот что нам теперь известно. Его смерть назвать случайной нельзя. Астронома убили. Причём с применением высоких технологий.

– Нано, осмо, пси?

– Наши эксперты утверждают, что его сначала обездвигили, а потом ввели ему в кровь нанокиллера.

Воеводин хмыкнул.

Нанокиллером называли «диверсионный» впрыск нанороботов с определёнными заданными функциями. Нанороботы могли быть как лечебными, так и по-настоящему агрессивными, способными почти мгновенно выводить из строя те или иные органы человека.

– Медики нашли следы?

– Следы в таких случаях остаются всегда. Не важно какие: физические, химические, то есть материального плана, или психофизические и психосоциальные. Крестовский никогда прежде не жаловался на сердечно-сосудистую систему, но у него оказалось поражено именно сердце. Произошёл разрыв аорты. Он умер за доли секунды. Но главное не это. Точно с такими

же диагнозами поступили в реанимационные клиники Норма Беккер и Зденек Гайдн. И та, и другой – астрономы, близкие знакомые Крестовского.

Воеводин потёр ладонью выпуклый лоб.

– Система?

– Система, но в другом смысле. Все трое не занимались никаким бизнесом и не были вовлечены в криминальные группировки. Вся их беда лишь в том, что Артур Крестовский сделал открытие.

– И за это их... убили?

Джон Ву кивнул.

– Вот почему я не стал вызывать вас в офис. Боюсь, мы встретились с явным сопротивлением неких сил, скрывающих своё присутствие в Солнечной системе и противодействующих нам в области астрономии.

Воеводин встал.

– Пойдёмте в дом.

Они покинули беседку, поднялись по ступенькам старинного крыльца с деревянными на вид резными балясинами, вошли в холл коттеджа с плиточным полом. Хозяин провёл гостя в свой кабинет, представлявший по сути большую книжную – редкость в наше время! – библиотеку, усадил в мягкое кожаное кресло. Сам сел за стол, тоже большой и деревянный.

– Здесь нам будет поспокойней. Итак, ваша гипотеза...

– Это уже не гипотеза, советник. Крестовский умница, он отправил файл со своими умо- заключениями не только друзьям, но и своему инку, который тут же заархивировал посылку и сделал флэш-копию на резервном сервере. Её убийцы Крестовского не нашли. Зато обнаружили наши специалисты.

– Что же такого он открыл, из-за чего его посчитали нужным ликвидировать?

– Видите ли, Крестовский – весьма значительная фигура в своей области, уникальный специалист, а кроме того эстет, любитель звёздных пейзажей, отшельник.

– В каком смысле?

– Немного не от мира сего. Друзей не имел, жил один. В свои шестьдесят он так ни разу и не женился. Но не в этом суть. А открыл он Ось Зла.

Воеводин хмыкнул, глянул на гостя исподлобья. Тот улыбнулся.

– Вы сильны в астрономии?

– Я профессионал контрразведки.

– Тем не менее ваша сфера деятельности – внешние контакты цивилизации. А это означает, что вы должны быть в курсе последних астрономических и астрофизических открытий.

– Насколько мне известно, космологический феномен под названием Ось Зла был открыт ещё в начале двадцать первого века американским зондом WMAP.

Джон Ву с уважением посмотрел на собеседника.

– Вы знаете об этом больше, чем я. Действительно, в начале двадцать первого века зонд WMAP, созданный для наблюдений за микроволновым фоном Вселенной, позволил обнаружить на небесной сфере более тёплые области, расположенные отнюдь не случайным образом.

– В виде цепочки, которую и назвали Осью.

– Верно. Потом учёные нашли объяснение феномену, и о нём забыли. Но Крестовский реанимировал название, привязав его совсем к другой структуре. Он вдруг обратил внимание на шаровое звёздное скопление в Кентавре.

– Омега?

– Короче, он обнаружил цепочку звёзд, практически одинаковых по светимости и по размерам, которые располагаются строго по линейке. Таких звёзд он насчитал одиннадцать.

Воеводин прищурился, ожидая продолжения.

– Мы же насчитали... – Джон Ву помолчал, – девяносто девять!

По кабинету разлилось молчание. Руководители двух спецслужб Солнечной системы, отвечающих за безопасность, смотрели друг на друга.

– Цивилизация? – понизил голос Воеводин.

– Погодите. Звёзды эти не разбегаются в разные стороны, как остальные. Они вращаются вокруг центра скопления как единое целое, будто закреплены на какой-то чудовищной спице. Понимаете?

– Цивилизация, – сказал Воеводин утверждающим тоном.

– В настоящее время все они повёрнуты к нам таким образом, что видна только одна звезда – Кентавр-2007. Остальные девяносто восемь прячутся за ней.

– Как же Крестовскому удалось обнаружить Ось?

– Он заметил ничтожное отклонение в спектрах скопления столетней давности, сделал запрос в архив Астрономического союза. На снимках скопления, сделанных триста лет назад, виден ещё десяток звёзд. И Крестовский начал анализировать их положение, хотя должен был заниматься совсем другими проблемами.

– И его убили.

Джон Ву погрузнел, вздохнул.

– Вот почему я решил передать это дело вашему сектору. Мало того, у нас появились другие, не менее интересные данные, которые я тоже передам вам. Боюсь, самой конторе в ближайшее время запретят заниматься расследованием дела Крестовского. Мы испытываем очень большое давление... со стороны Федерального Совбеза.

– Там сидят агенты влияния этой самой... Оси?

– Вы всё понимаете, советник. Может быть, я немного поспешил с привлечением вашего отряда, но дальше медлить нельзя. Так вот, дополнительные данные. Вы, естественно, знаете о строительстве в Системе суперструнного преобразователя вакуума.

– Его чаще называют Суперклизмой, – усмехнулся Воеводин.

– Этого юмора я не понимаю, – пожал плечами директор Службы безопасности. – Мы строим в Системе самый большой ускоритель, какой только может создать человечество. И называть его Супер... гм, гм, клизмой не совсем правильно.

– Это вовсе не ускоритель.

– Абсолютно не ускоритель, я понимаю, но он позволит физикам продолжить исследования квантовой гравитации и элементарных частиц, чем занимались учёные на последних суперколлайдерах, поэтому в каком-то смысле Суперкл...

– Суперструнный. Вы правы, в этом смысле его можно назвать преемником ускорителей. Но какое отношение он имеет к шаровому скоплению в Кентавре?

Джон Ву помолчал, поглядывая на панорамное – во всю стену – окно кабинета, в котором виднелась стоэтажная жилая башня города.

Воеводин мысленно скомандовал домовому изменить поляризационную ось окна.

Прозрачный лист углепластика, практически не видимый глазом, превратился в слой золотистой пыли.

Директор СБ отвернулся от окна.

– Суперкл... э-э, струнный в материале представляет собой двадцатитысячекилометровую ферму диаметром около ста метров. Абсолютно прямую и ровную, как... э-э, как столб, собственно говоря. Так вот, она ориентирована точно на Омегу Кентавра, мы проверили. Мало того, эта струна направлена именно на звезду Кентавр-2007. Вам это о чём-нибудь говорит?

Воеводин потёр лоб.

– Совпадение?

– Не знаю, – обозначил улыбку Джон Ву. – Меня лично сие обстоятельство просто удивило. Потом заставило думать. Вам же придётся разбираться, совпадение это или нет. Как-то странно, что Ось Зла расположилась в пространстве таким образом, что ориентация Супер-

струнника совпала с ней до тысячных долей градуса. Точнее – будет совпадать идеально к моменту запуска Суперструнника. Понимаете?

– Интересно, – тихо сказал Воеводин.

– Вы так полагаете?

– Вопрос можно?

– Конечно.

– Кто в Управлении СБ знает о расследовании дела Крестовского?

– Пять человек: следственная бригада особого назначения и я.

– Спецслужбы Федерального Правительства?

– Только то, что им положено знать.

– Значит, председатель Правительства наверняка в курсе.

– Что вы хотите сказать?

– Если Крестовского убили и не пожалели даже его приятелей, то вся следственная бригада под угрозой. Вы тоже.

Джон Ву махнул рукой.

– Мне не привыкать.

– Позаботьтесь о собственной охране. Одного витса мало, нужен «эшелон» прикрытия.

– Хорошо, я приму меры.

– Что вы намерены предпринять?

– Сделаем вид, что нам дело Крестовского неинтересно.

– Это правильно.

– Кроме того, у нас есть возможность послать к Кентавру экспедицию. Тихо и скрытно.

– «Ра»? – понимающе прищурился Воеводин.

Джон Ву ответил таким же понимающим кивком.

«Ра» был новейшим «струнным» космолётом, имеющимся в резерве Службы безопасности. О его существовании знали буквально единицы в руководстве СБ плюс экипаж. Базировался он на спутнике Урана Умбриэле, причём был замаскирован под сброшенную давным-давно на спутник автоматическую станцию, поэтому даже Погранслужба Солнечной системы не интересовалась им как транспортным средством.

Практика создания резерва на случай возникновения критических ситуаций возникла всего семьдесят лет назад, после Второго Террористического Кризиса, когда впервые в истории человечества образовалась Анархическая Лига. Правительство Земли было уничтожено, и понадобились сверхусилия наиболее развитых государств мира – России, Китая, Индии, Объединённой Кореи и ещё десятка других стран, – чтобы справиться с разгулом терроризма. Лига долгое время диктовала условия человечеству, а её агенты проникли чуть ли не во все властные институты Земли, в том числе в спецслужбы.

«Ра» был не первым и не единственным крейсером космического флота цивилизации, принадлежащим секретному подразделению для отражения возможных атак врагов, как внутренних, так и внешних. В своё время в экспедиции к центру Галактики участвовал спейсер «Индра», а в ликвидации последнего оплота Лиги на Марсе отличился фрегат «Либеро», также входящий в резерв Службы безопасности.

– До шарика в Кентавре пятнадцать тысяч светолет, – сказал Воеводин.

– Семнадцать, – уточнил Джон Ву флегматично. – Даль-разведчики летали дальше. «Ра» справится. На «струне» ему понадобится всего несколько дней, чтобы достичь Омеги Кентавра. Плюс пара недель на изучение Оси Зла. К моменту запуска Суперструнника он должен вернуться.

– Кто возглавит поход?

– Рудольф Маккена. Надеюсь, вы о нём хорошего мнения?

– Я его мало знаю.

– Он бывший заместитель командора Погранслужбы. Его хорошо знает Барранга.
Воеводин кивнул.

Эль Мата Барранга, афробразилец, возглавлял Службу безопасности до Джона Ву, и его суждения о людях всегда были точны.

– Материалы?

Джон Ву протянул хозяину просиявшую алмазом «чешуйку» флэшки.

– Будьте осторожны, Степан. Если права моя интуиция, мы на пороге контакта, причём не позитивного. Только вы, русские, ещё сохранили драйв и кипение крови, поэтому только вам под силу справиться с нависшей опасностью. Остальные – европейцы, американцы, австралийцы – практически атрофировались как люди действия, они не склонны рисковать, живут как трава на ветру. Но и вам понадобятся независимые оперативники экстра-класса.

– Найдём, – остался спокоен Воеводин.

– Выпить бы чего-нибудь, – вдруг проговорил директор СБ. Виногато сморщился. – Глоточек виски за удачу.

– Тогда лучше водки. У меня есть «Русский размер».

– Вы, русские, по-прежнему предпочитаете свои напитки.

– Так ведь в них нет никаких вредных примесей в отличие от ваших, чистый алкоголь на природных компонентах плюс особые технологии. Если от ваших текил и виски потом болит голова – жить не хочется, то от наших медовух и водки всё наоборот.

На лице Джона Ву отразилось сомнение.

– Вы случайно не владеете пакетом акций ваших алкогольных компаний? Уж очень активно и со знанием дела рекламируете товар.

Воеводин засмеялся.

– Нет, не владею, к сожалению, просто знаю качество напитка. По глотку?

– Наливайте.

Воеводин открыл в стене дверцу бара, достал вычурной формы бутылку с голографическим высверком названия и марки производителя. Булькнула прозрачная жидкость, заполняя небольшие прямоугольные стаканчики.

Воеводин поднял свой.

– За успех безнадежного дела?

– Как? – удивился директор СБ.

– Это древняя присказка, передаваемая из поколения в поколение моими предками.

– Тогда за успех.

Они чокнулись. Воеводин опрокинул стаканчик в рот, захрустел орешками.

Джон Ву с колебанием выплил треть налитого, прислушался к своим ощущениям, одним глотком осушил стаканчик. Помахал рукой у рта. Взял орешки.

– Выстрел в рот!

– Не нравится?

– Почему же, нравится... шариком катится... тепло...

– Потому что никакой химии. Может, ещё?

– Нет, в другой раз. У меня ещё рабочий день только начинается, надо быть в форме. До связи, советник. – Директор подал руку хозяину. – Как там вы говорите? Ни пуха ни шерсти?

– Ни пуха ни пера.

Джон Ву кивнул и пошёл к двери, явно слегка осоловевший. Русская водка подействовала на него расслабляюще.

Воеводин проводил гостя до ожидавшего у беседки такси, помахал рукой. Жёлтый, сверкающий огнями флайт «Калина» улетел. Воеводин потёр лоб рукой, проговорил задумчиво:

– К чёрту, сэр Джон! Я имею в виду противника.

Флайт влился в световую метель в небе над городом.

Воеводин вернулся в дом, принялся изучать полученные материалы. Неожиданность выхода службы на «структуру контроля», как именовалась ситуация такого рода в давно разработанных инструкциях внешней контрразведки, не пугала. «Сокол» и создавался на случай столкновения человечества с агрессивными видами разума в Галактике. Но масштаб явления всё ещё был скрыт от понимания, и только интуиция нашёптывала, что поступательное движение цивилизации заканчивается. Человечество начало наткаться на владения других разумных существ, не желающих сдавать свои позиции.

Итак, кто вы, господа, оставившие такие страшные и недвусмысленные следы?

Глава 3

Разведка

Старт «Ра» с поверхности Умбриэля не был замечен ни одной службой контроля пространства Солнечной системы.

В принципе, за семейством спутников Урана и не было нужды устанавливать постоянное наблюдение, поскольку пять его главных спутников – Ариэль, Умбриэль, Титания, Оберон и Миранда – не представляли особого интереса для астрономов и планетологов, да и изучены были достаточно хорошо. На двух из них – на Ариэле и Титании даже были запущены рудничные комплексы для добычи редкоземельных элементов. Умбриэль же, диаметр которого достигал всего лишь тысячи с небольшим⁸ километров, не считался перспективным объектом ни в плане освоения, ни в плане разработки полезных ископаемых. Исследовали его в основном автоматы, да на экваторе в районе Расщелины Красной Ящерицы располагался центр управления всей имеющейся на спутнике исследовательской техникой.

«Ра» тихо исчез с поверхности Умбриэля, оставив на своём месте голографический «мыльный пузырь», изображавший автоматическую станцию, и перешёл в режим «инкогнито», позволявший ему становиться полностью невидимым. Миновав орбиту пятнадцатого спутника Урана – Пака, открытого ещё в конце двадцатого века⁹, корабль остановился, ожидая прибытия на борт экспертов Службы безопасности, специалистов по физике звёзд. Их помощь была необходима для оценки феномена, получившего название Ось Зла, но они этого ещё не знали: экспедиция к Кентавру готовилась в условиях строжайшей секретности.

Эксперты появились точно в назначенное время, мужчина и женщина. Их сопровождал помощник директора Службы безопасности Солнечной системы, непосредственно отвечавший за подготовку похода. Он передал командиру спейсера запечатанный пакет с инструкциями на случай возникновения чрезвычайных ситуаций, ввёл в курс дела экспертов и дал им время на обдумывание своего решения.

Обдумывание длилось всего несколько минут. Эксперты поговорили друг с другом и согласились войти в состав экипажа «Ра», попросив сообщить о своей непредвиденной командировке родственникам. После этого помощник директора СБ по фамилии Фурсенко попрощался с экипажем и отбыл обратно.

Рудольф Маккена, немногословный и суровый, провёл предполётный контроль функционирования систем корабля, выслушал обыденные ответы членов экипажа «к полёту готов» и мысленно скомандовал инку спейсера по имени Тихий следовать программе.

«Ра» начал разгон шпугом, то есть перешёл в режим двойного ускорения.

Пользоваться «струной» рекомендовалось не ближе орбиты Нептуна, где ещё не были установлены антенны следящих систем, способных фиксировать изменения гравитационных полей. «Струнный» старт порождал деформацию вакуума и как следствие – гравитационные волны, улавливаемые системами контроля пространства в радиусе орбиты Сатурна.

Голубоватый шар Урана с узкими, но отчётливо видимыми пылевыми кольцами отнесло назад. Мелькнули и исчезли цветные шарики регулярных спутников. Последними пронеслись мимо внешние спутники планеты – Просперо и Сетевос, размеры которых не превышали тридцати километров. По сути, это были каменные глыбы, усеянные кратерами и трещинами, пойманные Ураном при пролете через скопления астероидов.

Вдали мелькнула искра Большого Уха, как называли астрономы один из телескопов «Сферы». Дальше за орбитой Урана начиналось безбрежное чёрное поле космоса, расцветен-

---

⁸ 1169 км.

⁹ В 1985 году.

ное звёздами, недостижимыми на первый взгляд и далёкими. На самом деле достичь почти любой из них в настоящее время, после того как люди овладели энергией вакуума и «суперструнными» технологиями, не составляло труда. Однако большинство звёзд хотя и имело планеты, интереса для человечества не представляло. Лишь восемь систем в пределах двух сотен парсеков от Солнца имели жизнь, да и то не разумную. Остальные, как выяснилось, стерильно чисты и безжизненны. Хотя на планетах некоторых из них сохранились странные следы пребывания то ли гостей, то ли давно исчезнувших цивилизаций. Этими планетами с энтузиазмом занимались космоархеологи, хотя похвастаться значимыми успехами не могли.

Жизнь – разумная жизнь – была обнаружена даль-разведчиками Земли всего в трёх местах обследованной части Галактики: возле её ядра, в системе Орилоуха и в Малом Магеллановом Облаке. Но людей туда не пускали. Ясного и чёткого ответа на вопрос «почему?» не знал никто. Возможно, были правы те экзопсихологи, которые утверждали, что человечество являет собой хищнически-агрессивный тип разума, с которым нельзя устанавливать контакты. С другой стороны, было известно, что цивилизации в Магеллане и на планетах Орилоуха являются негуманоидными, а психика негуманоидов, то есть существ, разительно отличающихся от людей, в корне должна была отличаться от психики хомо сапиенс. Они могли просто не признавать в людях носителей разума, равного им.

«Ра» достиг скорости, определяемой приборами почти как скорость света¹⁰, за две с половиной минуты. В таком состоянии ему предстояло мчаться почти полтора часа, чтобы достичь условной границы – орбиты Нептуна, за которой начиналась «ничья пустота». Экипажу это не нравилось, так как пересечь Солнечную систему из конца в конец можно было буквально за пару секунд. Но приходилось терпеть. Условия похода запрещали пользоваться «струнным» режимом до момента выхода за пределы Системы.

Впрочем, никто из пяти членов экипажа и двух экспертов не высказался по этому поводу. Все они были уравновешенными, спокойными, сильными и уверенными в себе людьми, успевшими побывать во многих переделках, и умели терпеть и работать в любых предлагаемых условиях.

В два часа двенадцать минут по среднесолнечному времени наступил долгожданный «момент истины». Объяснять суть похода никому не требовалось, и Рудольф Маккена произнёс всего лишь одно слово:

– Поехали!

– Есть! – отозвался Тихий, включая системы «струнного» преобразования вакуума, а вместе с ним – и самого спейсера.

Глаза членов экипажа перестали что-либо видеть. Вместе с атомами и элементарными частицами, из которых состояли их тела, люди превратились в «пакет суперструн», пронзивший космос от Солнечной системы до точки первого калибровочного выхода в «нормальное» пространство.

Прыжок длился не больше одной сотой секунды, но люди приходили в себя несколько минут, опекаемые автоматикой быстрого реколлапса.

– Сто семьдесят парсеков, – мягким баритоном проговорил Тихий. – Прошли Хадар¹¹. Системы корабля в норме. Внешний фон в пределах допустимых отклонений.

– Экипаж? – поинтересовался Маккена, больше обращаясь к пассажирам, нежели к своим подчинённым.

Все дружно ответили:

– В норме!

– Всё хорошо, – добавила эксперт Роза Линдсей.

---

¹⁰ 300 000 км/с.

¹¹ Хадар – Бэта Кентавра, переменная звезда.

Второй эксперт Марч Кремень промолчал.

Оба эксперта находились в пассажирском коконе-отсеке, способном при необходимости вместить двадцать с лишним человек. Пока спейсер двигался в штатном режиме, за них можно было не беспокоиться.

- Поворот на цель, – скомандовал Маккена.
- Готов, – доложил Тихий.
- Штрихпунктир с шагом пятьсот.
- Принял.

Это означало, что корабль должен был двигаться прыжками длиной в пятьсот парсеков. Такой режим нельзя было назвать приятным, переход на «струну» и обратно требовал от экипажа хорошей физической и психической закалки, но Маккена просто соблюдал пункт полётной инструкции под названием СРАМ – сведение риска к абсолютному минимуму. Полученное задание вполне укладывалось в этот пункт, хотя корабли даль-разведки ходили по космосу ещё более мелкими шажками. Но Маккена знал, когда можно и нужно рисковать.

Из очередного «струнного» прыжка «Ра» вышел через две секунды, приблизившись к цели похода – шаровому звёздному скоплению Омега Кентавра – на пятьсот парсеков.

Тихий провёл контроль функционирования корабля, экипаж доложил о готовности лететь дальше, и «Ра» начал следующий прыжок.

На пятом переходе Маккена объявил суточный отдых.

Спейсер углубился в пространство созвездия Кентавра на восемь с небольшим тысяч световых лет, а это был уже серьёзный отрезок пути до цели, и СРАМ-инструкция требовала основательной проверки жизнедеятельности корабля и изучения внешних параметров среды.

Два часа люди спали, отдыхая от встрясок «струнного штрих-хода». Каждый прыжок гасил сознание, и приходиться в себя становилось всё труднее.

Однако никто не жаловался на плохое самочувствие, современные технологии позволяли не обращать внимания на такие мелочи. В прошлом пересекать космическую «пустоту» было во много раз тяжелее, и члены экипажа вскоре собрались в небольшой кают-компании корабля на ланч. К ним присоединились эксперты, все перезнакомились. Штатных «юмористов» в составе экипажа не случилось, но место шутке нашлось: драйвер-прима спейсера Вацлав Хржичка уснул прямо за столом. Так что разошлись члены экипажа по рабочим местам с хорошим настроением.

Сутки «Ра» слепо мчался вперёд с достигнутой в Солнечной системе скоростью, напоминая луч света. Затем превратился в «струну» и достиг очередной калибровочной точки вблизи небольшой красной звёздочки, имеющей только порядковый номер и удалённой от Солнца на девять тысяч двести десять световых лет.

Задерживаться здесь не стали.

Все системы космолёта работали прекрасно, экипаж чувствовал себя нормально, пустота вокруг спейсера ничего интересного или опасного не обещала, и делать было нечего.

Прыгнули ещё на пятьсот парсеков, затем ещё на пятьсот.

И тут тихо сомлела в своём защитном коконе эксперт Роза Линдсей.

Тихий отреагировал оперативно: подключил к коконе-отсеку медицинский комбайн, запросил у командира инструкции, и Маккена вынужден был задержать очередной «струнный» прыжок.

К счастью, ничего серьёзного инк-медик корабля у Розы не обнаружил: открылась лёгкая сердечная недостаточность, о чём сама Роза и не подозревала. Но корабль задержался на маршруте полёта в режиме «светового луча» ещё на двенадцать часов.

За это время экипаж выспался, медицинский комбайн корабля поддержал тонус Розы, рекомендовав «покой и сон», и Рудольф Маккена отдал приказ Тихому следовать прежним курсом.

Теперь останавливались после каждого прыжка и тщательно обследовали пассажиров. Обмороков у Розы Линдсей больше не случилось, но, судя по докладам диагноста, нагрузка полёта ей была противопоказана. Однако «Ра» преодолел уже больше половины пути до Омеги Кентавра, и Маккена принял решение достичь цели одним длинным прыжком длиной в полторы тысячи парсеков.

Экипаж ему не возражал.

Всем тоже порядком надоело получать «удары дубиной струны по голове», несмотря на все ухищрения защитной автоматики.

Спустя неделю после старта с Земли «Ра» начал свой последний прыжок и достиг окраины шарового звёздного скопления на двое суток раньше намеченного срока.

Когда члены экипажа и эксперты пришли в себя, они увидели впереди великолепнейшее зрелище: миллионы звёзд, в основном оранжевых и красных, заполняли всю переднюю полу-сферу виома, образуя колоссальной величины – и безумной красоты – шар!

* * *

Двое с половиной суток корабль мчался к скоплению в режиме «светового луча».

Эксперты, вооружённые современными комплексами для наблюдения за космосом, изучали скопление и выверяли полученные на Земле данные. Экипаж, привыкший к иным нагрузкам и ритму жизни, скучал, не зная, чем себя занять. Рудольф Маккена сообразил, что расслабленность экипажа может сыграть с ним плохую шутку, и приказал провести учение «с нападением инопланетян на спейсер».

Учение прошло блестяще. «Пришельцы» были взяты в плен, и повеселевший экипаж устроил вечеринку, где позволил себе небольшой концерт: пели все, даже не имевший голоса драйвер-прима Вацлав Хржичка.

Наконец эксперты закончили расчёты, и Тихий с их помощью воспроизвёл в виоме панораму части скопления, где располагалась красная звезда-гигант класса М3 Кентавр-2007.

«Ра» подошёл к скоплению таким образом, что виднелись, хотя и под острым углом, и другие звёзды Оси Зла. Однако, по расчётам, их оказалось не девяносто девять, а меньше. Правда, точность инструментальной базы корабля была всё-таки ниже разрешающей способности «Сферы», поэтому полагались на то, что остальные звёзды просто не видны. Тем не менее гипотеза Крестовского подтвердилась. Шокированный этим экипаж «Ра» долго любовался Осью Зла, а Рудольф Маккена даже поучаствовал в дискуссии с экспертами, утверждавшими, что вероятность подобной группировки звёзд – на идеальной прямой – не равна нулю. По мнению командира корабля, да и всего экипажа в целом, без малого сотня звёзд не могла улечься на одной линии без помощи каких-то могучих сил. Естественно, разумных.

– Мы ещё далеко от Оси, – сказал драйвер-секунда спейсера Вячеслав Терёшин. – Надо подойти ближе.

– Это ещё как минимум пять-шесть мелких прыжков, – заметил инконик «Ра» Митрофан Успенский. – Эксперты выдержат?

Все посмотрели на командира; совещание проходило в кают-компании, без пассажиров, которые были увлечены своей работой в кокон-отсеке.

– Через час – старт, – поднялся Маккена. – Митя, посчитайте с Тихим курс таким образом, чтобы мы вышли над Осью в пяти парсеках, не дальше.

– Без проблем, капитан, – сказал красноволосый по последней моде Успенский; он был молод, подвижен, динамичен, амбициозен и любил тусоваться на Земле в молодёжных компаниях. Что не мешало ему быть одновременно и классным специалистом в области нанокон-пьютерных технологий.

Члены экипажа разбежались по кокон-креслам.

Маккена запросил отсек пассажиров:

– Роза, ваше самочувствие оставляет желать лучшего. Но нам необходимо подойти к Оси поближе. Выдержите?

– Делайте своё дело, капитан, – рассеянно отозвалась Роза Линдсей. – Вы прекрасно знаете, что задание должно быть выполнено при любых обстоятельствах.

– Тихий, – перешёл на личную связь Маккена, – поддержи женщину чем можешь. Она права, у нас нет выбора.

– Я контролирую её состояние, – ответил инк, – но не гарантирую благополучного исхода. Каждый переход на «струну» вызывает у неё анафилактический шок, из которого всё труднее выходить. Я бы вообще посоветовал вернуться.

– Возвращаться надо было раньше. Сколько она сможет продержаться?

– Трудно сказать. С вероятностью пятьдесят – четыре-пять переходов.

– А потом? Летальный исход, что ли?

– Нет, скорее всего кома. Возможно, придётся прибегнуть к глубокой гибернации.

– Понял. Митя, идём к Оси не мелкими шажками, а крупными. Нам нужен один-два перехода.

– Принято, рассчитываю, – доложил Успенский.

Через час «Ра» прыгнул вперёд, углубляясь в сверкающий звёздами «мешок» Омеги Кентавра.

* * *

Их со всех сторон окружали звёзды.

Звёзд было так много, что смотреть на них без светофильтров не представлялось возможным. Лишь благодаря видеосистемам спейсера экипаж мог любоваться необозримым сверкающим звёздным полем без ущерба для зрения. Однако больше всего космолётчиков интересовала странная конструкция под названием Ось Зла, полное количество звёзд в которой достигло ста одиннадцати.

– Бог ты мой! – выдохнул с некоторым страхом драйвер-секунда Терёшин. – Сто одиннадцать! На чём они держатся?! Кто их привязал друг к другу?!

На этот вопрос не могли дать ответ даже эксперты. Однако факт оставался фактом: сто одиннадцать красных гигантских звёзд, чей диаметр достигал орбиты Венеры в Солнечной системе, расположились на месте Солнца, держались одна возле другой как прибитые гвоздями на расстоянии всего в пять астрономических единиц. То есть – недопустимо близко! Но главное – они действительно располагались на одной прямой, будто связанные в одну цепь или нанизанные на какую-то невидимую спицу. Точнее, с расстояния в пять парсеков «спица» была не видна. Возможно, её не существовало вовсе.

– Менто на Землю, – сказал Маккена, имея в виду канал «струнной» связи с базой СБ на Земле.

– Буду готов через пару минут, – откликнулся Тихий. – Что доложить?

– Мы обнаружили Ось Зла, количество звёзд – сто одиннадцать. Начинаем программу.

– Мы идём туда?

– Странный вопрос.

– Я к тому, что процент риска при подлёте к скоплению возрастает до двадцати семи.

Маккена озадаченно почесал бровь.

– Почему так много?

– Динамика звёзд в скоплении не подчиняется распределению Вольфа-Райе, отмечаю вихревые «струи» гравитационных полей.

– Что это означает?

– В скоплении идёт перестройка внешних слоёв с какой-то целевой направленностью.
– Чушь! Целевая направленность предполагает наличие разработчика.
– Значит, этот разработчик существует. Тенденция движения звёзд именно такова, и процесс этот длится уже не одну тысячу лет.

– В таком случае почему Ось Зла не подчиняется этому процессу?

– Я оперирую фактами.

– Понятно. Похоже, мы имеем возможность получить от ворот поворот.

– Извините, не понял.

– Первые экспедиции к ядру нашей Галактики были развёрнуты и не пропущены в радиусе ста пятидесяти парсеков.

– Комментарии – бремя человека, – с неожиданной иронией сказал Тихий. – Я всего лишь инк.

– Ладно, посмотрим. – Маккена включил интерком. – Господа космолётчики, прогноз местной погоды не слишком благоприятен, возможны сюрпризы, поэтому всем глядеть в оба и быть готовыми.

– К чему? – осведомился Успенский.

– Ко всему! – отрезал Маккена. – Тихий, вперёд!

«Ра» послушно нырнул в «узкое горло струны».

Пять парсеков, или шестнадцать и три десятых световых года, препятствием для спейсера такого класса не являлись. Уже через секунду корабль вышел к Оси Зла, и люди смогли увидеть её звёзды «с высоты» трёх астрономических единиц.

Сначала ничего интересного никто не отметил.

Огромные багровые звёзды классов К и М слева и справа, принадлежащие Оси, расположенные точно в полутора миллиардах километров друг от друга, казались ничем не отличимыми от соседей, принадлежащих общему шару скопления. Затем Тихий, вооружённый системами наблюдения и обладавший великолепной реакцией, обнаружил некий объект и выдал его изображение на переднюю полусферу обзорного виома. И тогда космолётчики увидели «с п и ц у», соединявшую звёзды Оси.

Выглядела она как ажурная ферма, имеющая в сечении фигуру, напоминавшую снежинку, а диаметр этой «снежинки» достигал двенадцати тысяч километров. То есть был почти равен диаметру Земли.

– Мать честная! – ахнул кто-то из членов экипажа. – Ферма! Не сгорает! Она же их... соединяет!

– Тихий, экспресс-анализ, – бросил Маккена, ошеломлённый увиденным не меньше остальных, но не забывший о своих командирских обязанностях.

– Минутку, – сказал инк. – Подождите... не понимаю...

– В чём дело?

– Не могу определить материал объекта... ни одной знакомой конфигурации... Во всяком случае, спектр этой фермы не поддаётся никакому объяснению. Что-то похожее на мезонное излучение.

– Силовое поле? – предположил Успенский. – Иначе трудно объяснить, почему ферма не сгорает, входя в звёзды.

– Эксперты, ваше мнение?

– Выводы пока делать рано, – отозвался коллега Розы, который держался так тихо и неприметно, что его как бы и не было на борту спейсера.

– Может быть, это какой-то экзотический вид материи? – хмыкнул Вацлав Хржичка. – Конгломераты частиц типа тех же мезонов или вообще монополей.

– Не говорите глупостей! – отрезала Роза Линдсей. – Рудольф, надо подойти ближе к ферме, будем изучать феномен по полной программе.

– Тихий, – окликнул Маккена, – курс на ферму. Менто на базу: обнаружили Ось.
«Ра» двинулся к соединявшей звёзды «спице» в режиме «светового луча».

Ему понадобилось всего сорок минут, чтобы приблизиться к «спице» на расстояние в десять тысяч километров. Сработал преобразователь инерции хода. Корабль остановился. Если бы не сияние звёзд скопления, «спица» была бы видна невооружённым глазом, но лишь с помощью особых настроек систем обзора люди увидели её «вблизи»: длинная ажурная «штанга» уходила влево и вправо, исчезая в недрах двух ближайших звёзд. Протуберанцы, обвивающие концы «штанги», никак на неё не влияли. На их фоне она так и оставалась чёрной, будто обладала нулевой теплопроводностью.

Тихий дал увеличение. Стал виден ближайший участок фермы: сложная вязь правильных геометрических фигур, вдоль которых то и дело проскальзывали, завиваясь, голубые змейки молний.

Космолётчики некоторое время молча разглядывали гигантскую ферму, понимая, что это искусственное сооружение, созданное с помощью недоступных землянам технологий.

Глава 4

Не было печали

Округлая гора Юпитера, нависающая, казалось, над головой, мешала заниматься делом. Но Руслан, относившийся к своим обязанностям спасателя с предельной ответственностью, не обращал на эту гору никакого внимания. Он работал.

Сигнал бедствия поступил в Центр управления АЧС¹² в шесть часов по среднесолнечному времени, а уже через две минуты модуль спасателей мчался к спутнику Юпитера Европе, где под лёд провалилась экспедиция самодеятельных «контактёров», любителей острых ощущений, получивших разрешение на короткое посещение спутника.

Руслан Горюнов – тридцать лет, светло-русые волосы по плечи, светло-серые глаза, упрямый подбородок – был в экипаже модуля самым опытным спасателем. На его счету имелось более двухсот вылетов по вызовам СОС-сети и около полусотни спасённых жизней. Кроме него в состав отряда входили ещё пять спасателей, в основном молодые парни и одна девушка, не уступавшая им по физическим кондициям. Они тоже были опытными косменами, участвовали в СОС-экспедициях и легко ориентировались в любой обстановке.

Европа, один из галилеевых спутников Юпитера, давно привлекала исследователей и будоражила умы учёных своими характеристиками. Вся она была покрыта слоем водяного льда толщиной от десяти до пятнадцати километров, имела «печку» – горячее ядро, и потому температура воды подо льдом достигала плюс двенадцати – двадцати пяти градусов Цельсия. Мало того, на её поверхности были обнаружены остатки «трубопроводной сети» – странные системы из ледяных же «гофрированных труб» диаметром до сотен метров, которые сразу позволили психокосмологам заявить об открытии «следов разумной цивилизации».

Однако, кроме «трубопроводного» рельефа, обнаружить другие следы разумной деятельности на поверхности Европы не удалось, и тогда исследователи полезли вниз, в океан планеты, надеясь встретить там «братьев по разуму».

Длилась эта исследовательская экспансия почти двести лет.

Планетологи бурили скважины, работники Института внеземных коммуникаций рыли котлованы и прокладывали шахты. Всего было пробито около сотни шахт, не считая скважин, и человек наконец проник в тёплый океан Европы, вооружённый современными технологиями контакта с внеземным разумом. Но его ждало жестокое разочарование. Несмотря на открытие ряда необычных регулярных структур на дне океана в его толще, разумными их строители не были. Скорее они напоминали коллективных существ типа земных насекомых: муравьёв, ос и пчёл, – только морских.

Конечно, это всё равно было великое открытие: впервые человек кроме бактерий – как на Марсе и в облаках Венеры – обнаружил биологическую жизнь сродни земной. Однако коммуникаторы жаждали встретить «настоящих» братьев по разуму и вот уже на протяжении десятков лет пытались найти на Европе пусть не современников, то хотя бы следы «древних разумников», продолжая бороздить океан Европы, изучать «трубопроводы» и «регулярные фракталоподобные структуры».

Естественно, энтузиастов «контактов с иноразумом» хватало. Не всегда они приносили пользу, чаще возвращались домой разочарованные и больше не помышляли об экспедициях на Европу. Но попадались и упорные люди, не обращавшие внимания на реальную опасность прокладки маршрутов в суровых космических условиях. Одна из групп таких любителей-космоархеологов и попала в западню на плато Зелёного Змия, когда рядом вдруг заработал водя-

---

¹² АЧС – Агентство по чрезвычайным ситуациям.

ной вулкан. Группу в составе четырёх человек – двое мужчин, две женщины – увлекло в трещину, откуда они не смогли выбраться самостоятельно.

Пока модуль мчался от юпитерианского портала метро к Европе, Руслан выслушал всю доступную информацию по вызову, в том числе – данные по самой Европе.

Открыл Европу ещё Галилео Галилей, наравне с тремя другими спутниками: Ио, Ганимедом и Каллисто. Её диаметр равнялся трём тысячам ста тридцати километрам, то есть по сути она была чуть меньше земной Луны. Из-за того что поверхность Европы представляла собой сплошное ледяное поле, покрытое глобальной сетью трещин, её альbedo превышало альbedo других галилеевых спутников и – намного – спутников других планет Солнечной системы. Сила тяжести на поверхности Европы была в семь раз меньше земной. Атмосферы она практически не имела. Те слабые следы газов от водорода до кислорода и пары воды назвать атмосферой было трудно.

Модуль, идущий в режиме двойного ускорения, миновал газопылевое кольцо Юпитера, спикировал к Европе и резко затормозил над районом, из которого был получен сигнал бедствия.

Руслан мельком взглянул на гору Юпитера (пейзаж был великолепен!) и сказал только одно слово:

– Начали!

Плато Зелёного Змия было похоже на след упавшего миллионы лет назад на Европу астероида. В его центре располагалась пологая ледяная гора, окружённая кольцом трещин, а чуть дальше, в радиусе полусотни километров, плато охватывало второе кольцо зеленоватого цвета – гофрированный «трубопровод», наполовину утонувший во льду и проломленный во многих местах упавшими когда-то метеоритами помельче.

Группа «космоархеологов» изучала самую сохранившуюся часть ледяной «трубы» длиной около пятнадцати километров. С высоты она действительно напоминала змея или, скорее, червя диаметром около сотни метров, кому что воображалось, но спасателям этот «змей» больше напоминал гофрированный шланг, покрытый льдом, инеем и тысячелетней пылью. Глядя на этот «шланг» с высоты, легко можно было поверить, что он является делом рук (или лап) существ, некогда населявших Европу.

Однако добровольным исследователям «змея» не повезло.

Совсем рядом с лагерем экспедиции неожиданно проснулся водяной подлёдный вулкан и накрыл палатки лагеря, флайт и модуль с научным оборудованием струёй горячей – по сравнению с температурой поверхности (минус двести пятьдесят шесть градусов по Цельсию) – воды и пара.

В принципе, всё бы обошлось, если бы при извержении не произошла подвижка льда.

«Трубу» разорвала трещина, поток воды увлёк за собой палатку со спящими в этот момент людьми и вклинил в трещину на глубину полутора километров. А поскольку вода тут же замёрзла, палатка с людьми оказалась вмороженной в лёд, как муравей – в каплю янтаря. Выбраться самостоятельно туристы не смогли. Хорошо ещё, что смогли послать сигнал СОС. Однако подвижка льда продолжалась, трещина закрылась и сжала палатку с горе-исследователями так сильно, что не выдержала силовая защита. Палатку – модуль класса «Тур-44» – сплющило, и теперь лишь второй защитный контур – аварийного обеспечения, «стакан», как называли его космены, – ещё кое-как сдерживал нарастающее давление льда.

Группа Горюнова начала действовать без промедления. «Космоархеологи», или «экзологи», как они себя гордо называли, уже не подавали признаков жизни. Ни на один вызов никто из них не ответил. Но Руслан почему-то был уверен, что ещё не всё потеряно.

Спасательный модуль завис над свежей трещиной в молочно-белом поле, казавшейся заполненной непрозрачным материалом, а не водой. Свет прожектора, осветившего край трещины с пластинчатыми – в виде блинов – наплывами льда, там, где вырвалась на поверхность

струя воды, пронзил трещину, и стало видно, что это тоже лёд, но чистый, не успевший «засахариться», то есть покрыться изморозью и пылью.

Инк модуля проанализировал поступившую от бортовых датчиков информацию, дал рекомендации по бурению: был виден жёлтый бок палатки на глубине полутора километров и ещё две детали, отличавшиеся цветом. Это виднелись две другие палатки – исследовательский модуль и хозблок.

– Шахта, диаметр – полметра, тубинг-крепёж, – бросил Руслан. – Реаниматор, киб, зонды.

Никто ему не ответил, все и так знали свои обязанности.

Но уже через две минуты стало понятно, что своими силами спасателям не справиться. Мощности плазменных излучателей не хватало для выплавления во льду шахты глубиной полутора километра. Мало того, не хватило бы и скоб для крепления ствола шахты, которые не дали бы её ледяным стенкам сомкнуться.

Наметив точку установки плазмогенератора и выгрузив всё необходимое оборудование на лёд, спасатели в прозрачных «кокосах»¹³ посмотрели на командира.

– Нужен грузолёт с тубингами!

– Неизвестно, сколько у нас времени. Они молчат. К тому же грузолёт вряд ли прибудет раньше чем через час.

– Может быть, лёд выдержит?

– Прогноз – один к двадцати. Гейзер до сих пор «дышит».

Словно в ответ на слова Горюнова в сотне метров от спасателей из-под льда вырвалась вверх струя пара. Лёд задрожал. Все посмотрели на гейзер, потом на командира.

– Давайте прокладывать шахту, – проворчал помощник-прима Горюнова Виссарион. – Всё равно у нас нет другого выхода.

– Есть.

Спасатели замолчали.

– Командир, – начал Виссарион с сомнением в голосе. – Мы теряем...

– «Шпультка».

Спасатели переглянулись.

«Шпульткой» космены называли генератор преобразования вакуума, создающий «струну» в пространстве.

– Но у нас нет «голой шпультки»... – с тем же сомнением проговорил Виссарион.

– В модуле! Игорёк рассчитает внешний импульс, и мы пробьём дырку до самой палатки.

– «Шпультка» пробьёт насквозь всю Европу. Если только Игорёк не сможет изменить её параметры.

– Игорёк, нужен расчёт внешней «струны». Сколько тебе понадобится времени?

– Я уже начал, – сообщил инк. – Расчёт не сложен, подождите немного.

– И всё же я бы не рискнул, – пробормотал Виссарион. – А если мы заденем палатку?

– У тебя есть другое предложение?

– Ждать грузолёт...

– Потеряем время... и людей, может быть.

Виссарион отвернулся.

Выбора у них действительно не было.

Игорёк закончил расчёт параметров внешнего импульса за три минуты.

Модуль подвели к расщелине, заполненной прозрачным до невидимости льдом, тщательно сориентировали.

---

¹³ «Кокос» – компенсационный костюм спасателя.

– Я пойду один, – сказал Руслан. – Возьму только санитарный киб. Отставить возражения! Как только «струна» проделает во льду канал, уводите модуль. И ждите, пока я не вернусь. Вопросы?

– Это неправильно, – тихо проговорила Маша Резник, единственная девушка в спасотряде, бывшая гимнастка, черноглазая, невысокая, гибкая, как змейка. – Один ты не справишься.

– Нет смысла рисковать всем, – отрезал Руслан. – Если шахта не схлопнется, я их вытащу.

– Может быть, посоветуемся всё-таки с базой? – нерешительно предложил Виссарион.

Руслан усмехнулся.

– Ты сегодня удивительно дипломатичен. По местам!

Он встал рядом с кибом – двухметровой «черепашкой» с медицинским оборудованием, махнул рукой:

– Эндрю, давай!

– Игорёк, импульс! – скомандовал пилот модуля.

Инк включил «шпультку», и под носом вертикально зависшего надо льдом модуля возник тусклый серый луч диаметром около трёх метров, тут же сжавшийся в невидимую нить. И в свежем льду трещины образовалась дыра неведомой глубины. Все материальные образования, что находились на трассе разряда: молекулы льда, атомы и даже элементарные частицы, – «свернулись» в тончайшие полевые «нити», которые мгновенно растворились в вакууме. А в ледяном плато Европы образовалась идеальной формы круглая шахта, пробившая слой льда, океан планеты, её мантию и ядро. Правда, этого люди не увидели. Лишь позже стало известно, что канал, пробитый «шпульткой» модуля, действительно едва не проткнул всю Европу.

Никакой радиации в «струнной шахте» не обнаружилось, и Руслан нырнул в неё как в воду, крикнув инку киб:

– За мной!

Киб послушно последовал за командиром группы.

Возможно, ему повезло. Возможно, стены трещины временно перестали сближаться. Но Горюнов прорвался к палатке с «экологами», опустившись на полторакилометровую глубину всего за сорок секунд.

Игорёк не подкачал. Его расчёт канала был исключительно точен, как и выстрел из «шпультки». Руслану пришлось пробивать лёд до палатки всего лишь двадцатисантиметровой толщины.

Ручной плазмер справился с этим без проблем, проплавив нишу, в которую легко проникли человек и киб. Остальное было делом техники, если не считать психологическое состояние попавших в бедственное положение людей и дикую спешку: стены созданной во льду шахты начали трещать, поддаваясь давлению огромных ледяных масс.

Но всё обошлось.

В ледяном плену «экологи» находились чуть больше двух часов и не успели ощутить всю прелесть клаустрофобии¹⁴, хотя и пережили опустошающее чувство бессилия и страха.

Руслан разрезал стенку палатки с помощью неймса¹⁵, вытащил первого неудачливого исследователя, второго. Женщины вылезли сами. Киб подхватил всех четверых, мало соображающих, что происходит, прижал манипуляторами к платформе и поспешил наверх, к почти невидимому кружочку устья шахты. Руслан последовал за ним, отмечая боковым зрением появляющиеся сколы на стенках шахты и трещины.

Подъём занял две минуты.

---

¹⁴ Клаустрофобия – боязнь замкнутого пространства.

¹⁵ Неймс – нейтронизатор межмолекулярных связей.

Киб с грузом поплавам выскочил из шахты, за ним в клубе морозной пыли вылетел Горюнов. В следующее мгновение шахта сжалась в плоскость, исторгнув струю ледяного крошева и пара. По прозрачному слою трещины прошло колебание, породив во льду множество мелких разломов. Лёд стал выглядеть как сахарная масса. В ста метрах от этого места снова заработал гейзер, едва не окатив струёй воды спасательный модуль. Но дело было уже сделано. Спасённым ничего больше не грозило.

– Ну, ты даёшь, командир! – проворчал Виссарион, поёжившись. – Ещё чуть-чуть – и вас бы раскатало в ноль!

– Чуть-чуть не считается, – беспечно махнул рукой довольный Руслан. – В медотсек их. Маша, займись реабилитацией.

Пострадавших перегрузили в модуль, спасатели заняли свои места, Руслан дал команду возвращаться. И только заняв своё командирское кокон-кресло, он вдруг почувствовал дрожь в коленях и облился холодным потом. Он и в самом деле был на волосок от гибели! Ему просто повезло, что шахта сжалась после выхода группы. Их могло зажать всех, и тогда никто не успел бы прийти на помощь.

«Впрочем, как известно, победителей не судят!» – слабо попытался оправдаться Руслан перед самим собой.

«Ага, как же», – ответил он этому робкому голоску.

Модуль вонзился в чёрное небо Европы, наполовину загороженное пухлой голубовато-жемчужной горой Юпитера.

Внутренний голос оказался прав.

«Разбор полётов», то есть оценка спасательного рейда, прошёл совсем не так, как рассчитывал Горюнов.

Да, его признали героем, отметили нестандартный подход к решению проблемы... и забраковали исполнение, сославшись на игнорирование пункта СРАМ-инструкции службы: «Сведение риска к абсолютному минимуму». Вывод комиссии был однозначен: Горюнов должен был вызвать грузолёт и только после этого начинать операцию по спасению попавших в беду людей. Рисковать ими – не собой! – он не имел права.

– Месяц отдыха, – сказал ему начальник Централы АЧС внешних планет. – И хорошенько подумай, стоит ли потом возвращаться в агентство. Может, поискать другую работу?

– Я не считаю себя виноватым, – сжал зубы расстроенный таким поворотом дела Руслан.

– Вот поэтому тебе и даётся возможность оценить свои действия и разобраться в принципах службы. Риск риску рознь. Понял?

– Нет.

– Иди, Горюнов. Надеюсь, ты доверишься нашим психологам. Они вообще рекомендовали тебя уволить. Я посчитал возможным с окончательным решением подождать.

– Благодарю.

– Не за что. Будь здоров.

Руслан пожал протянутую руку и вышел из кабинета начальника, размышляя, что же делать дальше.

Однако долго находиться наедине со своими мыслями ему не дали.

В отсеке метро, расположенного на спутнике Марса Деймосе, к нему подошёл кряжистый, крупнотелый, с седыми висками мужчина в тёмно-синем униформе космона, без знаков различия.

– Добрый день, господин Горюнов. Моя фамилия Воеводин. Есть разговор. Предлагаю найти тихое местечко и выпить по чашечке горячего шоколада. Не возражаете?

– Я вас не знаю, – озадаченно сказал Руслан.

– Это не важно. Зато я вас знаю. И у меня к вам деловое предложение.

– Хорошо, идёмте, – согласился Руслан, поддаваясь уверенности и тону незнакомца. – Можно посидеть здесь, в кафе...

– Лучше там, где нас мало кто знает.

Воеводин подошёл к кабине метро, сделал приглашающий жест.

Руслан вошёл.

Воеводин набрал на панели задатчика маршрут, и дверь закрылась.

Мигнули светильники. Ударило в ноги. Перехватило дыхание. Сознание померкло и тут же восстановилось.

Воеводин вышел первым.

Руслан шагнул за ним и с интересом взгляделся в пейзаж за прозрачными стенами полу-сферы, венчавшей пирамидальную гору в ряду таких же остроконечных скал и гор.

Чёрное небо с крупными немигающими звёздами. Одна из них крупнее остальных. Слабое сияние по горизонту. А точно в зените – серая, с голубоватыми и белыми вихриками, круглая т е н ь. Вроде бы планета, а вроде бы и нет.

Пейзаж был явно неземным, хотя сила тяжести под куполом практически от земной не отличалась. Лишь понасиловав память, Руслан сообразил, что неизвестный наблюдательный пункт находится на спутнике Нептуна Нереиде.

– Здесь у нас база, – сказал посматривающий на него Воеводин.

– У кого – у нас? – пробормотал Руслан.

– Я – командир особого отряда «Сокол» Управления внешней контрразведки Службы безопасности.

Руслан изумлённо вскинул брови.

Собеседник приглашающе повёл рукой:

– Давайте спустимся в мои апартаменты. Там никто нам не помешает.

Круглая площадочка безынерционного лифта унесла их в глубины станции.

Апартаменты командира неведомого Руслану «Сокола» оказались ничем не примечательными. Обычный рабочий модуль, называемый по старинке кабинетом, каких полно в любом учреждении. Обычный интерьер, встроенная в стены аппаратура сопровождения и доставки. Единственное, чем он отличался от таких же кабинетов, было мозаичное панно ручной работы из кусочков голографического стекла на стене помещения, под разными углами зрения смотревшееся по-разному. То это был портрет какого-то старца, то природный пейзаж, то урбанистическая панорама с жилыми башнями.

– Моя племянница делает, – заметил взгляд гостя Воеводин. – Закончила архитектурный, работает дизайнером в одной фирме, но для себя занимается фрисмайлом. Эту композицию она подарила мне.

– Необычная вещь... первый раз вижу такое... разнообразие.

– Присаживайся, разговор предстоит долгий. Горячий шоколад? Или предпочитаешь современные напитки? Глинт? Энио? Лунный мёд? Синкола?

Переход на «ты» Руслана нисколько не покорило, так естественно это у Воеводина получилось.

– Благодарю, я буду то же, что и вы.

– Тогда японский чай.

Воеводин кивнул, и в кабинете появился парящий в воздухе поднос, на котором дымились чашки с горячим зеленоватым напитком.

Руслан сел в предложенное кресло, взял чашку.

Стены кабинета превратились в панорамный виом с видом на огненное горнило Солнца, наблюдаемого с поверхности Меркурия. Но Воеводин убрал меркурианский пейзаж, и хозяина с гостем окружил вполне земной лес средних широт, начинавшийся на берегу ручья.

– Я знаю, что тебя отстранили от работы, причём справедливо.

Руслан сделал глоток, отвёл глаза.

– СРАМ-инструкция в таких условиях неприменима. Ожидание было не менее рискованным мероприятием. Любая подвижка льда могла окончательно раздавить палатку.

– Согласен. Хотя доказать это невозможно. СРАМ же доказал свою обоснованность в тысячах случаев. Но я не об этом. Несмотря на очевидные выводы комиссии, я хочу предложить тебе другую работу.

Руслан с недоверием посмотрел на Воеводина:

– Вы серьёзно?

– Нам нужен человек, о связи которого со спецслужбами ничего не знает ни статистическое управление, ни социнституты, ни даже Служба безопасности.

– Вы предлагаете мне работать... в контрразведке?!

– Учись не задавать лишних вопросов. Если ты согласен, я введу тебя в курс дела.

– Прямо сейчас? Сразу?! – Ошеломлённый Руслан залпом допил чай, не ощущая его вкуса. – Но я ведь только спасатель.

– У тебя неплохая подготовка, – небрежно отмахнулся Воеводин. – Я ознакомился с твоим досье. Остальное получишь по мере необходимости. Поскольку у меня мало времени, лучше, если мы начнём работать, не откладывая в долгий ящик.

– Хорошо, я готов... только что я скажу начальству?

– С твоим начальством разберутся другие люди. Положишь на стол Теренсу заявление об уходе, этого будет достаточно. У нас дисциплина военная, предупреждаю сразу, хотя работа творческая. Но ты быстро привыкнешь. Спасатели тоже дисциплинированные люди... в большинстве случаев. О звании и должности поговорим отдельно. Не обидим. Единственная неприятная процедура – имплант пси-защиты. Он поможет отбить любую гипноатаку.

– Меня будут... атаковать? Кто?

– Все, кто будет в этом заинтересован, – усмехнулся Воеводин. – А такие найдутся. Теперь непосредственно о деле. Что ты знаешь о Суперструннике?

Руслан удивился вопросу, но постарался выглядеть достойно.

– О Суперклиз... э-э... ну, я особенно не интересовался... это суперструнный генератор для исследования квантовой гравитации... Строится между орбитами Земли и Марса...

– Всё?

– Он является самым большим из всех генераторов пробоя вакуума. Его длина, кажется, около двадцати тысяч километров.

– Цель постройки?

– Ну, я же сказал – исследование свойств гравитации...

– Позволю себе уточнить. Все ускорители элементарных частиц, которые были построены до нынешнего времени, принципиально не могли перешагнуть порог энергий до десяти в шестнадцатой степени тераэлектронвольт. А это именно тот порог, который может открыть нашим учёным тайны сингулярности, если тебе это о чём-то говорит. Ну, или тайны рождения Вселенной.

– Я как-то не...

– Вот почему был рассчитан абсолютно иной способ достижения цели – «суперструнный». Созданная Суперклизмой «струна» создаст цепочку микроскопических чёрных дыр, которые при схлопывании дадут нам искомый результат, позволят заглянуть в прошлое на десяток с лишним миллиардов лет, вплоть до начала Большого Взрыва.

– Интересно, – сказал Руслан, чтобы хоть что-то сказать.

– Ты полагаешь? – посмотрел на него командир «Сокола», подняв бровь. – Впрочем, это и в самом деле весьма интересно. Учёные вознамерились уточнить космологическую структуру Вселенной, флаг им в руки. Теперь поговорим о другом. Что ты знаешь о шаровом звёздном скоплении Омега Кентавра?

– Ничего, – честно ответил Руслан, перестав искать в вопросах Воеводина тайный смысл.
– Не буду утомлять тебя цифрами и фактами, не относящимися к проблеме. В скоплении недавно открыт загадочный объект, получивший название Ось Зла. Вот его конфигурация.

Лес вокруг собеседников исчез. Вместо него появилось угольно-чёрное небо и велико-лепный звёздный шар, сверкающий всеми оттенками красного и оранжевого цветов.

Шар поплыл навстречу, заполнил собой всё пространство обзора. В нём обозначилась цепочка звёзд, оконтуренных жёлтыми колечками. Все они держались близко друг к другу и укладывались на одной прямой линии. Их было не меньше нескольких десятков, и Руслан невольно сравнил образованную ими фигуру с тростью, унизанной рубинами.

– Хороша тросточка.

– Это реально существующий объект. В нём сто одиннадцать звёзд. Все они находятся строго в пяти астрономических единицах друг от друга и соединяются фермой из какого-то необычного материала, не сгорающего в ядерном пламени звёзд.

– Откуда вы знаете?

– Там сейчас работает группа наших специалистов.

– Вы хотите сказать, что они... контактируют со строителями Оси?!

– Строители не отзываются. Может быть, их давно нет. Строилась Ось тысячи лет назад. Но суть не в этом. В настоящий момент Ось занимает такое положение, что наша Суперклизма и Ось находятся строго на одной прямой. Идеально! Ну, или почти идеально. Понимаешь?

– Нет...

– Случайно или не случайно их ориентация такова, что они укладываются на одну прямую, составляют, так сказать, своеобразную «суперструну».

– Ну и что? Теория вероятности допускает и не такие конфигурации звёзд в скоплениях. Воеводин пригладил пальцем бровь.

– Первооткрывателя Оси убили. Его приятелей тоже. Запись об открытии исчезла. К счастью, убийцы не смогли уничтожить все следы, и нам удалось зацепиться за странности проблемы. Если прямолинейная ориентация Оси Зла и Суперклизмы – случайное совпадение, то ликвидацию астрономов случайной назвать трудно. Вот почему нам нужен независимый опер, которого никто не заподозрит в связях с контрразведкой. Возьмёшься? Риск максимален. Мы пока не знаем, с чем или с кем столкнулись. Надо будет влиться в коллектив строителей Суперструнника и выяснить всё, что можно.

– Я не строитель...

– Квалификация строителя тебе не понадобится, хотя придётся вживить в память интенционал по конструкции Суперструнника. Строительство курирует ФАК¹⁶, их специалист временно выбыл из процесса.

– Как это – временно выбыл?

– Специалист – девушка, – усмехнулся Воеводин. – Точнее – молодая женщина, собралась рожать. Нужна замена. Мы можем послать тебя как представителя агентства.

– Я не разбираюсь в специфике его работы.

– Скушаешь ещё один интенционал.

Руслан помолчал, не желая выглядеть торопыгой.

– Вы всё продумали.

Воеводин отвернулся, разговаривая, очевидно, с кем-то по мыслесвязи.

Руслан посмотрел на сияющую Ось Зла.

– Какая может быть связь Оси с... – Он заметил нетерпеливое движение пальца собеседника и выпрямился. – Я согласен.

---

¹⁶ ФАК – Федеральное агентство по контролю за опасными исследованиями.

– Ну и славно. – Воеводин отставил пустую чашку из-под чая, встал. – С деталями тебя познакомит мой помощник. Сутки на подготовку. Завтра в это же время ты должен быть на стройке. Вопросы есть?

Руслан ощутил внезапный холодок в желудке, подтянулся.

– Связь?

– Информационная – через сеть нашего «спрута», экстренная – по консорт-линии, коды и форму тебе предоставят. Всё?

– Пока всё.

– С богом! – Воеводин повернул голову к двери. – Ваня.

Вошёл белокрысый парень с неприметной наружностью, но с приятным лицом. Бросил взгляд на гостя, кивнул:

– Добрый день. Слушаю, командир.

– Твой подопечный, знакомьтесь.

Белокрысый протянул руку:

– Иван Грымов.

– Руслан Горюнов, – пожал протянутую руку спасатель.

– Задача – за сутки сделать из него нашего человека, – добавил Воеводин.

– Сделаем, генерал. – Белокрысый со смешной фамилией Грымов сделал приглашающий жест. – Идёмте.

Руслан шагнул к выходу и вдруг понял, что не спит.

Глава 5

Удар в спину

Первая неприятность обнаружилась неожиданно: бортовой комплекс «струнной» связи внезапно перестал принимать сообщения с базы.

Тихий долго пытался разобраться в причинах этого явления, что-то менял, тестировал, программировал. Потом признался, что неисправность кроется в структурах бортовой рации и что устранить её можно только на Земле.

– Пробовал заменить блоки? – поинтересовался Рудольф Маккена.

– Не работают ни основной, ни резервный, – буркнул инк.

– Причина?

– Никаких предположений. Настроиться невозможно. Происходит самопроизвольный дрейф частот хайевой денситины. Такое случается лишь при заводском браке. Но ведь не могли же нам дать блоки с одинаковой неисправностью? К тому же связь до этого момента работала нормально.

– Попробуй настроить контур ещё раз.

– Делаю всё, что могу, – сухо отрезал инк. – Но я не ремонтный витс, мои возможности ограничены.

– Экипаж? – обратился Маккена к подчинённым.

Вопрос повис в воздухе. Причин отказа техники никто не понимал, даже Успенский, попытавшийся проанализировать состояние бортовых систем связи. Поэтому все молчали, не представляя, чем выявленная неисправность может грозить спейсеру.

«Ра» продолжил дрейф вокруг звёзд Оси Зла.

Эксперты были заняты своими расчётами и исследованиями феномена. Экипаж занимался текущими проблемами рейса, также участвуя в изучении Оси, накапливая багаж фактов, которые впоследствии могли бы помочь учёным на Земле.

На пятый день пребывания в скоплении спейсер приблизился к ферме, соединявшей звёзды Оси, и люди впервые вышли в открытый космос, чтобы «пощупать странную конструкцию руками» и убедиться в том, что она им не грезится.

Ферма оказалась вполне материальной, хотя прикоснуться к ней руками не удалось. По узлам и секциям фермы гуляли миллионвольтовые электрические разряды, защиты от которых земные «кокосы» не имели. Даже экспедиционные кибы не смогли подобраться к ферме и дотронуться до неё манипуляторами. И только «големы» – модули высшей защиты приблизились к ферме вплотную и какое-то время изучали её геометрию и материальный состав, хотя пляска молний скверно отражалась и на их управляющих инках.

Однако ни эксперты, ни исследовательская аппаратура «Ра» так и не смогли определить материал, из которого она состояла. Ни о каких известных элементарных частицах речь не шла. Ферма-спица могла равным образом состоять из экзотических нейтралино либо из «зеркальных» отражений обычных частиц. Без приставки «анти». То есть, естественно, материал фермы не мог быть антивеществом, так как давно прореагировал бы с ядерной плазмой звёзд.

И всё же Маккена нашёл способ «потрогать ферму руками».

Один из двух имеющихся на борту «големов» усовершенствовали, снабдили дополнительным контуром полевой защиты, и к ферме направился отряд в составе двух человек: Розы Линдсей и драйвера-примы Вацлава Хржички.

«Голем» достиг крайней «веточки» фермы, имевшей в сечении форму ажурной снежинки диаметром с планету, но пристыковаться не смог. Манипуляторы соскальзывали, и даже

вакуумные присоски не держали, настолько материал «снежинки» оказался даже не скользким – ажурным! Это и в самом деле был чистойшей воды фрактал наподобие губки Серпинского¹⁷.

– Я поняла, Марч, – заговорила Роза Линдсей, обращаясь, очевидно, к своему напарнику, оставшемуся на борту спейсера. – Это кристалл!

– Что? – не понял пилот. – Какой кристалл? Вы о чём?

– Вакуумный. Ось не смонтирована из отдельных секций, она выращена из вакуума как кристалл.

– Только так и можно создать такую конструкцию, – прилетел тихий голос второго эксперта. – Посмотри там внимательно, какова симметрия губки.

– А симметрия здесь при чём? – спросил Вацлав. – Что нам она даст?

– Интересно, как закручены оси кристалла, – ответил Марч Кремень. – Направо или налево. Если налево – существа, спроектировавшие Ось, близки к нам по хиральности, а может быть, и по психологии. Если направо...

– Они негуманы?

– Закономерности тут сложнее, – сказала Роза. – И так ясно, что скорее всего Ось строили негуманоиды.

– Пауки, – фыркнул драйвер-прима «Ра».

– Может быть, и пауки.

Разговор прервался.

«Голем» медленно двинулся вдоль туманно-прозрачной «губки», пронизанной порами разного размера. Попробовал отломить кусочек «снежинки», но манипуляторы всё так же соскальзывали, и захватить «веточку фрактала» не удалось.

– Командир, может быть, попробуем отрезать кусочек с помощью неймса? – предложил Вацлав.

– Попробуйте, – дал разрешение Маккена.

Инк «голема» прицелился, выстрелил из нейтрализатора молекулярных связей.

Однако на материал ближайшей ветви «снежинки» это не произвело никакого впечатления. Луч неймса, в котором распадалась все виды вещества, не оставил на сияющей под лучами близких звёзд веточке никакого следа.

Длинная голубоватая молния проскользнула по «снежинке», обвилась вокруг «голема», умчалась по ферме дальше. «Голем» содрогнулся, однако его защита выдержала.

– Сидим как на электрическом стуле, – со смешком заметил пилот.

Роза не ответила, колдуя над программами аналитического комплекса «голема». Для неё в настоящий момент не существовало ничего, кроме объекта исследований.

– Неймс не действует, – сказал Вацлав. – Командир, у нас есть ещё лазер и аник.

– Давай, – согласился Маккена. – Только поосторожней, пожалуйста.

«Голем» нырнул в глубь «снежинки», пристроился к очередной «веточке фрактала» величиной с гору. Пилот поймал в перекрестье визирных меток маленький ажурный «можжевельник» и попробовал отрезать его «ножом» лазера.

Тонкий луч сиреневого цвета отразился от «можжевельника», заметался по соседним «веточкам», образуя своеобразный губчатый мох, погас.

– Не берёт, зараза!

Ещё один выскерк луча. С тем же результатом.

– Ладно, попробуем аник.

Но и невидимый «скальпель» аннигилятора – луч антипротонов – ничего не мог поделаться с веществом «мха». Он также отразился от «веточки можжевельника» и бесследно затерялся в кавернах «снежинки».

¹⁷ Губка Серпинского – яркий образчик фракталоподобных геометрий.

– Этого следовало ожидать, – заметила Роза.

– Можно ещё попробовать плазменный выхлоп...

– Получим то же самое. Это экзоматерия. Возможно – «зеркальная», как мы и предполагали. Возможно, она состоит из вимпов или аксионов.

– Насколько я знаю, – подал голос Успенский, – все эти частицы формируют гравитационное поле. У нас же – ноль на счётчиках! Ферма не имеет массы!

– Нужны дополнительные измерения, – сухо заметила Роза. – Мы здесь всего пять дней, выводы делать рано.

– Да я не возражаю, – сказал инконик спейсера флегматично.

– Возвращайтесь, – сказал Маккена.

– Командир, я попробую пройти внутрь фермы, – произнёс Вацлав. – Вдруг обнаружим что-нибудь интересное?

– Фрактал везде одинаковый, – скептически хмыкнул Успенский. – Потому он и фрактал.

– Возвращайтесь, – повторил Маккена.

– Я бы тоже хотела углубиться в структуру, – поддержала пилота Роза Линдсей. – Датчики регистрируют усиление вакуумных осцилляций. Здесь рождаются античастицы.

– Хорошо, опуститесь пониже, насколько можно, но не дальше чем на сто километров.

«Голем» скользнул к соседней «ветви снежинки», нырнул в «долину» между ветвями, затем ещё ниже, в недра «мшистой» «губки Серпинского».

Видимость ухудшилась. Левая и правая звёзды Оси скрылись за ажурными сплетениями «мха» и «можжевельника» фермы.

Аппарат включил прожектор. Луч света буквально разбрызгался от засиявших белым накалом «ветвей снежинки». Раньше они казались красными в лучах багровых звёзд, теперь же стало ясно, что вещество фермы отражает свет как абсолютное зеркало.

«Голем» продолжил спуск в глубины сложнейшего фрактала, образовавшего непревзойдённой красоты «губку».

Радиосвязь тоже ухудшилась. Сигнал тонул в странных помехах. Возможно, причиной тому было дифференциальное рассеивание радиоволн на изломах конструкции либо аномально высокое содержание антипротонов, рождающихся вблизи «мха».

– Ещё немного, и возвращаемся, – сказал заскучавший пилот.

Роза не отозвалась. Она лихорадочно работала: снимала показания датчиков и всевозможных измерителей полевой обстановки, анализировала фон излучений вокруг аппарата, записывала свои мысли.

Опустились на сорок километров внутрь гигантских каверн, образованных всё тем же законом фрактальных расхождений.

Ничего особенного не происходило. Радиоактивный фон и количество змеящихся вдоль волокон «мха» молний достигли определённой величины и держались на одном и том же уровне.

Связь прекратилась совсем.

Вацлав Хржичка хотел предупредить эксперта, что они поворачивают назад, и вдруг заметил слева по ходу движения какой-то необычный выступ на крайней «веточке можжевельника».

– Роза, слева, видите?

Эксперт с трудом оторвалась от своих занятий, нашла выступ.

– Да, вижу... странно... подойдите поближе.

Вацлав сориентировал аппарат, снизил скорость.

Нарост на остром зубце «можжевельника» стал виден лучше. Он отличался от самого «можжевельника» и цветом, и формой, но определить его происхождение было трудно. Он был явно лишним в этом мире фрактальной геометрии.

Моллюск, пришло на ум пилоту сравнение, рыба-прилипала на шкуре кита.

Однако это был не моллюск.

«Голем» достиг «куста можжевельника», остановился в двух сотнях метров от него.

Стало видно, что нарост, действительно напоминавший по форме спиралевидный панцирь улитки, буквально пронизан стрелкой «можжевельника», пришиплен к кусту фрактала.

– Что это? – с удивлением проговорила Роза.

– Ё моё! – выдохнул Вацлав, внезапно догадываясь. – Да это же... космолёт!

– Космолёт?!

– Посмотрите внимательно! Это неземной космолёт! У нас никогда не было машин таких форм. А больше здесь некому появляться. Они, как и мы, пришли посмотреть на Ось и наткнулись на острый шип «можжевельника»!

– Почему?

– Откуда я знаю? Может, не снизили вовремя скорость, может, их сбила пляска молний.

А возможно, корабль вели автоматы.

– Автоматы, как правило, реагируют быстрее людей.

– Я просто перечисляю варианты.

– Надо срочно вызвать сюда остальных!

– Связи нет, нас не слышат.

– Но им, возможно, нужна помощь!

– Кому?

– Экипажу этого «моллюска».

– Корабль пробит от носа до кормы! Наверняка все погибли. К тому же он мог просидеть здесь «на игле» сотни лет.

– Всё равно надо проверить.

Пилот помедлил, продолжая вызывать спейсер, но ответа не получил.

– Хорошо, попробуем подойти вплотную.

«Голем» двинулся к «ракушке моллюска», ощупывая её лучом прожектора. Стало видно, что чужой корабль примерно такой же величины, что и земной спейсер. Вблизи в его грязно-зелёно-коричневом корпусе открылись какие-то ниши, выбоины и вмятины, что позволяло точнее определить возраст корабля. Ему и в самом деле было много лет.

– Я же говорил... – начал пилот.

– Там дыра пониже, у кормы, – перебила его Роза. – Попробуй пройти внутрь.

Вацлав хотел возразить, но прикусил язык: экспертша могла неправильно его понять, обвинить в трусости. Он же всего-навсего выполнял пункт СРАМ-инструкции.

«Голем» подошёл вплотную к спиралевидной горе «моллюска», осторожно проник в десятиметровый пролом в нижней трубе «раковины». Прожектор осветил какие-то сложные геометрические изгибы внутренних переборок, пятна изморози на стенах помещения, ноздреватые глыбы льда. Открылся проход внутрь корабля, похожий на глотку кита.

– Запроси их.

Пилот послушно включил рацию:

– Есть тут кто живой? Проснитесь! Ответьте! Или хотя бы покажитесь.

Ответом ему была мёртвая тишина.

Вацлав помигал прожекторами, постучал лапой манипулятора в стену помещения, вызвал хозяев ещё раз. Но корабль чужаков был заполнен вакуумом, воздух из него весь вышел, и отвечать землянам никто не спешил.

– Корабль мёртв, – пробормотал Вацлав. – Никого мы здесь не найдём.

– Может быть, пройдем дальше в «кокосах»? – предложила Роза.

– Не вижу смысла! – отрезал Вацлав. – Доложим командиру, пусть решает.

– Хорошо, – согласилась женщина, добавила после короткой паузы: – Скорее всего они были жителями океана.

– Почему?

– Пятна изморози на стенах – это лёд. Вон те наросты внизу и вверху – тоже лёд. Корабль был заполнен водой. Да и форма его уж больно специфична.

– Может быть, – осторожно сказал Вацлав. – Хотя это уже не имеет никакого значения. Космолёт торчит здесь давно. Все эти дырки в его корпусе проела аннигиляция.

Пилот выключил прожектор, и стало видно слабое звёздчатое мерцание краёв пролома – в большей части и стенок помещения. Возникающие в вакууме вблизи «можжевельника» антипротоны аннигилировали с веществом корабля, вспыхивали звёздочками и продолжали разъедать корпус корабля, потерявший защиту.

– Уходим. Командир может послать за нами второй «голем».

– Хорошо, возвращаемся, – согласилась разочарованная женщина.

Аппарат выбрался из отсека разбитого корабля, развернулся, ощупывая лучом прожектора нависающие со всех сторон «ветви можжевельника», будто надеясь увидеть живых обитателей космолёта, потом двинулся обратно, в точности повторяя все эволюции прежнего курса.

Через час они всплыли над верхней «лопастью снежинки» и сразу услышали голос второго пилота «Ра», вызывающего разведчиков.

– Здесь мы, всё в порядке, – отозвался пилот. – Связи не было, как в могиле. Мы обнаружили корабль.

Стало тихо.

Потом Маккена сказал:

– Наш?

– Нет, чужой. У него моллюскообразная форма, как у домика улитки, разве что чуть посложней. Внутри пусто. Экипаж скорее всего давным-давно мёртв. Хотя времени на детальное обследование у нас не было.

– Возвращайтесь.

– Интересно, чего они такие недовольные? – вполголоса проговорил Вацлав, обращаясь к Розе.

Та не ответила.

На борту стало известно, что «струнная» рация космолёта вышла из строя окончательно. Ни основной, ни резервный блоки комплекса не работали. Теперь «Ра» не мог ни посоветоваться с базой, ни даже просто сообщить руководству Управления контрразведки о своих открытиях.

* * *

Сутки Успенский, бортиженер корабля Иванов и Тихий пытались разобраться в причинах отказа связь-комплекса. Потом инконик жестом вызвал Маккена в кают-компанию.

– Не поверите, командир...

– Говори, – сдвинул брови к переносице Маккена.

– Я думаю, аппаратуру поразил вирус.

Лицо Маккены не дрогнуло, лишь в глазах протаяло сомнение.

– Нановирус, – добавил Успенский с кривой усмешкой. – Нам надо как можно быстрее убираться отсюда. Возможно, у него в программе заложено и повреждение Тихого. Тогда нам вообще кранты.

– Этого не может быть!

Успенский развёл руками.

– Я проанализировал все данные, учёл поведение систем, сделал на личинке¹⁸ прогноз... Иного объяснения просто не существует. Тихий реагировал правильно, пытался отремонтировать рацию своими силами, но вирус действовал хитрее, очень медленно, избирательно, а потом, очевидно, самоликвидировался. Мы не найдём никаких следов.

– Следы остаются всегда, надо лишь знать, где их искать. Но мне в таком случае непонятно, как нанобоб попал на корабль.

– Эксперты.

– Что?!

– Они, может быть, даже не догадываются, что являются носителями вируса. Мы же их не проверяли? Ни их самих, ни багаж. Либо нанобоб запустил тот, кто их сопровождал.

– Не гони пургу! – фыркнул Маккена. – Это зам Джона Ву Кингсли Фурсенко.

– Ну и что, что зам? Нынче ни в ком нельзя быть уверенным на сто процентов.

Маккена покачал головой, задумался.

– Хорошо, иди на место. Никому ни слова! Поработай с Тихим напрямую, проверь его адекватность, но так, чтобы вирус, если он уже внедрён в систему, не догадался о тестировании и не начал атаку.

– Понял.

Успенский удалился, озабоченный.

Маккена прошёлся по кают-компаниям, защита которой включалась автономно и не зависела от услуг инка, потом вскрыл пакет инструкций, полученный ещё перед походом на случай непредвиденной ситуации. Прочитал текст на двух страничках: инструкции были напечатаны на специальной бумаге и дублировались на играющей перламутровыми переливами чешуйке флэшки. Люди, разработавшие инструкции, предусмотрели множество вариантов развития событий, однако далеко не все. Выход из строя комплекса связи по вине нанобоба они не предвидели.

Маккена вложил листочки и флэш в конверт, стукнул по нему пальцем. Конверт вспыхнул ярким пламенем и сгорел за секунду, не оставив даже пепла.

– Командир, надо ещё раз посетить чужой корабль, – раздался в наушнике голос Розы Линдсей.

Маккена хотел ответить отказом, но вдруг подумал, что нановирус может активизироваться от любого неосторожного слова, и коротко ответил:

– Я решу это сам.

Через час, посоветовавшись с Успенским, он дал команду Тихому двигаться внутрь фермы тем же курсом, что шёл недавно «голем» с разведчиками. Тихий повиновался безоговорочно. И тем не менее у Маккены сложилось впечатление, что инк «злорадно захихикал», получив приказ. Конечно, это было чисто психологическое впечатление, навеянное разговором с инкоником, однако отстроиться от него Маккена уже не мог. Он ломал голову, как скрытно рассчитать курс на Солнце и преодолеть семнадцать тысяч световых лет одним прыжком.

«Ра» опустил на глубину в сорок километров внутрь тела фермы вдвое быстрее, чем это сделал «голем».

Показался «нарост» на кусте «можжевельника», проткнутый острым шипом. Чужой корабль был всё так же неподвижен, печален и нем. Ни на один сигнал землян он не ответил.

Тем не менее Маккена выслал «голем» с отрядом спасателей, возглавляемый драйвер-секундой корабля, и в течение пяти часов люди изучали моллюскообразный космолёт, проеденный аннигиляцией до дыр, превратившийся почти в решето. От любого толчка, любого прикосновения его материал начинал ползти, трещать, съёживаться, корабль скрипел и качался, грозя развалиться на куски, и стало окончательно ясно, что его возраст намного

---

¹⁸ Личинка – персональный нанокomпьютер (от слов «личный» и «инк»).

превышает все возможные сроки жизни любых разумных существ. По оценке экспертов, ему исполнилось не меньше двух тысяч лет. Искать живых членов экипажа не имело смысла.

Однако уже одна эта находка – след иного разума! – открывала большие перспективы для земной науки. В скоплении жили разумные существа, изучающие звёзды и обратившие внимание на Ось Зла. Их экспедиция погибла, но поиск их родины уже не казался безнадёжным делом для земных коммуникаторов, и весть о корабле наверняка послужила бы оптимистическим прецедентом, связанным с надеждой на прямой позитивный контакт.

Пока шло изучение чужака, Маккена провёл консультации с Вацлавом Хржичкой и Успенским, втайне от Тихого, на личинке сделал приблизительный расчёт «струны» до Солнца и приготовился осуществить прыжок внезапно, без объявления и подготовки. Он понимал, чем может закончиться оживлённая дискуссия между членами экипажа и экспертами по этому поводу. Неподготовленный переход на «струну» был рискованным. Почти смертельно опасным! Но активизация нановируса вообще могла сорвать старт, что означало бы безусловную гибель экипажа.

«Ра» отодвинулся от мёртвого «моллюска», принадлежавшего иной цивилизации. Пора было решать, что делать дальше.

– Отдыхаем, – сообщил Маккена по внутренней связи. – Есть тема для разговора.

– Может, махнём ещё глубже? – предложил загоревшийся второй пилот. – Вдруг наткнёмся на какой-нибудь другой корабль?

– Вероятность такой встречи... – скептически начал Успенский.

– Всем собраться в кают-компанию! – отрезал Маккена. – Кроме экспертов. Пусть занимаются своим делом.

Поворчав, члены экипажа повиновались.

Через несколько минут Маккена оглядел ждущих его объяснений подчинённых и сказал:

– У вас ровно две минуты на подготовку к прыжку!

Глаза присутствующих с изумлением и недоверием обратились к нему.

– Отсчёт пошёл! – остановил Маккена попытку второго пилота заговорить.

– Линия готова, – доложил Успенский, подготовивший канал ввода информации инку корабля из кают-компания.

– Уходите!

Вацлав Хржичка, знавший о замысле командира, метнулся к выходу.

– Может быть, лучше я оста... – неуверенно начал Успенский.

– Время!

Инконик, изменившись в лице, выскочил из кают-компания. За ним бросились товарищи, сообразившие, что это не розыгрыш.

Маккена вставил флэш-задатчик в гнездо установленного Успенским вириала управления.

– Тихий, режим ЧС! Старт по указанным координатам!

Поскольку он не успевал к своему командирскому кокону, Маккена и не думал спешить. Переход на «струну» он собирался перенести без защитных систем кокон-кресла.

– Вводную принял! – отозвался Тихий голосом озабоченного человека. – Однако хочу заметить...

Пауза.

– Это странно... – Еще одна короткая пауза, голос инка изменился: – Не понимаю...

Внимание! Отмечаю несанкционированное проникновение инородных структур в...

Голос компьютера снова изменился, стал хриплым, булькающим, невнятным:

– Трево... вирусн... атака... резервные системы...

– Старт! – рявкнул Маккена.

– Резерв... систем... поврежд... – Речь инка перешла в неразборчивое бормотание.

– Командир, отбой всей инконики! – крикнул Успенский. – Переходи на аварийный ручник!

Маккена почувствовал ледяной озноб. Переход на ручное управление означал высший уровень компьютерной неадекватности, когда инк буквально «сходил с ума» и мог решиться на любые действия вопреки вложенной в него программе «трёх законов роботехники».

– Вынужд... примен... – прорвался в наушниках голос Тихого.

Маккена с размаху ударил рукой по красному грибку полной отсечки автоматики на подлокотнике кресла.

Глава 6

Непредвиденные встречи

С высоты в сто километров ферма «суперструнного» генератора виднелась блестящей линейкой с мелкой насечкой, теряющейся во мраке космоса. Ничто не говорило о мощности и возможностях этого сооружения, протянувшегося на двадцать тысяч километров, то есть на расстояние, почти вдвое превышающее диаметр Земли. Оно воспринималось лёгкой тростиночкой, плавающей в пустоте, и не могло претендовать на роль серьёзной машины, способной пробивать вакуум и рождать чёрные дыры.

Руслан пожал плечами, одним словом «посмотрим» отвечая самому себе, устроился поудобнее и стал ждать. Ему было тепло и комфортно, мысли плавали из края в край сознания, не задевая сферу чувств, но он чётко знал, что сегодня состоится запуск Суперструнника, и ждал его с нетерпением.

Справа показалось Солнце, но не ослепительно яркое, а словно присыпанное пеплом.

Слева всплыл горб Марса.

Руслан вяло удивился: Суперструнник располагался далеко за орбитой Марса, и красная планета должна была казаться звёздочкой на фоне звёзд Млечного Пути. Но в это время Суперструнник включился, и думать о каких-то несоответствиях в пейзаже стало недосуг.

Линейка генератора пробоя пространства вспыхнула фиолетово-сиреневым светом, образуя странный медленный луч, точнее – ручей пламени, который прынул в обе стороны вдоль линейки. Этот ручей вдруг повернул и вонзился одним концом сначала в Марс, потом другим в Солнце.

Руслан с ужасом увидел, как Марс взорвался! Во все стороны полетели каменные и ледяные обломки планеты, таща за собой кометные хвосты сияющей пыли и газа.

Солнце покрылось темными пятнами, которые начали превращаться в чёрные шары с вихрящейся короной.

«Чёрные дыры! – похолодел Руслан. – Сейчас они разнесут всю Систему!»

Шар повернул к нему, стремительно увеличиваясь в размерах, и... Руслан проснулся, судорожно подскочив на кровати.

Панорамное окно спальни оставалось непроницаемо тёмным, но, судя по вспархивающим мотыльками в толще потолка цифрам времени, над городом занимался рассвет. Пора было вставать.

– Окно, – сказал Руслан, с облегчением расслабляясь.

Стена стала прозрачной.

Действительно, лучи встающего весеннего солнца осветили дальние жилые башни Зарайска, и безоблачное небо обещало хороший день.

«Хорошо, что это был всего лишь сон!» – подумал он.

Сон был навеян беседами с инструктором Воеводина и тем материалом, который Горюнов получил для полного освоения специальности инспектора ФАК. Теперь он был специалистом не только в области социопсихологии и когнитивной экологии, но и в области астрофизики, космологии и физики высоких энергий. Во всяком случае, поддержать беседу о принципах работы Суперструнника он мог легко. Хотя до сих пор не мог преодолеть странного дискомфорта: построенный землянами колоссальный ускоритель, точнее, «дробитель» элементарных частиц, был способен разорвать ткань пространства таким образом, что энергия вакуума порождала самые экзотические объекты Вселенной – чёрные дыры. Суперструнник... или Суперклизма... м-да!

Руслан улыбнулся.

Интересно, чья фантазия породила этот словесный шедевр, назвав генератор деформации вакуума Суперклизмой? Недобрый, наверное, человек.

Нет, хорошо всё-таки, что это был всего лишь сон!

Он подошёл к окну, глядя на город с высоты сорок седьмого этажа шестой жилой «стрелы» центрального района.

Зарайску исполнилось тысяча сто шестьдесят лет, если верить официальным летописям. Первое упоминание о городе-крепости появилось в них ещё в начале двенадцатого века. Но отец Руслана, археолог-лингвист, утверждал, что по окрестным равнинам ещё бродили мамонты и шерстистые носороги, а на прибрежном холме уже селились предки зарайчан. И случилось это не менее двадцати тысяч лет назад.

Много воды утекло с тех пор.

Крепость неоднократно разрушалась и восстанавливалась. Город рос, разорялся и чах, снова отстраивался. Ходили легенды, будто Николай Чудотворец делал его невидимым для завоевателей, оттого он и сохранился в те лихие времена. Лишь название изменилось: начался он как Осётр, Посад Николы и Заразск, а стал Зарайском. Таким его знали и в начале двадцать четвёртого столетия. Разве что он раздался вширь, перешагнул реку Осётр и превратился в одно из современных экопоселений, где наравне с новейшими жилыми башнями сохранились и старинные усадьбы четырнадцатого века, и памятники архитектуры, такие, как Никольский собор, собор Иоанна Предтечи и белокаменный кремль.

Руслан бросил взгляд на хорошо видимые с высоты башни кремля, – главная – парадная башня, носящая имя Николая-угодника, была повернута к его дому «лицом», – и побежал умываться.

С тех пор как ушла жена, в своей небольшой трёхкомнатной квартирке он жил один.

Родители обитали в Корсуни, по нынешним меркам – совсем рядом. На такси-флайте можно было добраться до их дома за десять минут.

Родная сестра Руслана Саша жила с мужем и тремя детьми в Хабаровске.

Друзья расположились кто где: Шурик Гришевич – в Москве, Павел Дружинин – в Калуге, братья Грайсы – в Стокгольме. Однако ничего не стоило встретиться с ними при желании, используя сеть метро. Хотя вместе они собирались редко, не хватало времени. Тем не менее собирались, вспоминая былое, в основном – на Новый год или на празднование Восьмого марта. Правда, уже дважды Руслан отмечал этот праздник без жены.

Он вышел из душевой кабины, вытираясь роскошным старинным полотенцем, подаренным бабушкой, подошёл к нише в стене, где, искусно подсвеченный, висел в воздухе витейр – объёмный портрет жены. Сердце защемило. Ярослава улыбалась. Когда её фотографировали на берегу моря, она ещё не знала, что станет женой Горюнова... а потом уйдёт от него по странной причине, которую можно было назвать одним словом: гордость.

Руслан поморщился, вздохнул, стал одеваться. Он до сих пор был уверен, что не обижал жену, но она ушла, посчитав, что он ограничивает её свободу. Впрочем, настоящей причиной её ухода могло быть и полное отсутствие у Руслана честолюбия. В те времена ему было всё равно, поступит ли он в университет, добьётся чего-нибудь или нет, раздражает ли кого-нибудь его расхлябанность или нет. Хотя при этом ему нравилось казаться целеустремлённым и решительным, часто давая понять, что в семье он главный.

Руслан ещё раз вздохнул.

Ярослава ушла. Вернуть ничего было нельзя. Три года он жил без неё, мечтая когда-нибудь встретиться и объясниться. Но случай так и не подвернулся, хотя многое изменилось с тех пор. Во всяком случае, он действительно обрёл некую внутреннюю силу и твёрдость, иначе не стал бы спасателем экстра-класса, которому доверялись сложнейшие операции. И всё же Ярославы не хватало. Яры – если она сердилась, Славы – если пребывала в хорошем настроении.

Руслан позавтракал: рис в малиновом соусе, перепелиные яйца в майонезе, кофе со сливками (всё это, естественно, готовил его кухонный автомат), – махнул рукой витейру жены и аккуратно закрыл за собой дверь квартиры.

Его ждала другая жизнь, жизнь секретного агента контрразведки, работающего под личной инспектора Федерального агентства по контролю за опасными исследованиями, ответственного за экологическую безопасность Суперструнника. Никто из друзей и подруг Горюнова не знал о его новом назначении. Даже отцу он ничего не сказал, справедливо полагая, что не смог бы ответить на все его вопросы. А врать не хотелось.

В принципе, он мог бы жить и дома, поскольку добираться до стройки в космосе не составляло труда. Пять минут от дома до метро, три минуты с переходом и выходом на метро, две минуты по коридорам Суперструнника – вот и всё время в пути. Но Руслан решил поселиться на месте своего предшественника, чтобы «проникнуться духом» грандиозной стройки, поэтому захватил с собой всё, что могло понадобиться ему на первое время. Сумка получилась солидная, а самой ценною вещью в ней был портрет Ярославы. Хотя зачем он взял его с собой, Руслан и сам не знал.

Суперструнник имел свою службу охраны. Извне его охраняли фрегаты Службы безопасности, внутри, там, где располагались закрытые объекты – центр управления, служебные помещения, тоннели и научно-исследовательские терминалы, – службу несли охранники-люди и витсы.

На выходе из отсека метро Руслана проверили: сканер снял с него все показания, в том числе – биометрические параметры личности. Но так как выходил он на работу легально и все данные соответствовали действительности, пропустили его в небольшой приёмный холл деловой зоны стройки беспрепятственно.

В зоне располагались все нужные Руслану офисы руководителей стройки.

Первым делом Горюнов предстал пред светлыми очами начальника охраны Суперструнника господина Кляйстера, неторопливого бельгийца, который прочитал ему лекцию о соблюдении правил общежития на объектах стройки и предупредил о зонах повышенной опасности, куда даже инспектору ФАК нельзя было проходить без сопровождения. Таких зон было пять. А кроме того, сообщил, где Горюнову предстоит обитать и как туда добраться.

Руслан вошёл в свой жилой модуль, где до него жил предшественник, вернее, предшественница, со смешанным чувством ожидания и стеснения. Но все его страхи оказались напрасными. Никаких следов пребывания женщины модуль не сохранил. Кроме разве что тонкого запаха духов. В остальном это был стандартный жилой «барабан» длиной в пять и шириной в три метра, имеющий кровать, столик, стул и видеосистему. Точно в таких же обитали все строители Суперструнника, учёные, эксперты и другие официальные лица, причастные к стройке.

Бросив сумку в нишу гардероба, Руслан осмотрелся, опробовал видеосистему – шли новости, заглянул в крохотный бар: безалкогольные напитки в ассортименте, затем в не менее крохотный туалет и вышел из отсека, закрыв дверь на кодовый биопараметрический замок. Теперь открыть дверь модуля мог только он.

Захотелось пройтись по всем интересным узлам строительства и даже облететь его кругом на вакуумплотном флайте. Однако Руслан преодолел желание. Сначала надо было доложить научному руководителю строящегося комплекса, профессору Фердинанду Херцигу, разработчику Суперструнника, а потом и руководителю строительной компании «Асур», которая осуществляла монтаж конструкций. Директором компании и координатором стройки была женщина по фамилии Тихонова, и Руслан готовился увидеть мужеподобную фигуру, держащую в пальцах сигарету и отдающую отрывистые приказы суеязящимся прорабам.

Что касается первого деятеля, Фердинанда Херцига, то впечатление от встречи с ним у Руслана не сильно разнилось с его ожиданиями.

Херциг оказался молодым (ему недавно исполнилось сорок два года), энергичным, спортивного вида, хорошо сложенным брюнетом с пронзительными чёрными глазами. По данным Горюнова, Херциг слыл любителем женщин, не пропускал ни одной юбки, но при этом оставался мощнейшим математиком, физиком-теоретиком и космологом, разработавшим теорию «упруго-кристаллического вакуума». Ему прочили большое будущее в сфере разработки базовых физических теорий, и он вполне оправдывал надежды политиков Германии, желающих видеть его во главе Научного Совета мира.

Руслан знал также, что Херциг владеет всеми четырьмя уровнями интегрального мышления и считается одним из представителей хомо футурис – человека будущего, которому подвластны любые математические расчёты без помощи компьютерных систем.

Руслан вошёл в кабинет учёного рядом с центром управления Суперструнником, задержал взгляд на панорамном виоме. Виом показывал Суперструнник в натуре – как бы сверху, под небольшим углом, и его схему с мигающими красным светом недостроенными участками генератора, потом заметил стоящего в задумчивой позе хозяина кабинета и сказал:

– Разрешите побеспокоить?

Херциг оторвался от созерцания медленно вращавшейся конструкции (голографического её изображения), глянул на гостя.

– Слушаю.

– Я Руслан Горюнов, инспектор Федерального агентства контроля. Буду работать с вами.

– Да, я в курсе, – кивнул Херциг, оглядывая фигуру гостя непроницаемыми глазами, и Руслану показалось, что его просвечивает насквозь самый настоящий рентгеновский луч.

В памяти всплыли наставления Воеводина.

Херциг явно был незаурядным человеком и вполне мог читать мысли собеседника. Психозащитник, именуемый в просторечии «вшиником», спрятанный под волосами, явно был не лишним при контактах с ним. Хотя Руслан был уверен, что справится с любой гипноатакой самостоятельно. И всё же беседа с Фердинандом Херцигом требовала внимания и тщательного контроля поведения.

Руслан мимолётно подумал об «интегральном мышлении», доступном только паранормам. Сам он владел только тремя уровнями «интегралбрейнинга»: тактическим, то есть мышлением комбинациями ходов, стратегическим – мышлением позициями фигур, если использовать терминологию теории игр, и гиперстратегическим – то есть мышлением комбинациями позиций фигур. Но Херцигу, по данным контрразведки, удавалось манипулировать и четвёртым уровнем «интегралбрейнинга» – мышлением комплексами комбинаций позиций фигур, что намного увеличивало его интеллектуальный потенциал.

– Разрешите обследовать ворп-генератор? – встал по стойке «смирно» Руслан. – На предмет соответствия?

Ворп-генератором называл Суперструнник сам Херциг, и означало это «генератор искривления пространства», от английского слова warp – искривлять. Англичане, работающие на стройке, привыкли называть генератор Дженворпом.

В глазах руководителя проекта мелькнула искра иронии. Он невысоко оценил умственные способности нового инспектора ФАК.

– Приступайте, это ваша обязанность. Помощь нужна?

– Никак нет.

– Тогда всего хорошего.

Руслан выдержал ещё один иронический взгляд главного конструктора, вскинул подбородок, чётко повернулся и вышел. Он уже понял, что рассматривал Херциг: собственно «сердце» Суперструнника, генератор пробоя вакуума.

В коридоре, за пределами резиденции учёного, инспектора встретил вежливый молодой человек субтильной наружности в форме пограничника.

– Прошу прощения, вы инспектор агентства контроля Горюнов?

– Он, – кивнул Руслан, гадая, кто перед ним, витс или «настоящий» человек.

– Лейтенант Мешем, управление Погранслужбы на Суперструннике. Меня направили вам в помощь.

– Кто послал? – удивился Руслан. – Я не просил.

– Моё руководство посчитало, что вам первое время будет трудно ориентироваться в здешних лабиринтах.

Руслан хотел послать неожиданного помощника подальше, потом подумал, что пограничник прав, ему действительно нужен проводник, а отослать его он сможет в любой момент.

– Как вас зовут, лейтенант?

– Джон.

– Очень приятно. Меня Руслан. Что ж, ваше руководство зрит в корень. Придётся вам взять на себя роль проводника. Вы давно здесь?

– Четыре года.

Руслан с интересом посмотрел на внешне невозмутимое лицо молодого человека. Суперструнник строился уже пять лет, и этот молодой парень по сути находился на стройке с момента монтажа первых секций фермы.

– С виду вам лет двадцать пять максимум.

– Мне двадцать девять. Я начинал работать на стройке как монтажник, потом перешёл в Погранслужбу.

– Понятно. Проводите меня к руководителю стройки. Надо познакомиться.

– Госпожа Ярослава Тихонова в настоящее время находится на Земле. Будет к четырём по среднесолнечному.

– Хорошо, подожду, – сказал Руслан, решая в уме задачу: случайно или нет координатор стройки носит имя жены? – Тогда покажите мне наиболее важные участки стройки.

– Готовые или недостроенные?

– И те, и другие.

Пограничник повернулся и встал на ленту коридорного транспортёра, бегущую слева. Руслан присоединился к нему, без усилий включаясь в ритм жизни гигантского сооружения, внутри которого никто не слонялся без дела.

Путешествие по Суперструннику произвело на Руслана большое впечатление. Всё же созерцание изображения ворп-генератора в виоме достаточно сильно отличалось от разглядывания природы.

Сначала Горюнов и его проводник полюбовались на ажурную «линейку» фермы Суперструнника сверху, то есть из прозрачной кабины флайта «Ауди».

С расстояния в тысячу километров сооружение и впрямь напоминало линейку с нанесёнными на неё делениями, концы которой терялись в тёмной пустоте космоса. Но уже вблизи, с расстояния в два километра, «линейка» Суперструнника превратилась в красивую ажурную консоль, пронизанную по центру блестящей гофрированной трубой. По ней кое-где ползали мигающие огоньки, вспыхивали и гасли облачка и струйки дыма, и было видно, что это огромная серьёзная конструкция, созданная для великой цели.

Руслан проникся. Даже сравнил Суперструнник с первыми ускорителями элементарных частиц на Земле, казавшимися грандиозными инженерными артефактами. Но все они, конечно, уступали Суперклизме по сложности, мощности и размерам. Люди ещё никогда прежде не строили сооружений длиной в двадцать тысяч километров.

Показали Руслану и зоны повышенной опасности. Их на самом деле было пять. Две – на концах фермы, так называемые вакуумные коллиматоры, две – также на противоположных участках фермы ближе к середине, это были фазовые резонаторы (каждый – длиной в сто сорок

километров), и одна в центре консоли – собственно ворп-генератор, создающий условия для рождения «суперструны».

В принципе, все эти участки стройки не представляли особой опасности для монтажников, поскольку становились таковыми только во время запуска генератора. Впрочем, как и остальные узлы Суперструнника. Но их установка, налаживание и тестирование требовали ювелирной точности, терпения и осторожности, поэтому допускались к монтажу этих сверхважных узлов только специалисты. Никому, кроме них, делать в особо охраняемых зонах было нечего.

Тем не менее инспектора ФАК в сопровождении пограничника пропустили в одну из таких зон, по настоянию Руслана, и он с интересом прогулялся, точнее, поплавал в невесомости вдоль длинных километровых решёток, образующих вакуумный коллиматор. Монтаж коллиматора был закончен, поэтому люди на этом участке фермы Суперструнника почти не появлялись. Лишь однажды мимо пролетел на флайте человек в прозрачных доспехах сборщика, таща на буксире ажурную трубу. Да над головой изредка вспыхивали огоньки прожекторов, лучи которых, невидимые из-за отсутствия воздуха, освещали пакеты решёток или же отражались от каких-то зеркальных конструкций.

Охрана зоны в сфере обзора не появлялась. Но Руслан знал, что за пространством вокруг фермы ведёт наблюдение специальный инк по имени Октопус, имеющий тысячи видеокамер, и ни одно движение или появление каких-либо непрошенных гостей и объектов не оставалось незамеченным. При необходимости к нарушителю невидимых границ зоны тут же «спускался с небес» флайт охраны и помогал ему быстренько убраться подальше, за пределы охраняемого участка.

Удовлетворившись осмотром колоссальной сложности сооружения, монтаж которого уже заканчивался, Руслан вернулся в жилую зону стройки и пообедал в местной столовой. Лейтенант Мешем есть отказался, сославшись на давно запланированную встречу с руководством. Руслан, предоставленный наконец самому себе, с удовольствием заказал пти пате с грибами, стерляжью уху и жареный фригорэ. Огляделся: показалось, что кто-то исподтишка наблюдает за ним.

В столовой было немногочисленно. Две компании в костюмах монтажников спецстроя занимали два столика у длинного панорамного окна с видом на искрящуюся реку Млечного Пути. Кроме того, в разных концах большого зала сидели поодиночке и парами разного рода служители других видов деятельности в космосе: пограничники, охранники, инконики, связисты и люди без определённого (с виду) рода занятий. Один из них, в бело-жёлтом униформе с тремя звёздочками на рукаве, поймал взгляд Руслана, заулыбался и подсел к инспектору. Это был китаец.

– Извините, не помешаю? – Говорил он по-английски чисто, но не без акцента. – Сю Синьцзы, астроном.

– Руслан Горюнов, – без энтузиазма назвался Руслан. – Инспектор ФАК.

– О, крутая контора, мой друг там работал. Вы можете остановить стройку, да? Я тут недавно, предложили поработать консультантом, я согласился, но такая грандиозность – даже страшно! Вдруг бабахнет, и по планетам гравитация волной? Вам так не кажется?

– Не кажется, – улыбнулся Руслан. – Характеристики Суперклиз... э-э, Суперструнника хорошо просчитаны, никаких гравитационных волн не будет.

– Почему вы так уверены? А если учёные неправильно рассчитали? Практика не всегда подтверждает теорию. Вы верите этому человеку, Херцигу? Я – нет.

Руслан пожал плечами. Херциг ему самому не понравился, но делиться своими впечатлениями с незнакомым человеком не хотелось.

– Это ваши проблемы.

– Но Суперклизма (это слово китаец выговорил безошибочно) создаст множество чёрных дыр! – не отставал Сю Синьцзы. – Вы представляете, что такое чёрная дыра?

– Немножко представляю, – скромно сказал Руслан.

– Немножко! – фыркнул китаец. – Гравитационное поле чёрной дыры столь велико, что не позволяет даже фотонам покидать пределы горизонта событий, практически равного радиусу дыры. Любое физическое тело, будучи захваченным чёрной дырой, будет разорвано приливными силами.

– Но ведь речь идёт о микроскопических чёрных дырах, масса которых невелика. Суперструнный создаст развёрнутую «струну», которая породит ливень экзотических частиц и цепочку маленьких чёрных дыр, которые тут же испарятся.

– Вы уверены? Откуда вам это известно? Вдруг расчёты господина Херцига неверны, и чёрные дыры не рассосутся, а, наоборот, начнут расти и засасывать в себя окружающее их вещество?

– Расчёты проверены сотней независимых экспертов, – неуверенно сказал Руслан.

– Они тоже могут ошибаться, особенно если неверна теория. Вы хорошо знаете теорию Херцига?

– Упруго-кристаллического вакуума?

– Её называют ещё теорией глобального скалярного поля. – Китаец хихикнул. – А мы ещё короче – «теорией ТПЧ».

– Что такое ТПЧ?

– Темнота под черепом. – Сю Синьцзы снова хихикнул.

Руслан вежливо улыбнулся.

Китаец перестал улыбаться, поднял руки.

– Всё, не буду больше мешать. Извините. – Он мелко покивал и быстро удалился, заговорив на китайском: ему кто-то позвонил.

Руслан озабоченно посмотрел ему вслед, не понимая, чего на самом деле хотел от него астроном. Впечатление складывалось такое, будто Горюнова проверили каким-то образом на профпригодность, умело выпытали его взгляды на стройку, но понял он это запоздало.

Сю Синьцзы... астроном... интересно, что нужно астроному на территории жилого сектора Суперструнника? Телескопов здесь нет, наблюдение за звёздами не предусмотрено, за пространством следит техника. Кто он такой, этот странный китаец?

«Шустрый, – мысленно позвал Руслан терафима, – выясни, где работает астроном Сю Синьцзы и что он делает на Суперклизме».

«Слушаюсь, хозяин», – так же мысленно ответил личный инк-помощник, рецепторы которого были вшиты под кожу на висках Руслана.

Личными инками пользовались почти все работники умственного труда, как и агенты спецслужб, но лишь последние для оперативной работы вшивали себе терафимы под кожу, расширяя информационные и оперативно-тактические возможности.

Пока Руслан обедал, Шустрый связался с Иваном Грымовым, инструктировавшим Руслана, и выяснил через него, что астроном Сю Синьцзы не числится в бригаде обслуживания Суперструнника, зато является одним из ведущих специалистов Сферы, комплекса телескопов, где работал и погибший Артур Крестовский. Что он делает на территории жилой зоны Суперструнника, выяснить не удалось. Возможно, китаец просто наведался к кому-то в гости. А его неожиданное знакомство с Горюновым и вовсе казалось абсолютно спонтанным, случайным. Но именно это истораживало. Знать о новом назначении Руслана он не мог. Но и просто так астрономы к незнакомым людям не пристают и странные вопросы не задают. Что-то крылось за этой встречей, с чем надо было разобраться в самое ближайшее время.

Ладно, посмотрим, что ты за птица, сядь Сю, пообещал сам себе Руслан. Не нравишься ты мне.

Пора было идти на встречу с координатором стройки госпожой Ярославой Тихоновой.

Он унял поднявшееся в душе волнение, добрался до офиса компании «Асур» и назвал своё имя.

Дверь разошлась лепестками диафрагмы.

Руслан вошёл.

В маленькой приёмной его встретила миловидная девушка-витс, играющая, очевидно, роль телохранителя мадам Тихоновой и её секретарши.

– Проходите, вас ждут.

Руслан шагнул в открывшуюся тем же манером дверь в кабинет координатора, открыл рот, чтобы бодро доложить о своём назначении, и слова застряли у него в горле.

На него смотрела, изогнув бровь, Ярослава, его бывшая жена...

Глава 7

Профилактика

Джон Байрон Ву родился в Гонконге, долгое время жил с родителями на Аляске, потом переехал в Нью-Йорк и остался там, закончив университет и получив степень доктора права. Директором Федеральной Службы безопасности его назначили в две тысячи триста втором году, когда ему исполнилось уже шестьдесят шесть лет.

В настоящее время Джон Ву жил один в четырёхкомнатном модуле, занимавшем эркер на двести втором этаже жилого комплекса «Либерти», возведённого на берегу Нью-Йоркской гавани, как раз напротив знаменитой статуи Свободы. Когда-то статуя высотой сорок шесть метров (плюс пьедестал высотой сорок семь метров) казалась гигантской и была видна практически из любой точки города. Но большие гигантизмом американцы начали строить небоскрёбы, и уже к началу двадцать первого века статую можно было разглядеть только с берегов гавани, не считая крыш небоскрёбов. К концу двадцать третьего века она и вовсе потерялась на фоне километровой высоты жилых башен, окруживших остров Свободы – бывший остров Бэдлоу – и освоивших даже саму гавань.

Впрочем, с высоты шестисот двадцати метров статуя Свободы вообще казалась игрушечной, и Джон Ву так и не научился смотреть на неё с гордостью, как на символ Америки. Да и воспринималась она неким символом с трудом. Та свобода, которую декларировали правители Соединённых Штатов, умерла практически с теми, кто устанавливал памятник на постаменте. Дальнейшие события показали, что символом Америки стал доллар – как высшее достижение нации. Таковым он оставался и по сей день. Разве что США уже не играли роль всемирного жандарма и давно никому не диктовали никаких условий. На арену истории вышли другие государства, взявшие на себя обязанности локомотива развития цивилизации: Россия, Китай, Индия, Бразилия, Австралия.

Джон Ву отвлёкся от созерцания гавани с голубой нашлёпкой статуи Свободы, включил линию связи: раздался звонок.

В воздухе напротив развернулся виом консорт-линии.

– Джон, вы должны мне кое-что объяснить, – сказала голова появившегося в объёме передачи Кшиштофа Боруны, главы Союза Объединённых Наций.

– Рад буду помочь, – флегматично ответил Джон Ву.

– В таком случае жду вас у себя через час.

Виом собрался в световую нить, погас.

Джон Ву некоторое время смотрел в пространство прямо перед собой, словно только что проснувшийся и потому заторможенный человек. Потом вызвал Воеводина:

– Степан, доброе утро.

– У нас вечер, комиссар.

– Ах, да... ну, не важно. Меня вызвал к себе Боруна. Есть у вас что-нибудь по нашей... э-э, проблеме?

– Наш сотрудник приступил к выполнению задания. Появились очень интересные наблюдения.

– То есть пока ничего. Маккена тоже молчит?

Воеводин пожевал губами, не теряя хладнокровия.

– Последняя их передача была странной. По-видимому, что-то случилось с приёмным контуром радиации спейсера. Они обнаружили внутри Оси чужой корабль, судя по всему, мёртвый, и... после этого замолчали.

– Спейсер защищён от любых катаклизмов, даже от взрывов сверхновых. Что могло случиться?

– Он был защищён от внешних катаклизмов.
– Что вы хотите сказать?
– Боюсь, наш противник знает о миссии «Ра» и предпринял контрмеры.
– Экипаж «Ра» проверен неоднократно...
– Экипаж – да, эксперты – нет. – Воеводин помолчал. – В поле подозрения попадает ещё один человек.
– Кто? Надеюсь, не я?
– Ваш заместитель.
Джон Ву поднял брови:
– Кингсли Фурсенко?
Воеводин кивнул:
– Он провожал наших разведчиков, и он же подбирал экспертов.
– Я его знаю шесть лет... – Джон Ву замолчал.
Воеводин кивнул ещё раз.
– Вот именно. Я тоже знаю его достаточно давно. Но это ровным счётом ничего не значит. Вирус мог запрограммировать его недавно, возможностей для этого хоть отбавляй. Но мы проверим все варианты.
– О каком вирусе вы говорите?
– Надо же как-то называть нашего противника? Вот мы и решили – Система Вирус.
Джон Ву поморщился, закрыл глаза, потряс головой.
– Дьявол! Что мне сказать Боруню?
– Придумайте что-нибудь. Ситуация такова, что любой человек может оказаться пособником Вируса.
– Хорошо, попробую. Неужели Кингсли – агент Вируса? Он никогда не давал повода...
Воеводин промолчал, и глава Службы безопасности отключил консорт-связь.
Пришло ощущение скрытого наблюдения.
Джон Ву склонил голову к плечу, но опомнился, виновато пригладил волосы на затылке, подумал: так начнёшь шарахаться от собственной тени.
Тщательно привёл себя в порядок, оделся в уник официала: белое с золотым, эмблема СБ на рукаве, звёздочки генерал-комиссара на плече. Оглядел себя в зеркале, остался доволен.
Через сорок минут после разговора с главой контрразведки он уже входил в кабинет председателя СОН – Союза Объединённых Наций, расположенный на вершине Башни Правительства в Таиланде. Высота Башни достигала тысячи трёхсот метров, и построенная в рекордно короткие сроки – всего за полтора года, она являлась верхом инженерного искусства и дизайна. Правительство Земли переехало в Башню полгода назад, до этого оно располагалось в Индии, в комплексе сооружений Баба Тадж.
Кшиштоф Борунь, седовласый, сухопарый, высокий, кареглазый, поднялся из-за стола. Они пожали друг другу руки.
Председатель СОН кивнул на кресло.
Джон Ву сел, бросив взгляд на водопад, занимавший всю северную стену кабинета; это, конечно, был видеопласт, голографический мираж, но очень натуральный.
Борунь шевельнул пальцем из стороны в сторону, и пейзаж с горами и водопадом исчез. Кабинет обрёл стены с тёплым медовым оттенком, с бродящими в толще искрами.
– До меня дошли слухи... – начал хозяин кабинета, устроившись в кресле напротив; он тоже был в белом костюме официала, но – с красными и золотыми вставками и нашивками.
– Извините? – сделал вид, что не понимает, Джон Ву.
– Бросьте, Джон, – махнул рукой Борунь. – Я вас знаю всего один год, но уже убедился, что непонятливостью вы не отличаетесь. Как вы предпочитаете разговаривать, официально или дружески?

– А вы?

– Я предпочёл бы неофициально.

– Без использования записывающей аппаратуры? – прищурился Джон Ву.

– У вас наверняка в костюме вшита система подавления контроля.

Джон Ву улыбнулся.

Борунь улыбнулся тоже.

– Во-первых, мой кабинет недоступен для любых видов подслушивания и подглядывания. Во-вторых, я действительно заинтересован в получении правдивой информации и готов отключить всю регистрирующую технику.

– Валяйте.

– Ласло, отключи «гидру».

– Сделано, добже пан, – мягким хриловатым баритоном откликнулся инк кабинета.

– До меня дошли слухи, – продолжил глава СОН, – что ваше ведомство, без разрешения Совета безопасности Федерации и не согласовывая свои действия с ФАК, отправило в некую разведэкспедицию резервный спейсер.

– Это не слухи, – коротко обронил Джон Ву, обдумывая, от кого всё-таки председатель СОН мог узнать о походе «Ра».

– Что вы затеяли, комиссар?

– От кого вы узнали о разведрейде?

– Какая разница? Мне поступил сигнал, я решил проверить. Вам есть что сказать по данному поводу? Прямо и открыто?

– На духовника вы похожи мало, Кшиштоф, – скупно улыбнулся Джон Ву. – К тому же прямо и открыто сейчас никто ни с кем не общается. Могу сказать одно: у Службы есть весомые причины подозревать наличие внешнего вмешательства в земные дела, и мы занимаемся проверкой данных подозрений. Как только появятся результаты, я вам доложу первому, даю слово.

– И всё-таки ваше решение... – Борунь искал слово, – ненормативно. Ваша Служба – не частная коммерческая компания, все свои решения и действия вы должны согласовывать с компетентными органами, отвечающими за своевременность и правильность принятых решений. Иначе это выглядит... э-э, бунтом, ну, или вызовом обществу, если хотите.

– Мы печёмся о благе и безопасности этого общества, – флегматично пожал плечами Джон Ву.

– Да, но – с разрешения коллектива, а не за его спиной. Но оставим споры. Мне вы можете сказать, что ваш спейсер делает в шаровом звёздном скоплении Омега Кентавра?

Джон Ву выдержал прямой взгляд главы СОН.

– Кшиштоф, я похож на человека, принимающего решения под влиянием эмоций или в угоду политике?

Борунь качнул головой.

– Нет. Во всяком случае, раньше такого за вами не водилось.

– Уверяю вас, причина есть. Но она настолько... м-м, необычна, нетривиальна, транзитивна, что лучше о ней вслух не говорить. Речь идёт о судьбах цивилизации.

– Вот как, – усмехнулся Борунь. – Ни много ни мало.

– Ни много ни мало, – подтвердил Джон Ву. – И дай бог, чтобы я ошибся, принимая упомянутое вами решение послать к Кентавру разведкрейсер.

– Но если угроза так велика, не лучше ли собрать Совбез и принять превентивные меры?

– Поздно собирать Совет безопасности, Кшиштоф. Вы знаете, я человек старой закалки и никогда ничего не делаю, не взвесив все «за» и «против». Если я так решил, значит, имел все основания. Возможно, конечно, что я ошибся, но вероятность ошибки ничтожно мала. К сожалению. Кстати, вы носите ППК?

Борунь озабоченно коснулся темени:

– Зачем?

Джон Ву нахмурился: речь зашла о защитнике от гипноизлучения.

– Немедленно нацепите! И заставьте сделать то же самое ваших ближайших помощников и заместителей! Если, конечно, ещё не поздно.

Председатель СОН посмотрел на собеседника с сомнением:

– Вы полагаете...

– Усильте охрану на всех уровнях. Тщательно проверяйте всех, кто будет добиваться аудиенции. И последнее... – Джон Ву помолчал. – Проанализируйте ситуацию в Правительстве, но очень тихо, аккуратно, незаметно: кто лоббировал строительство Суперструнника, какие суммы ушли на принятие решения, кто больше всех был заинтересован в создании столь мощной «вакуумной пушки». Желательно также проверить, кто собирается провести какие-нибудь законы в обход ФАК по экологии внутрисолнечного пространства. Или кто, наоборот, собирается действовать по секретной резолюции ФАК. Понимаете?

– Нет. При чём тут Суперструнник?

– Сделайте эту работу, Кшиштоф. У вас наверняка появятся вопросы, о которых мы поговорим позже. Попробуйте также найти нечто странное в работе чиновников, это тоже в ваших интересах. И если заметите какую-нибудь особенность, дайте мне знать.

Кшиштоф Борунь перестал сверлить комиссара взглядом, задумался.

– Вы меня озадачили, Джон. Хорошо, я пойду вам навстречу, не стану собирать комиссию по правам и этике, хотя это формально... э-э, то есть юридически, неправильно.

Джон Ву добродушно засмеялся.

– У русских есть поговорка: если судишь по совести, забудь про закон.

– Вы предлагаете мне забыть о законе?

– Нет, я предлагаю судить происходящее по совести. Законы разработаны для стандартных ситуаций, ими не всегда можно прикрыться. Вы мне скажете, кто вам «просигналил» о посылке спейсера к Омеге Кентавра?

Борунь встал.

Джон Ву тоже поднялся, не теряя своего образа «доброго дядюшки». Поклонился:

– Всего хорошего, господин председатель.

– Его зовут Кингсли Фурсенко, – сказал Борунь. – И вам всего хорошего, комиссар.

Джон Ву меланхолически кивнул, направился к двери, на пороге оглянулся:

– Спасибо, Кшиштоф. Не забудьте про «защитника».

Створки двери бесшумно сошлись за его спиной.

Витс-телохранитель вопросительно посмотрел на главу СБ.

– В Управление, – сказал Джон Ву.

Полдня он проработал в обычном режиме, постепенно приближаясь к решению возникшей проблемы. Потом вызвал в кабинет помощника по особо важным делам.

Кингсли Фурсенко был, несомненно, красив.

Высокая, статная фигура, развёрнутые плечи, тонкая талия, горделивая осанка.

Проседь в пышных волнистых волосах, мужественный подбородок, прямые чёрные брови, прямой «эллинский» нос, чувственные губы, зеленовато-серые глаза.

Значительная, подчёркнуто спокойная, внушающая уважение манера поведения.

Плавные, неторопливые жесты, скупая речь, скупая улыбка.

Сразу было видно, что этому человеку можно доверять, что он всегда прав и доводит дело до конца. На него можно было положиться во всём. Он не подведёт.

И на веку Джона Ву так и было: Кингсли его ни разу не подвёл. Тем не менее именно он, по словам Кшиштофа Боруня, сообщил тому о походе «Ра» в Кентавр.

– Садись, – кивнул Джон Ву на простой формы стул напротив его рабочего стола. Фурсенко сел, ничем не выражая какой-либо обеспокоенности. Глаза его были непроницаемы.

– Кто ещё знает о нашей возне с Вирусом? – безразличным тоном спросил Джон Ву.

– Никто, – спокойно ответил Фурсенко.

– Кшиштоф Борунь признался, что он знает о Вирусе от тебя.

Фурсенко качнул головой, собранный и независимый, твёрдый, как скала:

– Он врёт.

– Председатель СОН врёт? – уточнил Джон Ву.

– Я не давал ему никакой информации.

– Откуда же он узнал о походе «Ра»?

– Не знаю.

Джон Ву надул губы, словно собрался свистнуть. Показалось, что «защитник» под волосями на виске на мгновение стал горячим. Однако на пси-атаку это не было похоже.

– Странно, – сказал Джон Ву. – У меня раньше не было причин не верить... ни ему, ни тебе.

– Джон, ты обвиняешь меня в... – начал удивлённо Фурсенко.

– Не обвиняю, Кинг. Пока. Но я действительно поставлен в затруднительное положение, потому что не знаю, кому верить. На том уровне, какой занимает председатель Союза, не врут.

– Я могу сдать тест на детекторе. Это снимет твои подозрения?

– Не уверен.

– В таком случае я сейчас же напишу прошение об отставке. – Фурсенко резко встал.

Джон Ву печально посмотрел на него снизу вверх.

– Кинг, ты только что не прошёл тест. Понимаешь, что это означает?

Фурсенко бросил быстрый хищный взгляд на пол кабинета, на потолок, взгляд его стал острым, прицеливающимся, губы искривились.

– Вон оно в чём дело... я думал, мне показалось... тонко сработано! Вы установили в кабинете ксен-томограф?

– Всего лишь контур диагноста.

– И что теперь?

– Предлагай.

– Я могу убить тебя... и скрыться.

– Не сможешь, Кинг, – покачал головой Джон Ву, делаясь ещё более печальным. – Сожалею. Система защиты настроена таким образом, что любое твоё агрессивное движение будет расценено как попытка нападения... со всеми вытекающими.

– Ты хорошо подготовился, Джон.

– Да, я подготовился неплохо, хотя до конца не верил в твою... в твоё предательство. Но нам нельзя идти на поводу у эмоций. Один вопрос: как давно ты работаешь на Вирус?

– Год.

– Я примерно так и предполагал. Мотивы? Впрочем, на этот вопрос можешь не отвечать. Тебя запрограммировали скорее всего без твоего согласия.

– Это уже не имеет значения. Ты попытаешься меня... задержать?

– Не я. Мне передают, что ты пытаешься установить с кем-то МС¹⁹. Не надо, Кинг, здание накрыто колпаком «глухоты». Твои хозяева не узнают о твоём провале. Будешь работать с нами в режиме двойного агента?

В глазах Фурсенко мелькнула тень тоски.

---

¹⁹ МС – мыслесвязь.

– Поздно, Джон, – глухо сказал он. – Я не могу... сейчас срывается... программа «ликвид»... берегись...

Лицо помощника побелело. Он широко раскрыл глаза, вздрогнул и упал на пол прямой, как палка.

В кабинет ворвались трое оперативников в спецкостюмах, со шлемами на головах. Один приставил к голове Фурсенко аппарат в форме полусферы, с мигающими окошечками и цветными индикаторами, второй такую же полусферу опустил на спину лежащего без движения помощника.

Джон Ву остался сидеть, с виду меланхоличный и равнодушный ко всему происходящему.

– Мёртв, – разогнулся второй оперативник, откинул шлем.

На комиссара виновато смотрело лицо молодого медика Управления.

– «Червь», – сказал первый, глядя на мигающие огоньки полусферы. – Пусто. Мозг полностью «сгорел». Читать нечего. Надо было атаковать его на запороговом сигнале, «червь» не успел бы сработать.

– Вряд ли, это был очень мощный «червь», – проворчал медик, – контролирующий все его реакции. Он бы сработал всё равно.

Джон Ву кивнул. Речь шла о «наночерве». В мозг Фурсенко была внедрена «инфекционная нановирусная программа», которая включилась после его признания. Нановирус не только стёр всю информацию в глубинах памяти помощника, он разрушил все структуры мозга, уничтожил память и личность Фурсенко.

– Забирайте его. Попробуйте хоть что-нибудь выловить.

Оперативник вызвал киб. Тело Фурсенко уложили на плоское ложе киб, унесли.

– Плохи дела, Джон, – сказал Джон Ву самому себе. – Жди неприятностей.

Во рту появился странный металлический привкус.

Комиссар сглотнул слюну, прислушался к своим ощущениям.

Привкус исчез.

Дьявол! Неужели он стал таким мнительным?! Может, посоветоваться с врачом? Или «змея» интуиции не зря подняла голову и начала осматриваться?

Вернулся один из оперативников, Николай Санжа, уже переодетый в обычный рабочий уник.

– Он позвонил по двум номерам. Первый принадлежит Шевчуку, второй – астроному Синьцзы.

Джон Ву озабоченно почесал нос, чихнул.

– Шевчук – это же...

– Будьте здоровы. Имеется в виду Дмитрий Шевчук, директор Погранслужбы.

Они посмотрели друг на друга, прекрасно понимая, что это значит.

– Дима Шевчук – эмиссар Вируса... Не верю! Ошибка исключена?

– Джон, инк-анализаторы не ошибаются. Возможно, Кинг звонил Шевчуку по каким-то другим причинам, и директор Погранслужбы не имеет отношения к Вирусу, однако надежда на это слабая. Взять обоих в разработку, установить наблюдение?

Джон Ву покачал головой.

– Нет, ими будут заниматься другие люди. Подержите Фурсенко у себя пару дней, я подумаю, как нам выигрышно подать его самоликвид в Совете.

Санжа кивнул, вышел.

Джон Ву походил по кабинету, поглядывая на журчащий в лесу, среди громадных сосен, ручей: так был настроен видеопласт кабинета, затем включил консорт-линию.

– Слушаю, Джон. – В виоме появилось обесцвеченное защитной системой изображение Воеводина.

Комиссар коротко рассказал ему о случившемся.

Начальник контрразведки остался невозмутим.

– Наш человек странным образом пересёкся с китайским астрономом Сю Синьцзы на Суперструннике. Не исключено, что китаец является агентом Вируса, мы его уже взяли под контроль. Что касается Димы Шевчука... – Воеводин поморщился, помолчал. – Я не верю в его переход на ту сторону. Но исключать подобный вариант развития событий нельзя. Будем работать.

– Представляете масштаб вмешательства, если Вирус вышел на таких людей?

Воеводин дёрнул уголком губ.

– Это следствие кризиса, Джон. Цивилизация погрязла в переживании удовольствий, никто ничего не хочет делать. Мы даже к звёздам стали летать неохотно и всё реже и реже. А как происходит сброс кризиса?

– Как? – заинтересовался комиссар.

– Первый вариант – голод, эпидемии. Это уже было в истории человечества. Вторым вариантом – экспансия, войны. Воевать теперь никто ни с кем не собирается, разве что за власть, да и то лишь внутри отдельно взятого государства. Третий вариант – революции. Но кто в наше время способен поднять народы на революцию?

– В таком случае ни о каком сбросе кризиса речь не идёт.

– Есть ещё один вариант. – Воеводин привычно помолчал. – Внешняя агрессия. Возможно, этот процесс становится реальной угрозой для всего расслабившегося человечества, увлечённого виртуальными инет-мирами и передоверившего все свои заботы машинам.

– Я не вижу причин... э-э... то есть, кому мы мешаем? Если нас не трогать, мы благополучно вымрем сами.

– Фактор времени, – сказал Воеводин уверенно. – Для чего-то Вирусу очень важно запустить Суперструнник в определённый момент, чтобы его ориентация совпала...

– С Осью Зла. Но ведь Ось Зла находится в тридевятом царстве, тридесятом государстве, как говорят у вас. До Кентавра – семнадцать тысяч светолет!

– Мы подключились к проблеме поздно и мало знаем. Знаем только, что Ось Зла – искусственное сооружение. Будем наращивать темпы расследования. Прошу вас, Джон, будьте осторожнее. Я бы вообще посоветовал вам переложить проблему на наши плечи и намекнуть где-нибудь, что вы Вирусом не занимаетесь.

Джон Ву снова почувствовал во рту металлический привкус.

Воеводин замолчал, взглядываясь в его лицо.

– Джон, вы плохо себя чувствуете?

– Нет, просто переволновался, – пробормотал комиссар.

– Не хотите обратиться к врачам, на всякий случай? Вы ни с кем не контактировали?

– Только с Кингом... с Фурсенко... и с моими парнями. Не беспокойтесь, Степан, я отзовусь вам позже.

Джон Ву отключил консорт-связь, мысленно позвал терафима:

«Зяма, проанализируй поведение Кингсли Фурсенко во время последнего разговора. Что-то меня тревожит».

«Хорошо, босс, – ответил терафим. – Подождите несколько минут».

Джон Ву посидел в ступоре за столом, не отвечая на вызовы, переключил оперативную работу на заместителя, спустился в пилон метро Управления СБ и вышел из центрального метро Нью-Йорка.

Флайт «Форд» службы, дежуривший у метро постоянно, доставил его к жилой башне. Чувствуя какое-то жжение в желудке, Ву поднялся на двести второй уровень башни, отпустил аппарат. Вспомнился совет Воеводина вызвать врачей.

– Сейчас, сейчас, – прошептал он, ощущая лёгкое эйфорическое головокружение, быстро проскользнул в открывшуюся дверь квартиры.

– Миззи, вызови медиков!

– Вызываю, – отозвался домовый инк.

«Босс, есть одна сцена, – сказал терафим Зяма, – внушающая подозрения. Кингсли Фурсенко коснулся белого значка на вороте уника, когда вы отвернулись...»

«Ну, и что?»

«Это было быстрое вороватое движение. Кингсли Фурсенко никогда прежде такого не делал».

«Ты хочешь сказать... – Джон Ву почувствовал ледяной озноб, по спине пробежал ручеёк пота, голова закружилась сильнее. – Он меня...»

Дьявол!

Джон Ву с трудом удержал равновесие, сел, вернее, буквально рухнул на диван в прихожей.

– Что с вами, босс?

Вопрос домового донёсся как сквозь слой ваты.

– Ничего... слабость...

– К нам уже летит «Скорая».

Джон Ву расслабленно откинулся на спинку дивана. Ему внезапно стало так хорошо, что он улыбнулся.

– Миззи...

– Да, босс?

– Виски... со льдом... принеси...

– Сейчас.

Перед глазами распахнулась туманная даль с тающими белыми фигурами. В тумане зазвучала медленная торжественная музыка.

Домовой киб притащил поднос со стаканчиком виски, но Джон Ву не обратил на это внимания.

Когда в дом ворвались медики Управления и оперативники спецхраны, он всё ещё улыбался, глядя перед собой ничего не видящими глазами.

Глава 8

Что вы ищете, уважаемый?

Сон был сумбурный и лёгкий. Он где-то летал, погружался в текучее море пустоты и мрака, выныривал к солнцу и свету, разгонял печальные тучи и снова окунался в густую темноту неведомых пространств...

Руслан проснулся.

Полежал, глядя в потолок, казавшийся янтарной толщей с искрами внутри. Вызвал отсчёт времени: пять сорок три. Можно ещё поспать.

Он закрыл глаза и ярко увидел лицо жены. Так ярко и отчётливо, что даже открыл глаза и приподнялся на локтях. Неужели она подумала о нём? Или он по-прежнему принимает желаемое за действительное?

Руслан лёг, закрыл глаза, вспомнил их встречу.

Шок прошёл не сразу. Девичья фамилия Ярославы была Ермолаева, а это означало, что Тихонова она по мужу. Разумеется, Руслан понимал, что рано или поздно Ярослава выйдет замуж, но случилось это неожиданно. По первому впечатлению.

– Здравствуй... те, – сказал он.

– Здравствуй, Руслан, – сказала она просто, не сразу возвращая бровь на место. – Я всё гадала – ты это или не ты? Мне сказали, что у нового инспектора ФАК фамилия Горюнов.

– Я.

– Поздравляю. Хотя не понимаю, как ты решился сменить профессию спасателя на профессию инспектора.

– Так получилось. Но ведь ты тоже кое-что... сменила.

Она посмотрела на него вопросительно, поняла.

– Да, я была замужем.

– Была?

– Мы разошлись.

– Интересно почему?

– Это не имеет значения. – Ярослава сделала движение рукой над столом, пальцем касаясь рабочих сенсоров; вспыхнули и погасли какие-то световые символы, фигуры, стрелки. – Если у тебя больше нет вопросов...

– Кем он был?

– И это не имеет значения. Я ведь не спрашиваю, с кем был ты всё это время, кто она...

– Я один.

По губам женщины, полным, чувственным, красивого рисунка, проскользнула ироническая усмешка.

– Надо же. Но давай о деле. Ты... вы в курсе происходящего на стройке, инспектор?

– Разумеется, – кивнул Руслан. – У меня уже появились кое-какие вопросы, связанные с формальной стороной дела, но задам я их чуть позже.

– Тогда прошу не мешать мне работать. Извините за резкость.

Руслан встал, поклонился, пошёл к выходу, провожаемый оценивающим взглядом главного координатора стройки. У двери обернулся.

– И всё-таки ты не ответила на вопрос.

– Он, как и ты, работает в ФАК.

– Да? – удивился Руслан, хотел задать вопрос: кем же? – но в этот момент в открывшуюся дверь стремительно вошёл мужчина в униформе космона, с красным шевроном компании «Асур» на рукаве, едва не сбил Руслана с ног, обошёл, бросив на него безразличный взгляд.

– Извините... Яра, тут привезли...

На щеках Ярославы выступил румянец, она поднялась.

– Серджи, знакомьтесь, это инспектор ФАК Руслан Горюнов. Господин Горюнов, это Серджи Веласкес, главный прораб «Асура».

Веласкес окинул фигуру инспектора тем же безразличным взглядом.

– Очень приятно. – Он снова повернулся к Ярославе. – Нам надо срочно решать вопрос о замене...

Ярослава сдвинула брови. Веласкес замолчал.

Руслан улыбнулся, ещё раз поклонился и вышел, размышляя о реакции женщины. Она была явно смущена. И за этим крылась не официальная её позиция, а нечто другое. Может быть, Веласкес был не только её партнёром по работе, но и другом?..

Руслан прервал воспоминания, сел на кровати, пошевелил пальцами ног. Вздохнул. Чего уж там лукавить, ему было неприятно, что у жены кто-то есть, кто обнимает её и целует в свободное от работы время. Тем более что Веласкес был на самом деле красив, строен, силен и уверен в себе. То есть таким, каким и должен был быть её мужчина. Почему же от этой мысли портится настроение?

– Пантелей, одежду.

Домовой принёс майку и шорты.

Руслан установил в модуле силу тяжести чуть выше земной (нормой здесь считалась гравитация на одну сотую ниже земной), сделал зарядку, продолжая размышлять о своих впечатлениях от стройки вообще и от первой встречи с женой в частности. Связался с куратором «Сокола»:

– Барни, что нового?

– Давайте раскладку на день, – сказал вечно сонный дежурный.

Это означало, что новостей нет, ни плохих, ни хороших. Равно как нет и распоряжений начальства относительно дополнительных функций.

– Посылаю, – сказал Руслан.

В объёме передачи сооткнулся из белых струек тумана реестр задач на универсальный рабочий день. Всего задач было три: обследовать экологически опасные транспортные коридоры стройки, выяснить причины изменений в конструкции Суперструнника и проверить расчёты экспертов по результатам тестирования отдельных агрегатов ворп-генератора.

– План принят, – сказал Барни. – У вас новый начальник отдела.

– Кто? – удивился Руслан. – Я же спрашивал новости...

– Господин Влас Тихонов. Он раньше работал в юридическом отделе ФАК. Вильям занял его место, а он перешёл на место Вильяма.

– Тихонов?

Барни посмотрел на собеседника терпеливыми коровьими глазами, опущенными длинными белёсыми ресницами.

– У тебя к нему предубеждения?

Руслан хотел сказать, что Влас Тихонов является бывшим мужем координатора стройки, но вовремя прикусил язык.

– Н-нет, никаких. Просто интересно, кому понадобилась эта рокировка. Вопросы у нового начальника ко мне есть?

– Насколько я его понял, он в скором времени собирается сам на Суперклизму. Так что будьте готовы. И включите в план проверку персонала стройки. По нашим данным, в зоне стройки шатается много постороннего народу.

– Хорошо, проверю.

Виом связи сжался в точку, исчез.

Руслан умылся, натянул свой официальный уник, снабжённый дополнительным контуром защиты, и отправился выполнять объявленный план работы.

Коридор жилой зоны был пуст. Зона просматривалась видеокамерами и охранялась целой дюжиной различных технических систем, включая витсов. Живые люди лишь контролировали этот процесс, дежуря в центре жизнеобеспечения стройки у мониторов наблюдения.

По коридорам служебной зоны мела человеческая «метель», и Руслан мимолётно подумал, что здесь и в самом деле стало многолюдно, несмотря на финальное снижение интенсивности строительства.

– Охрана, – запросил он центр, – кто следит за прибывающими на стройку специалистами?

– Гений, – ответили ему; Руслан был уже включён в систему опознавания «свой – чужой» на Суперструннике и имел высший приоритетный допуск наравне с руководителями стройки; то есть Руслан Горюнов имел право проверять любой объект стройки, даже зоны спецдопуска, куда его попервости не пустили.

Гением звали инка, координирующего всю работу персонала стройки, но он был Руслану не нужен.

– Я имею в виду официальное лицо.

– Жозеф Поллак, – доложили с поста охраны.

Руслан невольно замедлил шаг.

Жозеф Поллак являлся заместителем Фердинанда Херцига и не должен был заниматься кадровыми вопросами.

– Кто ещё?

– Начальник сектора Погранслужбы Цвиркун.

– Спасибо.

В принципе пограничники тоже не должны были контролировать перемещение рабочих по стройке, но в данном случае это было оправданно. Зона Суперструнника представляла собой межгосударственное объединение в космосе и вполне официально имела трёхмерную границу, пересекать которую могли только люди с пропусками. И всё же их было слишком много.

Руслан свернул в галерею, ведущую к отсеку метро, и резко остановился.

Из параллельного коридора вышла Ярослава в сопровождении черноволосого, с пронзительными чёрными глазами, энергично размахивающего руками Серджи Веласкеса, прошагала мимо, не повернув головы.

Сердце ухнуло вниз, и опомнился Руслан, лишь когда координатор стройки и прораб, охраняемые двумя витсами, прошествовали к прозрачным дверям служебной зоны.

Кто-то хлопнул его по плечу:

– Как жизнь, инспектор?

Руслан обернулся.

Китаец Сю Синьцзы ослабился.

– Расстроены, инспектор? Могу я чем-нибудь помочь?

– Что вы здесь делаете? – нахмурился Руслан. – Вас нет в списке допущенных к стройке специа...

Синьцзы мелко засмеялся, сузив и без того узкие глазки.

– Вы уже работаете, уважаемый инспектор, это правильно. Однако у меня есть приглашение, я консультант компании «Асур» по проблемам ориентации Дженворпа в пространстве.

– А зачем его ориентировать?

– О, вы шутите, – погрозил пальчиком китаец, продолжая широко улыбаться, но Руслан внезапно почувствовал порыв холодного ветра: так его экстрасенсорика отреагировала на «высверк» отрицательных эмоций собеседника, скрытых под маской его доброжелательности.

– Вы обязаны знать, инспектор, что Дженворп должен быть установлен в определённом порядке, чтобы вектор его воздействия на вакуум не задел ни одной планеты Солнечной системы, ни само Солнце, ни...

– Знаю, – перебил Руслан говорливого астронома. – Извините, я опаздываю.

– Понимаю и не задерживаю. Давайте встретимся вечером, поговорим? У меня для вас есть интересная информация, как для инспектора по экологии.

– Хорошо. Где вас найти?

– Я буду после восьми в баре «Майн либер».

Руслан кивком распрощался с китайцем, заторопился к отсеку транспортных операций. Думал он в этот момент не о предполагаемой встрече, а о жене, подчёркнуто не обратившей на него внимания.

Первая часть плана: обследовать транспортные коридоры, снабжающие стройку необходимыми деталями и материалами, – потребовала, к его удивлению, значительных усилий и временных затрат. Чиновники от снабжения неохотно давали сведения, даже когда Руслан предъявлял свой карт-бланш, и ему пришлось пару раз повысить голос, чтобы добиться желаемого результата. В конце концов выяснилось, что Суперструнник снабжается через два метро-терминала, расположенных у торцов фермы, а уж потом грузы доставляются по назначению к тем узлам стройки, которые в данный момент монтируются.

Грузы для жизнеобеспечения строителей доставлялись тем же путём. В них входили жилые блоки, рабочие модули, продукты, вода, средства для личной гигиены, игровые комплексы и даже компоненты систем развлечения. Народонаселение стройки превышало три тысячи человек, и по сути их компактное размещение в жилой зоне ничем не отличалось от города на Земле. Если не считать того, что «город» этот располагался в космической пустоте между орбитами Марса и Юпитера.

Первое время организаторы «стройки века» опасались, что не контролируемые службой пространства мелкие камни из пояса астероидов будут обстреливать Суперструнник и создадут реальную угрозу для жизни строителей. Но выбор точки установки генератора оказался верен, в эту область Солнечной системы астероиды и обломки их залетали редко, а потом, после развёртывания систем раннего обнаружения и заградительного комплекса, опасность и вовсе упала почти до нуля.

Тем не менее ФАК постоянно заботилось о безопасности строителей, поэтому инспектору агентства приходилось проверять готовность защитных систем каждые сутки.

Впрочем, для Руслана эта обязанность не казалась лишней. Она позволяла ему обследовать все зоны стройки и в случае необходимости сослаться на пункт СРАМ-инструкции: он был обязан предотвратить несчастные случаи любыми средствами.

Входные транспортные линии работали безукоризненно.

Строительство Суперструнника завершалось, и грузов поступало всё меньше и меньше. Контролировать их прохождение было легко.

Проверил Руслан и линии жилищно-коммунальных отходов, также работающие без сбоев, в непрерывном режиме. Строители, специалисты других отраслей науки, инженеры и обслуживающий персонал ели, пили, развлекались (кроме тех, кто предпочитал жить на Земле), и продукты их жизнедеятельности надо было либо перерабатывать на месте, либо отправлять по спецканалам метро в места ликвидации и переработки.

Здесь Руслану повезло. Он обнаружил район несанкционированного сброса мелкого мусора в космос (канал соорудило казино «Бай-Бай») и сурово потребовал от работников казино ликвидировать утечку. Ему пообещали немедленно устранить замеченные недостатки, и Руслан почувствовал лёгкое моральное удовлетворение от проделанной работы.

После обеда в столовой строителей в жилой зоне он снова принялся реализовывать свой план.

Сначала дал задание персональному рабочему инку по имени Фотьян проверить расчёты экспертов, которые по мере готовности отдельных узлов и агрегатов Суперструнника тестировали их по особым программам. А поскольку для этого требовалось время, – инк мог самостоятельно общаться с другими сетевыми инками, в том числе с главным инком стройки Гением, – Руслан сел в параллель с Шустрым за изучение конструкции Суперструнника. Воеводин просил его обратить внимание на возможные изменения в конструкции генератора, которые могли пролить свет на главные вопросы следствия. Но для этого надо было их найти и проанализировать, для чего они нужны.

Его усилия не пропали даром.

Компьютерный поиск показал, что на теле фермы Суперструнника появились наросты, похожие на «опухоли», которых первоначальный замысел не предусматривал. Всего же их насчитывалось пять: три совсем крохотные – как ажурные рога на консолях, один шаровидный – внутри фермы на расстоянии тысячи двухсот километров от её торца, и один, полусферический – на торце. Ответить, для чего они нужны, эти «опухоли», инк не смог.

Ладно, решил Руслан, посмотрим поближе, что это такое.

Помощь пограничника Мешема ему была уже не нужна, однако он позвонил ему и предложил прогуляться. Лейтенант согласился, даже не спросив, какая прогулка ему предлагается.

Они встретились в транспортном отсеке жилой зоны, сели в четырёхместный пинас и вылетели через стартовый створ в космос. Освещённая лучами неблизкого Солнца ферма Суперструнника со всеми её пристыкованными конструкциями ушла вниз. Хорошо ориентирующийся в космосе Руслан мгновенно отыскал в чёрной пустоте оранжевую звезду Марса, затем более крупную голубую – Юпитер. Река Млечного Пути здесь была видна гораздо лучше, чем на Земле, и ею можно было любоваться долго, но Горюнов лишь поглядел на неё отстранённо, ища в небе светлое пятнышко шарового звёздного скопления Омега Кентавра, хотя, конечно, разглядеть его невооружённым глазом не мог. Посмотрел на блестящую ажурную полосу под ногами. Отсюда нельзя было увидеть связь фермы Дженворпа со скоплением, но она существовала. Как данность. Вопрос: кому понадобилось добиваться ориентации Суперструнника на Омегу Кентавра с её Осью Зла? – оставался открытым.

Руслан пошевелил лопатками под тканью уника. Связь генератора «суперструны» с таинственной Осью Зла была ему непонятна. Это заставляло работать фантазию и прикидывать масштабы чьего-то замысла, убивающего тех, кто начинал догадываться о связи, и даже тех, кто знал о существовании Оси. Кто они, эти люди, решающие судьбы других людей и с лёгкостью убиравшие свидетелей?

Руслан искоса посмотрел на спутника.

Или не люди?..

Лейтенант Мешем никак не прореагировал на его взгляд.

Флайт «БМВ» влился в реденький поток летающей строительной техники, вознёсся над фермой, достиг первого узла, где появилась шаровидная «опухоль», не предусмотренная чертежами Суперструнника. Руслан остановил аппарат.

– Джон, вы знаете, что это такое?

– Вообще-то мне допустимо не знать, – ответил пограничник, – но я знаю. Это дополнительный ВФрезонатор.

– Да? – удивился Руслан. – Вы действительно в курсе? Почему же об изменениях в конструкции никто не докладывает в ФАК?

– Это не моя проблема.

– Извините, вы правы. Для чего нужен дополнительный... э-э, ВФ-резонатор?

Мешем неожиданно оживился.

– Я заканчивал МИСИ, но всегда интересовался астрофизикой и космологией. Суперструнник вообще удивительный генератор, можно даже сказать, феноменальный.

– Я спрашиваю о дополнительном резонаторе...

Загоревшийся Мешем не обратил внимания на тон сказанного:

– Вакуум может иметь несколько разных, отличающихся по энергетическому потенциалу состояний, или фаз. При переходе из одной фазы в другую он может «сбросить» огромную энергию. Что, собственно, и произошло при Большом Взрыве, когда родилась наша Мета вселенная. Энергии выделилось столько, что начался инфляционный процесс расширения нашей Мета вселенной, и она раздулась до гигантских размеров.

– Я знаю... – попытался вставить слово Руслан.

– Так вот Дженворп способен создавать разные фазы вакуума, а дополнительный фазовый контур как раз и помогает ему это сделать, – закончил пограничник на одном дыхании.

– Зачем?

– Ну, как же, – смешался Мешем, – для науки нужны доказательства непротиворечивости теории... разные состояния «струн» дают разные результаты.

– А если начнётся новое инфляционное раздувание Вселенной?

Мешем недоверчиво улыбнулся.

– Все параметры Дженворпа рассчитаны.

– А вдруг?

– Не может быть, учёные просчитали все варианты развития событий, никакой инфляционной фазы не предвидится. Произойдёт локальная деформация вакуума в очень узкой щели, так сказать, «в трубочке» диаметром в атом, которая приведёт к образованию микроскопических чёрных дыр.

– Допустим, расчёты неверны. Теория есть теория, на практике иногда возникают необычные эффекты. Не произойдёт ли чего-нибудь такого, что потом не исправишь никакими другими экспериментами?

– Что? – озадаченно спросил Мешем.

– К примеру, увеличится темп расширения Вселенной?

Мешем снова показал слабую улыбку, качнул головой:

– У вас, русских, есть поговорка: неожиданное случается чаще, чем ожидаемое. Расчёты Суперклизмы проверяли и эксперты ФАК. И ничего опасного не нашли.

То-то и оно, подумал Руслан, переводя разговор на другую тему:

– Вы правы, у нас много поговорок, и мудрых, и смешных. Мне нравится такая: если тебе суждено погибнуть в космокатастрофе, а ты никуда не летаешь, на твой дом упадёт звездолёт.

Мешем хмыкнул.

– Вы пессимист, инспектор.

– Я просто хорошо информированный оптимист. – Руслан скомандовал инку флайта лететь дальше. Подумал: надо проконсультироваться со специалистом по проблеме разных фазовых состояний вакуума. Но не с Херцигом.

Пинас, как пришпоренный, помчался вдоль серебристой полосы Суперструнника, чем-то напоминающей старинную железную дорогу с рельсами и шпалами.

«Рога» на консолях Руслан решил не обследовать. Шустроуму удалось пообщаться с Гением, и главный инк стройки объяснил ему, что «рога» являются всего лишь дополнительными антеннами системы настройки генератора. Ничем иным, в принципе, они быть и не могли. А вот «опухоль» на торце Суперструнника, обращённом к Омеге Кентавра, настораживала. В коротком докладе Гения говорилось, что это «сфинктер коллиматора», предназначенный для «порогового ограничения импульса». Каким образом сфинктер должен был ограничить «струну», в докладе не объяснялось.

С расстояния в полкилометра «опухоль» сфинктера выглядела драгоценным камнем в золотой оправе. Диаметр её достигал ста двадцати метров, высота купола – сорока пяти.

– Красиво смотрится, – заметил Мешем после минутного созерцания «опухоли».

Интереса инспектора к этому новому узлу конструкции он не понимал, но из лояльности не задавал ему никаких вопросов.

– Посмотрим изнутри? – предложил Руслан.

– Как скажете, – согласился пограничник.

Однако стоило флайту двинуться к торцу фермы, как перед ним возникло красное световое кольцо, а в наушниках защитных костюмов раздался вежливый голос:

– Внимание! Запретная зона! Пожалуйста, остановитесь!

– Я Руслан Горюнов, инспектор ФАК, – небрежно бросил Руслан, и не думая останавливаться.

– Внимание, – послышался тот же голос, принадлежавший, очевидно, инку охраны, – зона закрыта для полётов любых транспортных средств! Остановитесь, иначе буду вынужден применить защитные меры!

– Я Горюнов! – возмутился Руслан. – Код допуска: «сто три – золотой»!

Мешем искоса посмотрел на него, но промолчал.

Флайт, чуть снизив скорость, продолжал опускаться к «опухоли» сфинктера. Когда до блестящего купола осталось метров двести, перед аппаратом соткалась из красных световых искр переливчатая вуаль, и флайт резко затормозил.

Вуаль погасла.

Руслан выругался.

Охрана фермы применила «красную завесу» – силовое поле, способное остановить и отбросить даже небольшой астероид, летящий с приличной скоростью.

– Немедленно пропустите... – начал Руслан.

В наушниках раздался другой голос, угрюмый и жёсткий:

– Инспектор, в этой зоне идут прецизионные подгоночные работы, поэтому ваше присутствие нежелательно. Будьте добры покинуть зону.

Руслан открыл рот, чтобы выразить своё отношение к происходящему: никаких следов «прецизионных подгоночных работ» он не видел, – однако сумел побороть свои чувства и передумал.

– Кто говорит?

– Жозеф Поллак.

Руслан встретил красноречивый взгляд Мешема, криво улыбнулся.

– Господин Поллак, вы знаете о моих полномочиях?

– Знаю, господин Горюнов, и тем не менее прошу не мешать. Закончится монтаж оборудования, можете посмотреть на сфинктер и снаружи, и изнутри.

В голосе помощника Херцига на слове «посмотреть» проскользнула ироническая нотка.

Руслан проглотил вертевшие на языке возражения, молча двинул флайт вокруг «опухоли» сфинктера. Удовлетворившись облётом, повернул назад, к жилой зоне Суперструнника.

– Вам действительно необходимо попасть внутрь сфинктера? – спросил Мешем безразличным тоном.

Руслан помолчал.

– Странно, что доработки наподобие этого сфинктера возникают уже после утверждённого плана работ. Что они там прячут?

– Доработки возникают всегда, это я вам как бывший инженер-строитель говорю. Другое дело, что вас не пропустили, хотя у вас «золотой» допуск. По-моему, Поллак слишком много на себя берёт.

Руслан думал о том же, но поддерживать пограничника не стал.

– Ничего, иногда полезно видеть границы своего допуска. Помните пословицу? Есть два вида трагедий: первый – когда человеку не удаётся достигнуть цели, второй – когда удаётся. Второй значительно хуже.

Мешем засмеялся.

– Я ещё не встречал инспектора ФАК, который так спокойно реагировал бы на усечение его полномочий.

– Значит, вы уже встречались с работниками агентства?

– До вас на Суперструннике была симпатичная девушка Инесса, которая, по-моему, ни во что вообще не вмешивалась.

– Вы её знали?

– Её знали... э-э, многие, в том числе мой приятель. Я вам ещё нужен?

– Нет, благодарю за сопровождение.

Пинас проскользнул в финиш-створ транспортного отсека, опустился на площадку малых аппаратов.

Мешем пожал руку Горюнову, они расстались.

Размышляя, идти на встречу с китайцем или нет, Руслан сел в лифт и опустился в недра жилого комплекса Суперструнника, представлявшего собой три зеркально-прозрачные пирамиды, соединённые прозрачными же рукавами эскалаторов и лифтов.

По времени стройки шёл уже восьмой час вечера, что соответствовало восемнадцати часам по среднесолнечному времени. Народу в коридорах жилой зоны было мало. Пробежала стайка девушек в цветных униках, с эмблемами Монтажспецстроя. Прошагали, переговариваясь, молодые рослые парни из научно-инженерного состава. Руслан заметил сотрудников Службы безопасности, посмотрел им вслед.

И тотчас же кто-то возник за спиной, хлопнул его по плечу:

– На девушек заглядываетесь, инспектор?

Руслан внутренне поморщился: это был астроном Сю Синьцзы. Следит он за ним, что ли?

– На кого же ещё заглядываться, как не на девушек? – сказал Руслан, изображая улыбку. – Я же не трикстер.

Китаец мелко засмеялся.

– Я тоже. Трикстерам всё равно, кого любить. Вы уже идёте в бар?

– Буду через полчаса. Переоденусь, приму душ, побеседую с начальством.

– Жду, – кивнул астроном и засеменял к створу отсека развлечений.

И снова Руслан ощутил ток холодного воздуха, будто недалеко открылся на миг люк в зиму, на побережье Арктики. Случайным это явление назвать было уже нельзя. Китаец явно интересовался инспектором ФАК, подозревал его в чём-то, сомневался и испытывал неприязнь, продолжая при этом дружелюбно шутить и делать вид, что рад встречам.

«Шустрый, – позвал Руслан. – Тебе не кажется, что нас прощупывают?»

«Не кажется, – ответил терафим. – Нас и в самом деле прощупывают. Усилить защиту?»

«Проанализируй полевую обстановку. Надо определить, какой аппаратурой пользуется господин астроном».

«Попытаюсь».

Руслан перепрыгнул на ленту эскалатора, ведущую в жилую зону, и едва удержался на ногах.

Мимо, в обратном направлении, проехала пара: Ярослава Тихонова – Серджо Веласкес. Ни та, ни другой не обратили на инспектора ни малейшего внимания.

Руслан соскочил на неподвижные плиты коридора, оглянулся.

Глава компании «Асур» и её спутник повернули к отсеку отдыха. Веласкес чуть опередил женщину, и она вдруг оглянулась, будто почувствовала взгляд бывшего мужа. На одно мгновение глаза их встретились. Потом Ярослава шагнула в створ входа и исчезла. А Руслан остался в коридоре с ощущением близкого удара грома, которого никто, кроме него, не слышал.

Глава 9

Погранслужба – дело тонкое

С недавних пор командор Погранслужбы Дмитрий Шевчук перестал общаться с редкими друзьями и зажил на широкую ногу.

У него появились два дорогих личных флайта классов «Мерсе-DZ» и «Феррари», фазенда в джунглях Амазонки, модуль отдыха в Антарктиде и жилой модуль на Марсе. Кроме того, он вдруг стал обладателем пакета акций холдинга «ТВ-Медиа» и куратором Олимпийского комитета Украины. Что давало ему право участвовать в заседаниях Правительства Украины и не мешало руководить Федеральной Погранслужбой, имеющей третий ранг по приоритетности выполняемых задач после Союза Объединённых Наций и Службы безопасности.

Разумеется, о приобретениях командора почти никто не знал, лишь люди, постоянно сталкивающиеся с ним, родственники да налоговая служба Солнечной Федерации. Но у него там были свои люди, на самом верху, которые знали больше... и молчали. Потому что сами участвовали в процессе и были причастны к тому, что творилось нынче в Солнечной системе.

Пятнадцатого апреля командор в сопровождении команды телохранителей отправился на Марс, чтобы осмотреться в новоприобретённом коттедже и отдохнуть. Личную ветку метро ему провести к коттеджу пока не удалось, чего он, безусловно, хотел и добивался, поэтому пришлось добираться по сети общественного метро. Сначала до Марсопорта, расположенного на Ацидалийской равнине, а оттуда на пограншлюпе до коттеджа, построенного на берегу недавно восстановленного озера Лакшми. Озеро было окружено горами, воздуха здесь ещё не хватало для неспешных прогулок без респираторов, несмотря на полтора столетия работы атмосферных заводов, но вид с берега был замечателен. Любителю природной эстетики, каким слыл Шевчук, этот вид нравился.

Осмотрев окрестности коттеджа, выстроенного в стиле «венцианский замок», владелец оставил охрану снаружи и прошёлся по трёхэтажному строению, придирчиво разглядывая интерьеры его помещений. Всего помещений было девять, включая две комнаты с душем и ваннами из китайского фарфора и кабинет с суперсовременной компьютерной системой «нюба», позволявшей человеку работать с инком в скоростном режиме «один-на-один» и погружаться в созданные компьютером виртуальные миры «с головой». То есть – ощущать все приключения так, что игра становилась стопроцентно реальной.

Однако «посидеть в игре» главному пограничнику Федерации не дали.

Включилась рация интересязи; вызов пришёл через аппаратуру консорт-линии, отсекающую все помехи и не допускающую ни пеленгации, ни прослушивания.

– Шевчук, – произнёс глава Погранслужбы.

Напротив соткался виом передачи, в нём проявилась необычного вида – в форме головы тигра – кристаллическая конструкция, состоящая из отдельных, меняющих размеры, не связанных друг с другом кристалликов.

Шевчук попятился, сел на возникший из пола по его мысленному приказу стул.

– Слушаю, экселенц.

«Голова тигра» обозначила улыбку.

На самом деле это был, конечно, вовсе не тигр. Таким всегда показывался перед своими слугами эмиссар Знающих-Дорогу-Не-Терпящих-Возражений. Даже Шевчук, или Третий, то есть имевший после подселения третью степень посвящения в Программу, никогда не видел эмиссара в натуре, таким, каким он был на самом деле.

– Мне не нравится возня Службы безопасности вокруг генератора, – заговорила «голова тигра» на чистейшем английском языке; эмиссар никогда не здоровался и не прощался. – Мне

не нравится активность Службы безопасности за спиной ФАК. Почему вы допустили отправку развед-спейсера к Омеге Кентавра?

– Спейсер не вернётся.

– Тем не менее Служба заинтересовалась открытием Крестовского и подключила к этому делу контрразведку.

Шевчук пожал плечами.

– Этого следовало ожидать. Мы работаем не в вакууме. К тому же мы убрали комиссара...

– Поздно, командор, поздно! – оскалился «тигр». – Надо было привлечь Джона Ву на свою сторону, а не скорострительно ликвидировать, когда он задействовал контрразведку! Теперь это дело получило огласку, и потушить разгорающийся пожар будет трудно. А до момента пуска Дженворпа осталось не менее трёх месяцев!

– Мы справимся. Херциг подготовил предложения по финальной стадии строительства Дженворпа, срок пуска сократится на месяц. Оставшиеся два месяца мы продержимся легко.

– Если вам никто не помешает. Всё больше ненужных людей узнаёт об окончании строительства.

– Мы будем их ликвидировать одного за другим.

– Всех не ликвидируете! Вообще прекратите акции по ликвидации! Они заставляют Службу безопасности напрягаться, а сил у неё хватает. Нам до сих пор неизвестно, какой филиал контрразведки пошёл по нашему следу.

– Узнаем. Теперь Службу возглавит наш человек.

– Работайте порасторопней, командор! Иначе придётся заменить и вас!

– Вряд ли вы найдёте специалиста такой квалификации на моё место, – ухмыльнулся Шевчук. – Интересно, если вы провалите дело, что будет с вами? Как там у вас поступают с неудачниками?

«Тигр» показал клыки.

– Напрасно вы меня дразните, командор. Я не личность – в вашем понимании, я коллективная сущность. Мы не выносим паллиативных решений. Мы уничтожаем всех, кто мешает. И уничтожим вас не задумываясь! Так что прикусите язык, как принято говорить у вас. Немедленно установите, кто может работать на контрразведку из всех тех, кто крутится возле Дженворпа!

– Мы работаем, – нехотя ответил Шевчук.

– В обслуживающей бригаде появились новые люди. Проверьте, кто они и с кем контактируют, не могла ли их завербовать контрразведка.

– Проверка уже начата.

– Докладывайте мне о результатах каждые двенадцать часов!

– Слушаюсь, экселенц, – подтянулся Шевчук.

«Тигр» в объёме связи рассыпался на кристаллики, виом погас.

Шевчук задумчиво промокнул вспотевший лоб платком, пробормотал:

– Коллективная сущность, однако... Интересно, где он прячется? Или он такой же подселённый, как и я?

Перед командором проявилось плоское зеркало. Он внимательно оглядел своё отражение, оттянул веко, потрогал нос, пригладил волосы.

– Нормально выглядите, командор.

В голове словно хрустнул сломанный сучок, и чей-то дребезжащий, каркающий, нечеловеческий голос повторил:

«Нормально выглядите, командор. Вы, люди, ещё не создали такой аппаратуры, которая могла бы зафиксировать подселённого».

– Аппаратуры такой нет, – согласился Шевчук с тем, кто управлял им в глубинах сознания. – Но люди, владеющие экстрасенсорным резервом и способные отличить подселённого от нормального человека, есть.

«Их мало. И всех их можно ликвидировать. В вашем распоряжении вся Погранслужба, займитесь этой проблемой».

– Погранслужба – дело тонкое, да и занимается она другими проблемами.

«Надеюсь, в ваших силах переориентировать её на поиск нюхачей из контрразведки. А главное – найдите командира. Обезглавив контрразведку, мы решим все проблемы».

– Контрразведка – тоже дело тонкое, – рассеянно проговорил Шевчук. – Дилетантов там не держат.

«Вы не согласны?» Внутренний голос приобрёл угрожающие интонации.

Шевчук поморщился, слабо пошевелил пальцами, оправдываясь.

– Согласен, согласен, умник. Только не хотелось бы связываться с контрразведкой. Она наверняка насквозь русская.

«Ну и что?»

– Русская контрразведка – сильнейшая в мире на сегодняшний момент.

Подселённый хмыкнул.

«Мне-то ты скажешь правду?»

– Я говорю правду. Вы ещё не сталкивались с ней... иначе зауважали бы.

«Мы сталкивались с гораздо более мощной противодействующей силой, не чета этой вашей контрразведке».

– Что это ещё за фигня?

«В переводе на земные языки она звучала бы как «Система Транзитивной Корректировки». Она сильно мешала нам в других метавселенных. Однако не до болтовни, командор. Нужна информация – запроси экселенца. Работай!»

– А пошёл бы ты спать, – ласково ответил Шевчук сам себе. – Я приехал отдохнуть, а не делами заниматься. Ваш экселенц подождёт.

Он вызвал помощника:

– Булат, через полчаса давай девчонок.

– Скоро будут, – пообещал начальник личной охраны командора Булат Батырбей.

Глава 10

Канареечка жалобно поёт

Если бы это был обычный компьютерный вирус, Успенский легко справился бы с ним. Достаточно было стереть все испорченные программы, файлы и флэши, а потом переписать на «железо» матричные файлы, хранившиеся в НЗ. Однако инконику спейсера повредил «червь», то есть нановирус, способный просачиваться физически через все фильтры и проникать в щели размером с десяток молекул. Он и сам был размером с длинную молекулу ДНК, несущую программу разрушения определённых структур, отчего защитные сети инка «Ра» не смогли его остановить.

Сначала «червь» аккуратно уничтожил приёмное устройство «струнной» рации спейсера, отрезав корабль от базы, которая могла помочь советом. Передать руководству Службы о возникших проблемах экипаж мог, но получить ответ – нет.

Затем вышел из строя передатчик. И экипаж «Ра» окончательно потерял возможность переговариваться с базой и докладывать об открытиях. Но и это оказалось не последней бедой. Сразу после старта «голема» к найденному в недрах фермы чужому космолёту отрубилась вся инконика корабля, а инк Тихий превратился в идиота, потеряв все свои базовые интерактивные связи.

Двое суток Успенский и бортинженер спейсера Вильгельм Иванов с помощью уцелевших сервисных систем разбирали молектронную начинку центра управления и меняли блоки.

Ещё два дня ушло на поиск «червя», после того как с грехом пополам заработала аварийная защитная аппаратура «Арахна», имеющая собственную инконику и независимое энергопитание.

Нановирус представлял собой изумительной работы атомарную структуру, имевшую «голову с мозгами» – управляющий чип размером с две сотни молекул углерода – и собственную «пушку» – генератор антипротонов и излучатель. Достаточно было буквально трёх «выстрелов» из этой «пушки», посылающей по три-четыре антипротона, чтобы интеллектуальная аппаратура корабля начинала сбоить, глючить и выходить из строя.

«Червь» нашли и уничтожили, но своё грязное дело он сделал. И тогда у Маккены возник вопрос: почему защитная система не подняла панику и не предупредила людей о проникновении в недра инконики вирусной программы?

Задумались и остальные члены экипажа.

Успенский удалился в свою каюту, чтобы поразмышлять наедине с самим собой, а точнее, с личным инком. Но терафим ничем помочь ему не мог, не обладая кондициями больших «думающих систем» типа Стратег. Единственное, чего достиг Успенский после долгих бесед с терафимом, было предположение о хорошо подготовленной диверсии. Кто-то, знающий о резервном спейсере Службы безопасности, заранее подготовил его нейтрализацию, для чего запустил два «червя». Первый обезвредил защитную антивирусную систему, второй – всю интеллектуальную технику. Но поскольку ни проверить, ни доказать предположение было нельзя, Успенский уныло признался, что он бессилён.

– Тихого восстановить я не смогу, – проворчал он на совещании, проходящем в кают-компании корабля. – Попробую наладить систему визуально-ручного управления.

– Что это нам даст? – скривил губы бортинженер.

– Шанс добраться до Солнечной системы.

– Мы можем легко промахнуться.

– У нас есть эксперты, они помогут сориентироваться.

– Без инк-сопровождения мы стопроцентно заблудимся в Рукаве и...

– Стоп базару! – применил известное русское изречение Рудольф Маккена. – Митя, Виль – в рубку! Восстанавливайте что сможете! Специалисты будут подключаться к работе по мере надобности. Вопросы?

– Неохота сидеть сложа руки, – буркнул драйвер-секунда корабля Вячеслав Терёшин. Драйвер-прима в этот момент дежурил в рубке.

– Кто сказал, что мы собираемся сидеть сложа руки? Будем исследовать Ось.

Члены экипажа оживились.

– Правильно, дело есть дело, – раздались голоса, – надо работать...

Маккена вышел из кают-компания с уверенным видом и лишь за диафрагмой двери дал себе секундное расслабление: лицо его стало угрюмым, озабоченным, виноватым. Но только на секунду.

За ним разбрелись по рабочим местам и остальные.

Всё это время «Ра» дрейфовал в десяти километрах от фермы, соединявшей звёзды Оси Зла, укрытый лишь нейтральной бронёй и многослойным «пакетом» физиологической защиты. Энергополевая подпитка панциря не работала, но излучение близких звёзд он не пропускал. А для того чтобы корабль не столкнулся с острыми как бритва шипами фермы и не упал на ближайшую звезду Оси, пилотам постоянно приходилось маневрировать в ручном режиме. Этот процесс отнимал много времени и здоровья, требовал внимания, отчего пилоты менялись каждые четыре часа.

Маккена не шутил насчёт исследований Оси.

Уже через час после совещания «голем», управляемый Терёшиным, нырнул в глубины «фрактала». Место наблюдателя занял второй эксперт экспедиции Марч Кремень. Роза Линдсей чувствовала себя неважно и осталась на борту спейсера.

«Голем» уверенно прошёл сорок километров до ячейки в ферме, где на шипах висел разбитый чужой звездолёт.

Терёшин остановил аппарат. Марч какое-то время работал с аналитическим комплексом «голема», обсуждая показания счётчиков частиц и полей с инком, потом попросил пилота опуститься «ниже».

Сопровождаемый змейками молний, скользящих вдоль сплетений жил и шипов фермы, «голем» начал искать ниши и проходы, позволяющие ему двигаться в относительной безопасности. «Ракушка» чужого корабля скрылась за уступами и кружевами фермы.

Около двух часов ничего в окружающем аппарат пространстве не менялось.

Мимо проплывали гигантские, среднего размера и совсем маленькие «веточки можжевельника», узелочки «мха и лишайника», заполняя собой всё пространство. Вскоре продвижение вперёд замедлилось. Проходы становились всё уже, а шипастые конструкции всё ближе. Когда извилистый тоннель в недра фермы сузился до сотни метров, пилот остановил «голем».

– Дальше не пролезем.

– Ещё бы на пару километров, – попросил Марч.

– Что это нам даст? Здесь всё одинаковое, мох и мох. Фрактал он и в Африке фрактал.

– Растёт концентрация антипротонов. Вакуум странно «шевелится».

– Потому что тут работает другая физика.

– Физика в нашем галактическом районе везде одна и та же.

– Всё равно не понимаю, как они строили такую жуть.

– Скорее всего, это был целенаправленный процесс «кристаллизации» вакуума.

– Верю, – фыркнул Терёшин, – уже слышал не раз, но не понимаю, как это вакуум может «кристаллизаться». Ладно, держитесь, попробуем ещё чуть-чуть протиснуться в щёлочку.

«Голем» снова двинулся вперёд по сужающемуся ходу, представлявшему собой просто одну из многочисленных пустот, разделявших «стебли можжевельника».

– Вижу металл, – вдруг доложил инк аппарата.

Перед глазами пилота появился визирный крестик, показал местоположение металлического предмета, обнаруженного инком.

– Что это?

– Не могу знать.

– Давай ближе!

«Голем» осторожно поплыл к блистающему в отражённом свете прожектора «кусту фрактала», миновал одну ажурную «ветвь», другую. Через минуту стал виден грибообразный нарост на эллиптическом вздутии фермы. Диаметр «шляпки гриба» достигал двух сотен метров, высота – около полусотни.

– Лопни мои глаза! – выдохнул Терёшин. – Да это же ещё один спейсер!

Марч промолчал. Он видел то же самое, что и пилот.

Подожли почти вплотную.

«Голем» поелозил прожектором по корпусу чужого корабля, отражавшему свет как зеркало.

Форма его и в самом деле напоминала гриб-подосиновик, у него и ножка имела под «шляпкой». Мало того, «шляпка» была не идеально полусферической, а с нерегулярными впадинами, так что пилот даже засомневался в своей оценке, разглядывая проекции «гриба» на пластине обзора.

– Может быть, это просто деталь фермы? Так сказать, «заклёпка»?

Эксперт снова промолчал.

Терёшин дал задний ход, повёл «голем» по суживающейся спирали к «ножке гриба».

Стали видны тонкие линии на «шляпке», образующие выпуклый рисунок наподобие растительной сигнатуры на обратной стороне листа земного дерева.

– Интересная структура. Марч, ты там не уснул?

– Это корабль, – отозвался наконец эксперт. – Его материал – сложный кремниевое-углеродистый композит. Деталью фермы он быть не может.

– Кладбище звездолётов, – хмыкнул пилот. – Неужели вся ферма истыкана чужими кораблями? Этот, во всяком случае, совсем не похож на первый.

– Что имеем, то и видим, – философски заметил Марч.

Терёшин засмеялся.

– Не верь глазам своим, верь моему радару.

– Попробуйте посигналить.

Несколько минут инк «голема» мигал прожектором и запрашивал экипаж чужого космолёта на всех доступных диапазонах радиосвязи, микроволновой и лазерной связи. Однако никто ему не ответил. Скорее всего, и этот корабль был мёртв, как и первый, похожий на гигантскую ракушку моллюска.

Правда, корпус его выглядел не столь безнадежно проеденным аннигиляционной коррозией, да и сидел он не на шипе «можжевельника», а на достаточно ровном, покрытом «шерстью» мелких веточек вздутии фермы. Было видно, что посадка была мягкой. Ничто не указывало на бедственное положение корабля. И тем не менее на манипуляции «голема» он не отреагировал.

– Я выйду, – решил пилот. – Надо поглядеть, что у него внутри. Видите, под «шляпкой», где сходятся пластины, есть какое-то углубление? Может быть, это люк.

– Пойду я, – отрезал эксперт. – Это моя работа.

Аргументов против этого высказывания у пилота не было, и он занялся процедурой выпуска десантника из «голема».

Ложемент под Марчем, полулежащим в серебристо-прозрачном «кокосе», опустился в «горизонтальное» положение, собрался складкой под ногами, и эта складка пропихнула тело эксперта сквозь эластичную диафрагму сфинктера в тамбур. В тамбуре – по сути это был плот-

ный мускулистый «мешок» – на плечи и голову Марча надвинулся дополнительный прозрачный конус с аппаратурой и спецоборудованием. Затем мускул сфинктера тем же манером выдавил десантника сквозь диафрагму люка в открытое пространство.

– Проверка, – сказал пилот.

– Всё нормально, – пропыхтел эксперт после паузы: за бортом «голема» царствовала невесомость, и к ней надо было привыкнуть.

– Будьте осторожны, Марч.

Фигура в светящемся скафандре достигла пластин нижнего обреза «шляпки гриба», задержалась. Марч был опытным косменом и не торопился лезть на рожон.

– Здесь углубление, – донёсся его невнятный голос. – Метра три. Отверстия не вижу.

– Возвращайтесь, – сказал пилот.

Внезапно пластины, действительно напоминавшие грибные пластинки у сыроежки, начали плавно расходиться.

– Берегись! – рявкнул Терёшин, толкая «голем» поближе к десантнику.

Но нервничал он напрасно. Пластины раздвинулись, и Марч сказал:

– Вижу щель. Двигаюсь дальше.

– К чёрту, Марч! Кто знает, что у этой автоматики на уме? А если сдохнут аккумуляторы, или что там у них, и вы не выберетесь обратно? Лучше вернуться сюда на двух машинах.

Марч заколебался. Одному в недра чужого космолёта идти не хотелось.

– Я только гляну на... – он не договорил.

Из углубления между раздвинутыми пластинами вынесся тонкий фиолетовый хлыст, обвился вокруг не успевшего среагировать эксперта и одним движением втянул его в щель.

– Назад! – запоздало крикнул пилот.

Из того же углубления выметнулся ещё один хлыст, поразительно напоминающий щупальце спрута, достиг «голема». Однако реакция у пилота была побыстрей, чем у эксперта, и он успел мысленно скомандовать инку аппарата открыть огонь.

Сверкнул лазерный луч, отсекая часть хлыста. Оставшаяся корневая часть молнией вернулась обратно. Однако через пару мгновений уже с десятков щупалец потянулись к «голему», и защитной системе аппарата пришлось работать в форсированном режиме. Кроме лазера, инк применил неймс и плазмер, чтобы отбить неожиданную атаку. Обожжённые, искромсанные, обрезанные щупальца втянулись в гнездо.

– Марч! – напряг глотку Терёшин, лихорадочно соображая, что делать. – Отзовитесь!

Эксперт молчал.

– Марч!

Из углубления в корме чужого корабля набухла водянистая капля, начала вытягиваться в толстую желеобразную сосиску.

Пилот приготовился маневрировать и одновременно стрелять, но его опередили.

«Шляпка гриба» вдруг шевельнулась как живая и плавно скользнула к «голему», выстреливая целый ручей пенящейся белёсой субстанции...

* * *

«Голем» отсутствовал уже больше трёх часов, и у Маккены появилось дурное предчувствие.

– Виль, – позвал он, – что слышно?

– Ничего, – лаконично отозвался бортинженер.

Маккена вызвал первого пилота:

– Вацлав, подготовь на всякий случай второй шлюп.

– Он давно готов, Рудольф, – сказал Хржичка, понимая состояние командира.

– Митя, что-нибудь получается? – обратился Маккена к инконику.

– Пытаюсь понять сам, – пропыхтел Успенский из развороченных недр управляющей системы. – Переброшу связи уцелевших блоков, может, заработает система ориентации. На большее рассчитывать не приходится.

Маккена стиснул зубы, чтобы не выругаться. Посидел в командирском коконе, ломая голову над проблемой возвращения. Потом спустился в медотсек. Однако Розы Линдсей там не оказалось. Она работала в своём пассажирском боксе, аппаратура которого не подверглась атаке «червя».

– Роза, вам положено лежать, – сказал Маккена, с некоторым недоверием разглядев, что эксперт весьма привлекательна; женщина сидела у вириала инка в обтягивающем серебристом унике.

– Мне лучше, – сказала она, не отрываясь от виома, в объёме которого светилась схема Оси Зла.

– Извините, я бы всё-таки советовал вам отдохнуть, – мрачно добавил он.

Роза удивлённо оглянулась и, видимо, что-то прочитала в глазах командира корабля. Слабо улыбнулась.

– Благодарю за совет.

Он потоптался на пороге уютного бокса, невольно принюхиваясь к тонкому запаху духов. Подумал: женщина и в космосе остаётся женщиной. И вдруг неожиданно для себя самого спросил:

– Вы замужем?

Роза озадаченно поправила локон волос на виске.

– Нет. А что?

– Дети есть?

– Две девочки, учатся в колледже.

– И кем думают стать?

– Хотят учиться на интердипломатов.

– Это хорошо. – Маккена помедлил, не зная, как продолжить разговор.

– Проходите, – подвинулась женщина, указывая на второе кресло, – присаживайтесь.

Что-нибудь случилось?

Маккена сел, чувствуя себя не в своей тарелке. Признался:

– Положение критическое. Я принял решение возвращаться.

– Но ведь инконика крейсера не работает.

– И не будет работать. Доберёмся в ручном режиме. Хотя ещё никто на моей памяти этого не делал.

Роза оценивающе посмотрела на командира:

– Вас ведь не это гнетёт, верно?

Маккена помолчал.

– Ось Зла для чего-то создана. Она ждёт. Чего? Или кого?

– Не нас.

– Это я понимаю. Мы здесь гости нежелательные. Впрочем, не только мы. Тот чужак погиб странно. Межзвёздные машины должны быть защищены от гораздо более опасных ситуаций, нежели столкновение с шипами фрактала.

– Меня этот факт смущает в не меньшей степени. Но ещё больше – одно необычное обстоятельство.

– Какое?

– Звёзды Оси – не простые звёзды.

Роза шевельнула рукой, и стена бокса напротив превратилась в виом, в глубине которого загорелась ближайшая звезда Оси Зла, вся в багровых и малиновых пятнах.

– Что значит – не простые? – не понял Маккена.
– Вся система из ста одиннадцати звёзд является, по сути, Большим Странным Аттрактором.

– В чем же его странность?

– Вы знакомы с теорией метастабильных переходов?

– Я не учёный. Я практик. Много лет назад, в институте, что-то читал, но...

– Понятно. Если Солнце и звёзды, подобные ему, выделяют энергию в результате термоядерных реакций, то звёзды Оси светят потому, что в месте их расположения размерность пространства выше, чем вне их. Понимаете? Разница в мерности и приводит к выделению энергии. Но такое состояние звёзд метастабильно. Достаточно одного толчка, образно говоря, и произойдёт фазовый переход.

– Чего? – недоверчиво спросил Маккена.

Роза Линдсей посмотрела на звезду с ползущими по ней пятнами.

– Сначала переход состояния. Возможно, какая-то из звёзд превратится в сверхновую. Возможно, они все станут сверхновыми и разнесут всё скопление в пыль, в излучение. Недаром же они соединены меж собой этой фермой. А затем произойдёт и фазовый переход вакуума. Метрика пространства в скоплении не целочисленна, чуть выше тройки, но даже если пространство скатится к евклидовости, то есть станет трёхмерным, энергии «свернувшегося» остатка хватит...

Роза отвернулась, нашла в своих вещах сигарету.

– Разрешите закурить?

Курение на борту космолёта строго запрещалось, и она это знала, но Маккена кивнул:

– Курите. Хватит для чего?

– Для того, – Роза сунула сигарету в рот, затянулась, – чтобы процесс ударной инфляционной волной распространился и дальше, по нашей Галактике, по местному скоплению галактик. Может быть, вообще по всему домену.

– Вы... серьёзно?

– Разумеется, это всего лишь мои предположения, – спокойно ответила Роза, с видимым наслаждением выдыхая ароматный дым. – Но они имеют под собой почву. Ось Зла действительно ждёт возбуждающего импульса. Что это за импульс, какой природы, откуда он должен прийти – не важно. Главное, что система готова к запуску. Причём очень давно.

– За орбитой Марса строится Суперструнный, – выговорил Маккена одними губами.

Роза, прищурясь, посмотрела на него сквозь клуб дыма.

– Я тоже подумала об этом. Вот почему мы в таком бедственном положении. Чтобы никто о нашем открытии не узнал, мы не должны вернуться.

Маккена провёл рукой по волосам. Рука дрожала. Он посмотрел на неё с хмурым удивлением, перевёл взгляд на собеседницу.

– Мы вернёмся!

Роза усмехнулась.

– Надеюсь.

Он хотел что-то добавить, но в наушниках рации раздался крик первого пилота:

– Командир, полундра!

Маккена повернул голову к двери, помедлил мгновение и одним прыжком выскочил за дверь каюты.

В рубке стала известна причина волнения Хржички.

Из глубин «можжевеловых зарослей» фермы мчался зигзагами «голем», а его преследовал какой-то странный объект, похожий на шляпку гриба, на черепахе и на медузу одновременно. Каждое сокращение «купола медузы» соответствовало повороту объекта – он следо-

вал точно за «големом», – а из-под «купола» то и дело выстреливались тонкие нити, вернее, щупальца, пытавшиеся схватить уворачивающийся земной аппарат.

Послышался задыхающийся голос Терёшина:

– Командир... эта тварь... сожрала Марча! Уходите! Лазер и плазмер её броню не пробивают!

– Виль, систему отражения к бою! – скомандовал Маккена.

– Пара секунд, командир!

– Что это?! – прошептала появившаяся в рубке Роза.

– Мне надо было самому догадаться, – процедил сквозь зубы Маккена.

– О чём?!

– Такое сооружение, как Ось, должно иметь охрану! Этот «гриб» уничтожает всех, кто приближается к Оси! Найденный нами космолёт тому пример. Виль, целеуказание на обзор!

В глубине панорамного виома, в который превратились стены рубки, появился визирный крестик. Если бы инк спейсера работал, такой крестик появился бы прямо перед глазами Маккены, и ему не пришлось бы управлять стрельбой голосом. Сработало бы мысленное указание. Но Тихий был мёртв.

– Вацлав, манёвр!

«Ра» прыгнул влево, чтобы «голем» вышел из коридора поражения.

Маккена, уже занявший своё кресло и положивший руку на сенсорную панель подлокотника, тронул красную клавишу.

Спейсер выстрелил.

Пучок антипротонов, посланный к «грибо-медузе», был почти не виден, так как вокруг царил вакуум. Проаннигилировали только редкие атомы на его пути. Зато материал преследователя состоял не из экзотических частиц, а из барионов, и антипротоны пучка нашли своих «партнёров».

В пульсирующем куполе «грибо-медузы» образовалась огненная дыра. Вспыхнул ярчайший свет аннигиляции. Над куполом вырос дымно-пламенный фонтан.

«Грибо-медуза» резко затормозила.

«Голем» успел увернуться от очередного броска щупалец, рванул по прямой к кораблю.

Пламя аннигиляционного процесса погасло.

«Грибо-медуза» перестала метаться из стороны в сторону, «облизала» себя щупальцами, залатав рану, косо двинулась к спейсеру. Она явно не собиралась сдаваться.

– Командир, открываю шлюз! – крикнул бортинженер.

– Забирай его, – сказал Маккена. Повернул голову, посмотрел на побледневшую, вцепившуюся в кресло второго пилота женщину. – Простите меня, Роза. У нас нет выбора. Марча не вернёшь. Уходим.

Роза Линдсей не ответила. По щеке её поползла слеза...

Глава 11

Вышел зайчик погулять

На четвёртый день после выхода на работу в качестве инспектора ФАК Руслан ещё раз решил навестить координатора стройки, то есть бывшую жену, для решения «важных вопросов».

Конечно, в глубине души он понимал, что все свои «важные вопросы» он мог бы обсудить и с любым из заместителей Ярославы, однако покоя не давало постоянное присутствие при жене Серджо Веласкеса. Плюс – очень хотелось объяснить самому себе, почему это его так задевает. Никаких прав на личную жизнь Ярославы он не имел.

– Тихонова, – проговорил Руслан, бреясь и глядя на себя в зеркало туалетной комнаты; он уже второй день жил на территории жилого комплекса Суперструнника. – Интересно, почему она не поменяла фамилию?

Мягко проиграл мелодию визор.

– Включись, – приказал Руслан машинально.

В объёме связи появилось волевое сильное лицо. Тёмно-фиолетовые глаза сузились, разглядывая стоящего в одних плавках Руслана. Он не сразу признал в нём того самого Тихонова, бывшего мужа Ярославы, ставшего новым начальником отдела.

– Простите! – Руслан мгновенно обмотал вокруг торса полотенце.

В необычного цвета глазах начальника мелькнули иронические огоньки.

– Доброе утро, инспектор. Впрочем, у вас уже день, насколько мне известно.

Руслан понял упрёк.

– Я поздно...

– Не оправдывайтесь, это ни к чему. Звоню же я по одной причине: на вас жалуются работники компании «Асур». Вы мешаете работать.

Руслан вспомнил жёсткие действия Жозефа Поллака.

– Я выполняю свои обязанности, не более того. Это мне мешают работать! Ни один строительный чиновник не имеет права не допускать инспектора ФАК к объекту!

– Все параметры Суперструнника давно обсуждены и утверждены на самом высоком уровне. Дженворп экологически безопасен. Экспертная комиссия ФАК приняла решение утвердить проект задолго до вашего появления на стройке.

– Что же, мы не можем даже контролировать нарушения в ходе стройки? Выяснять отклонения от проекта и анализировать их влияние на работу Дженворпа в будущем?

Тихонов пожевал губами.

– Нарушений быть не должно. Но у вас есть конкретные задачи: контроль доставки грузов и материалов, удаление отходов, работа персонала. Занимайтесь ими, но умерьте свой пыл, не лезьте туда, куда не надо.

– А куда не надо? – сделал непонимающий вид Руслан.

Тихонов смерил его фигуру глазами, в которых время от времени всплывали насмешливые искорки, посчитал, видимо, что инспектор в меру туп, и веско проговорил:

– Зайдите к заместителю главного конструктора Жозефу Поллаку. Он даст вам исчерпывающие объяснения по всем темам. Надеюсь, впредь жалоб на вас не будет.

– Разрешите выполнять? – вытянулся Руслан.

Начальник отдела отключил канал связи.

Руслан расслабился, размотал полотенце, сказал задумчиво:

– Что она в нём нашла? Он же надутый индюк!

«Он красив и уверен в себе», – осторожно заметил внутренний голос.

«Индюк! – упрямо возразил Руслан. – Он уверен в своей непогрешимости, вот в чём он уверен. Если бы это было не так, они были бы с ней вместе. Она и от меня ушла, потому что я тоже был максималистом и любил покомандовать».

«Это правда», – кротко согласился внутренний голос.

Руслан усмехнулся. В последнее время внутренний голос, отражавший в какой-то мере голос совести, всё чаще брал верх, но это уже не вызывало в душе бывшего раздражения.

«Допустим, Тихонов и в самом деле так крут, как кажется. На кого он работает? На ФАК, на себя лично или на Вирус? Он может стоять в стороне и думать, что заботится о деле.

Индюк тоже думал, что купается, пока вода не закипела. Мне не нравится его тон, мне не нравится его напоминание о конкретных задачах. Но более всего мне не нравится его приказ зайти к Поллаку. Это Поллак должен зайти ко мне, а не я к нему!»

Внутренний голос промолчал. В данном вопросе он своего мнения не имел.

Руслан оделся, зашёл в столовую, почти пустую по причине давно начавшегося рабочего дня (работала столовая круглосуточно), позавтракал. Пока ел, сформировалась окончательная причина, по которой он мог встретиться с координатором стройки. В конце концов федеральный инспектор имел право в любой момент задать вопросы любому работнику независимо от его ранга. От этого зависела безопасность будущей эксплуатации строящегося объекта. И Руслан отправился в деловую зону Суперструнника.

Однако его встреча с Ярославой продолжалась всего три минуты.

Она приняла инспектора ФАК, выслушала его пожелания и направила к заместителю, сославшись на срочное заседание в офисе компании на Земле.

Ошеломлённый Руслан почувствовал, как загорелись уши.

– Ярослава... – сказал он, с трудом унимая сердце.

Женщина, отвечавшая на мысленные передачи и вызовы, читавшая возникающие в столешнице сообщения, порхавшая пальцами по сенсорной клавиатуре инк-управления, оторвалась от стола, посмотрела на него:

– Слушаю вас, инспектор. Что вам непонятно?

Руслан протрезвел, поднялся.

– Извини, я зашёл, чтобы просто поговорить с тобой.

– О чём?

Он встретил её затуманенный взгляд, в котором вдруг сквозь озабоченность протаяло сочувствие, слабо улыбнулся.

– Да ни о чём. Я был неправ тогда...

– Неужели?

– Но понял это недавно.

– Поздравляю. Если тебе больше нечего сказать...

– Есть, но не в такой обстановке. Ты отдыхаешь когда-нибудь? Может, встретимся вне стройки, на Земле?

– Зачем?

– Поговорить... о жизни.

– Не имеет смысла. Мы относимся к жизни по-разному. Извини, мне надо работать.

– Когда-то наше отношение к жизни не мешало нам жить вместе.

– Это время ушло.

– И всё же предлагаю встретиться. Найдёшь время?

– Не знаю. Я подумаю. А теперь иди.

Руслан направился к двери, не чувствуя ног. На пороге оглянулся. Ярослава задумчиво смотрела на него.

– Поллак имеет право останавливать инспектора ФАК?

– Нет.

– Благодарю. – Он вышел.

Витс-телохранитель Ярославы проводил его цепким взглядом, оценивая, очевидно, степень опасности клиента. Но аура Руслана не отражала агрессивных и угрожающих намерений. Наверное, она в данный момент излучала свет странной надежды и веры. Во что? Этого он и сам не знал.

Посидев несколько минут в баре за чашкой тоника, разложив мысли «по полочкам», Руслан направился к заму Ярославы. Визит к Жозефу Поллаку был излишен. Руслан и так знал все отклонения от проекта, внесённые разработчиками в реестр исполнения заказа. Вряд ли Поллак мог откровенно объяснить инспектору, чем вызваны эти изменения. Для оценки всех изменений в конструкции Суперструнника нужен был независимый эксперт.

Серджо Веласкес, обнаруженный инспектором в своём рабочем модуле, принял его сразу, без проволочек, хотя был до предела занят: ему звонили сразу два десятка абонентов, ждали ответа какие-то монтажники, мялись неподалёку пограничники, появлялись, что-то клали на стол, забирали со стола и исчезали непонятные кибы и витсы.

– Слушаю вас, – бросил заместитель Ярославы, ловко манипулируя органайзером: над столом светила многослойная световая панель управления стройкой.

– Вам передали мои вопросы по персоналу?

Веласкес вскинул на посетителя глаза.

– Персоналом занимается третий зам координатора Су Чонг.

– Су Чонг не решает вопросы по должностям первого уровня.

– А что там у нас с должностями первого уровня?

– Во-первых, их слишком много. Налицо дублирование выполняемых функций. Во-вторых, обнаружили «мёртвые души».

– Как вы сказали? – собрал складку на лбу Серджо Веласкес. – «Мёртвые души»?

– Гоголя вы не читали.

– Назовите того, кто в наше время читает книги. Достаточно просмотреть видеодайджест классики. Но я не понял, о чём идёт речь.

– В вашем департаменте числятся люди, которых на самом деле не существует. Возможно, они и существуют в реальности, однако в строительстве не участвуют. Но и это ещё не всё. Вокруг вас толкуются люди, которых здесь быть не должно. Они утверждают, что назначены экспертами, помощниками и консультантами по разным вопросам, но через службу трудоустройства на Суперструнник они не проходили.

– Пример? – хмыкнул Веласкес.

– Китайский астроном Сю Синьцзы.

– Не знаю такого. Я с ним не сталкивался. Кто ещё?

– Я дам полный интенционал по этой проблеме. – Руслан протянул прорабу матрикат²⁰. – Разберитесь, пожалуйста.

Веласкес с сомнением взял тонкую золотистую пластинку, небрежно бросил на стол.

– У вас всё?

– Темпы строительства внезапно ускорились. Не скажете, кому нужна такая спешка? Не скажется ли она на качестве монтажа и контроля систем?

– Не скажется, – мотнул головой Веласкес. – На нашу компанию ещё никто не жаловался. Что касается ускорения темпов строительства, то это распоряжение Херцига. Причин я не знаю, спросите у него лично.

– Благодарю, – поклонился Руслан и направился к двери, боковым зрением отмечая общее движение посетителей – их в кабинете прораба набралось больше десятка – к столу.

---

²⁰ Матрикат – информационный носитель сообщений.

В коридоре он пропустил группу спорящих о чём-то парней в универсальных «кокосах», медленно двинулся к транспортному отсеку. Веласкес наверняка был в курсе всех обозначенных инспектором проблем, но решать их не спешил, подчёркивая свою занятость. Что у него было на душе, находится ли он в более тесных отношениях с Ярославой, понять было трудно. Раскрывать свои чувства он не хотел. Интересно, знает ли он, что Ярослава – бывшая жена инспектора Горюнова?

– Что? – оглянулся старик в белом унике с эмблемой компании «Асур» на рукаве.

Руслан понял, что последние слова он произнёс вслух.

– Извините, это не вам.

Ноги сами принесли его в бар. К счастью, знакомых в нём не оказалось, и Руслан с облегчением заказал горячий шоколад. Несколько минут он размышлял о своей несостоятельности как агента контрразведки. Потом зашёл к себе в жилой модуль, набрал код-номер консорт-линии Воеводина. Однако тут же дал отбой и прислушался к своим ощущениям. Показалось, будто на него внимательно посмотрела стена комнаты.

«Зараза! – мысленно проговорил он, имея в виду неизвестного негодяя, пытавшегося подсмотреть, что делает хозяин бокса. – Где ты засел, гад?»

Руслан активировал систему поиска «наноклопов», вшитую в рабочий уник, и с удивлением обнаружил источник «глухого молчания», указывающий на наличие в комнате загадочной «неправильности». Все детали интерьера гостиничного номера «фонили», то есть светились в инфракрасном диапазоне или испускали слабое микроволновое излучение. Но одна небольшая зона в самом углу комнаты, размером с половину ногтя, не излучала ничего. Объяснить сей феномен можно было только присутствием в данном месте микроаппарата, поглощающего все виды излучений – для защиты скрытого от глаз устройства. Не чем иным, кроме как «ухо-глазом», то есть видеокамерой, это устройство быть не могло.

«Шустрый, – мысленно позвал Руслан терафима, – запусти «муравья».

Терафим ответил обычным «слушаюсь» и запустил особую поисково-активную систему, которую контрразведчики называли «муравьём». По сути это был «наночервь», способный находить и уничтожать подобных ему «червей». В комплект защитных средств, переданных Руслану помощником Воеводина Иваном, входило два десятка таких «муравьёв».

Перед глазами Горюнова развернулся видимый только ему визирный лист целеуказаний. Он навёл зелёный крестик прицела на «точку глухого молчания» в комнате, мысленно скомандовал:

«Пуск!»

Вспыхнула алая искорка «муравья», пулей пронзила пространство комнаты и вонзилась в стену.

Самого «муравья» Руслан, естественно, не увидел, так он был мал. Но это не играло никакой роли. Процессом поиска подслушивающего устройства занималась инконика костюма, которая знала своё дело.

Пульсирующая алая искорка поелозила по стене, стала ярче, исчезла. «Муравей» выполнил задание и самоликвидировался.

«Всё чисто», – доложил терафим.

«Интересно, кто подбросил мне «клопа»?»

«Не могу знать, – сказал Шустрый. – Надо было оставить в двери «глаз».

Он имел в виду видеокамеру слежения.

«Повесим», – согласился Руслан, теперь уже без опаски включая рацию.

Воеводин не включил со своей стороны «обратку», виом остался прозрачно-пустым, но голос начальника контрразведки был слышен отчетливо:

– Что случилось?

– Я только что ликвидировал «клопа».

– Этого следовало ожидать. Выходите на связь только вне Суперструнника. Причина вызова?

– У меня возникли сомнения в необходимости переделки Суперструнника. Нужна консультация. Но эксперт должен быть высокого уровня, не ниже уровня самого Херцига.

В объёме передачи «пошёл снег»: замелькали косо вращавшиеся «снежинки». Это означало, что кто-то пытался вскрыть канал связи, используя высокоскоростные программы декодирования.

– Чёрт, нас всё равно пытаются подслушать!

– Вижу, – спокойно отозвался Воеводин. – Отбой связи. Я найду вам консультанта и позвоню.

Виом собрался в световую нить, исчез.

Руслан невольно посмотрел на потолок, будто мог увидеть за ним тайного агента или техническое устройство, караулившее каждое его движение. Погрозил потолку кулаком. Было ясно, что Вирус взял его под контроль, а он только теперь обнаружил элементы слежки.

«Кто живёт под нами? И над нами?»

«Не знаю».

«Выясни».

«Слушаюсь».

Руслан посидел немного в расслабленной позе, ловя себя на мысли: не зря ли он взялся за эту работу? Насколько проще было заниматься привычным делом в Спас-центре!

Мысль затронула самолюбие. Усилием воли Горюнов подавил рефлексию и начал действовать.

Сначала прицепил к двери номера «глаз» – микровидеокамеру размером с десяток бактерий. Вторую такую же камеру он повесил к потолку. В случае проникновения в бокс непрошенных гостей видеокамеры должны были подать предупреждающий сигнал и зафиксировать действия гостей.

Затем Руслан сел в кабину флайта и, не предупреждая погранслужбу, вылетел за пределы жилых пирамид Суперструнника. Захотелось самому полюбоваться конструктивными доработками Дженворпа и оценить их необходимость. Или отсутствие таковой.

«Рога с ушами», представлявшие собой, по словам разработчиков проекта, дополнительные антенны системы настройки генератора, значились в маршруте Руслана первыми. Он решил начать с них для очистки совести, не ожидая от антенн никакого подвоха.

Флайт «Пассат» взлетел над сверкающей фермой Суперструнника, влился в реденький поток летательных аппаратов, вьющихся вокруг фермы, как пчёлы вокруг улья.

Снова на Руслана снизошло чувство масштаба, охватывающее душу каждый раз при взгляде на бескрайнее звёздное поле космоса. Паутинка Суперструнника внизу, приходящая из ниоткуда и уходящая в никуда, не впечатляла. И всё же именно это «хлипкое» на вид сооружение, весившее бы на Земле миллионы тонн, запросто могло взбаламутить космос, изменить условия его существования таким образом, что людям в «новом континууме» не нашлось бы места.

Руслан поёжился.

Он не знал, чего добивался Вирус, иницилируя создание человеческой цивилизацией подобного сооружения, но не сомневался, что цели Вируса благими не были.

На блестящей ниточке «железной дороги» появились «рога» – те самые антенны, которых не было в изначальном варианте Суперструнника. Издали они казались лёгкими и хрупкими, как крылышки стрекозы, но вблизи закрыли собой весь обзор, создавая странное впечатление внутренней мощи. Руслан с недоумением и опаской облетел вокруг стометровых «стрекозиных крылышек», гадая, что изменилось с момента первого облёта антенн, и вдруг понял, что ажурные лопасти, прилепившиеся с четырёх сторон фермы, соединяются глыбой кристаллического

стекла, близкой по форме к веретену. Диаметр глыбы составлял около десяти метров. Раньше этого узла, расположенного внутри фермы, над её центральной трубой, не было.

Руслана, а точнее «Пассат», которым он управлял, запросил инк охраны Суперструнника. Руслан назвал код допуска. Возражений против приближения аппарата к узлу антенн не последовало. Он вздохнул с облегчением. Уже надоело доказывать всем службам стройки, что он имеет право осматривать любой участок сооружения.

«Пассат» медленно опустился к сверкающим под лучом прожектора швеллерам фермы.

Кристаллическая – веретено отражало свет как друза кристаллов – глыба оказалась чем-то вроде терминала, внутри которого находилось несколько помещений. Руслан почувствовал это и без помощи радарного просвечивания веретена. Это означало, что смонтированное совсем недавно сооружение действительно служит центром управления антеннами, равно как другие терминалы, управляющие теми или иными исследовательскими комплексами Суперструнника.

Руслан помигал прожектором.

В кристаллической глыбе терминала ответно мигнула зелёная звезда, на торце глыбы появилась алая окружность, обозначающая створ транспортного причала. Автоматика терминала была готова принять аппарат.

Руслан включил систему посадки.

Флайт опустился к торцу веретена, проскользнул в протаявшую в сплошной кристаллической броне дыру, сел на пол небольшого ангара. Здесь уже стоял флайт такого же класса, четырёхместный, но никто Руслана не встретил. Возможно, на флайте прилетели специалисты по настройке терминала, которые в данный момент занимались своими делами.

Сила тяжести внутри помещений веретена отсутствовала. Пришлось вспомнить опыт передвижения в космической пустоте. Приятного в этом было мало, но Руслан быстро адаптировался к условиям невесомости.

Инк обслуживания терминала на вызовы не ответил.

Однако дверь отсека разошлась лепестками диафрагмы, как только Руслан приблизился к ней.

Он прислушался к шелестящей тишине внутри веретена, и ему показалось, что по стенам коридора пробежали какие-то невидимые насекомые. Причём опасные насекомые, которые здесь не должны были находиться.

Впрочем, насекомых в коридоре в действительности не было. Это экстрасенсорика организма отреагировала на следы чьего-то присутствия.

Руслан разгерметизировал костюм, принялся к запахам в коридоре: пахло вполне «технологично». Тогда он сконцентрировал внимание на внутренних переживаниях. И насторожился. В отличие от настоящих запахов «пси-запахи» внутри терминала носили оттенок враждебности. Специалисты по настройке аппаратуры не могли иметь такие агрессивные, мрачные, предупреждающие биополя.

«Шустрый, готовность один!» – скомандовал Руслан.

Терафим молча высветил на внутренней пластине шлема красное колечко тревожного режима.

Оружия у Руслана с собой не было, инспекторы ФАК не имели права его носить, но кое-что из арсенала контрразведчик всё же имел. Кроме того, он был хорошо тренирован и надеялся на врождённое чувство опасности, не раз помогавшее ему в спасательных операциях.

Коридоры сооружения давили тишиной.

Руслан пересёк первый, самый нижний, отталкиваясь от стен, пола и потолка то рукой, то ногой. Нашёл лестницу, поднялся на второй этаж.

Такой же коридор, те же белые овалы дверей, закрытых наглухо, не воспринимающих ни мысленных, ни голосовых, ни радиокоманд.

Ещё один лестничный колодец, ведущий на последний этаж веретена. Никого и здесь. Странно. Отчего же внутренний голос шепчет о «флюидах угрозы», плывущих по коридорам?

Одна из дверей посреди коридора вдруг приглашающе раздвинула створки.

Руслан замер, «встопорщив» все экстрасенсорные «антенны» организма. Показалось, кто-то тихо позвал его.

– Кто здесь?

Слабое эхо в ответ. Слабый шорох.

Он заглянул в помещение, внутри которого светились огоньки какой-то установки.

– Свет!

Однако приказ на местную автоматику не подействовал. Светлее в помещении не стало.

Чувствуя живое, Руслан осторожно вплыл в помещение, сканируя весь его объём всей чувственной сферой.

По полу небольшой комнаты – четыре на пять метров – процокали невидимые коготки.

Сомневаясь в своей трезвости, Руслан включил нашлемный прожектор, пошарил лучом света по углам комнаты, обогнул включённую в ждущий режим установку (по-видимому, это был комплекс управления антеннами), и тотчас же по спине пробежали морозные мурашки. Не задумываясь, он нырнул на пол, и сгусток радужного огня прошил воздух над спиной, проделал в стене помещения чёрный шрам; стреляли из плазмера.

Руслан отскочил от пола (невесомость, мать её!), оттолкнулся от потолка, послал тело к выходу, надеясь перехватить того, кто стрелял. Но стрелок не стал ждать «продолжения банкета», не зная, как вооружён инспектор, и успел скрыться в коридоре. Возможно, его костюм был оборудован антигравом.

Руслан прислушался к удалявшемуся источнику пси-шума. Внутреннее зрение отметило движение в транспортном отсеке терминала, вздохнул шлюз, выпуская летательный аппарат. Затем раздался приглушённый переборками, сопровождаемый визгом раздираемого металла взрыв. Это взорвался флайт, на котором прилетел Руслан.

– Вот сволочь! – беззвучно выговорил он одними губами.

Поскольку никаких «насекомых» больше в помещениях терминала не было слышно, Руслан не стал таиться и красться по коридорам. Через две минуты он был возле транспортного отсека.

Дверь в отсек не отреагировала на его приказ открыться. В её толще сонно помаргивал красный огонёк. Очевидно, взрыв флайта нарушил герметичность отсека, и автоматика заблокировала выход наружу.

– Собака бешеная, как же я выйду? – спросил Руслан неизвестно у кого.

В наушниках костюма проклюнулся тонкий писк вызова.

Он включил личную консорт-линию.

– Инспектор, вы живы? – раздался чей-то хрипловатый голос.

– Кто это? – нелюбезно осведомился Руслан.

– Иван Грымов.

– Ваня, я попал в ловушку. На Суперструннике есть надстройка в форме «рогов и ушей», это...

– Знаю, дополнительный каскад антенн. Что произошло?

– Кто-то стрелял в меня... и взорвал флайт.

Иван хмыкнул:

– По-серьёзному?

– Что?

– Вас действительно хотели убрать или только припугнули?

Руслан помолчал, прокручивая в памяти последние события.

– Похоже, только попугали.

- Понятно. Ждите, к вам скоро придёт помощь. Заметили кого-нибудь?
- Нет, никого, – с сожалением признался Руслан.
- Жаль. Ладно, разберёмся. – Голос Ивана пропал.

Руслан поплавал в похолодевшем воздухе у двери в отсек, не зная, что делать дальше, потом начал по второму разу обследовать терминал.

Ему удалось проникнуть в ещё одно помещение на втором этаже строения, где, по всей видимости, и прятался неизвестный киллер, но в нём сгрудились лишь синие и жёлтые контейнеры с каким-то оборудованием. Двери остальных помещений не открывались.

Через двадцать минут к веретену терминала пристыковался пограничный модуль, и Руслан лицом к лицу столкнулся с Ярославой.

Она быстро оглядела его, ошеломлённого неожиданной встречей, с ног до головы. Лицо женщины под прозрачным конусом шлема прояснилось.

- Мне сказали, что ты... что инспектор ФАК попал в аварию.
- Извини, – виновато развёл руками Руслан, – не повезло.
- Что случилось?
- По какой-то причине взорвался мой летун. А ты одна?
- Что значит – одна? – подняла брови Ярослава.
- Обычно рядом с тобой этот бравый мачо Веласкес.

Лицо Ярославы стало каменным.

– Вы очень наблюдательны, инспектор. Будьте добры, не попадайте в ситуации со взрывами. Может быть, вам лучше сменить профессию?

Она повернулась, прошла сквозь группу расступившихся косменов и исчезла в отсеке.

Кто-то дотронулся до его плеча. Руслан повернул голову.

– Вам действительно повезло, инспектор, – сказал пограничник Мешем вежливо. – Флайт мог взорваться и позже.

Руслан с трудом заставил себя думать не о бывшей жене, а о делах.

- Я понял, лейтенант. Пойдёмте выпьем?
- Почему бы и нет? – согласился Мешем.

Глава 12

Пора уходить

Звонок визора раздался, когда Воеводин закончил ухаживать за клумбой; территорию коттеджа он с великим удовольствием облагораживал сам.

– Включи, – скомандовал он домовому, снимая тонкие рабочие перчатки.

Над плоским блюдом хозяйственного кибя вырос виом связи.

– Доброе утро, – сказал появившийся в виоме Людвиг Ван Бреевен, министр юстиции Объединённого Правительства Европы.

Министру исполнилось семьдесят девять лет, он и выглядел на все семьдесят девять: морщинистый, с пепельно-седыми прядями волос, худой, печальный. Хотя при этом старик обладал острым молодым умом, быстрой реакцией и креативным мышлением. Воеводин знал его почти пятнадцать лет и всегда поражался энергии, заключённой в этом немоощном с виду теле. Неизвестно, догадывался ли Ван Бреевен об истинной профессии Воеводина, однако консультантом был отменным.

– У нас уже десять часов, – сказал командир «Сокола», ответив на приветствие.

– У нас восемь, – сказал Ван Бреевен; жил он в Брюсселе. – Мне доложили, что ты меня искал, Стефен.

– Есть предмет для разговора.

– Не соблаговолишь навестить старика в его скромном жилище? Сегодня мне не хочется шляться по гостям.

Разговор шёл на английском, но слово «шляться» голландец произнёс на русском.

Воеводин улыбнулся.

– Буду у тебя через полчаса.

Бреевен кивнул, и виом погас.

Воеводин не спеша собрал инструмент, умылся, переоделся в обычный гражданский уник с эмблемой пенсионной службы, какое-то время размышлял, не воспользоваться ли спец-транспортом. Официально он имел право пользоваться гаражом муниципальных властных структур – как гражданин с высоким социальным статусом: двенадцать лет назад он был мэром Брянска. То, что он в настоящее время является советником Службы безопасности, не говоря уже о руководстве «Соколом», было известно лишь паре человек в высших эшелонах федеральной власти.

«Контроль», – мысленно вызвал он встроенную в коттедж систему наблюдения, контроля и анализа внешней обстановки.

«Горизонт чист, – доложил инк контроля. – Потоки внимания в пределах фона».

Это означало, что никто не интересовался коттеджем советника, в том числе – с орбитальных станций и спутников, никто специально не следил за его передвижением с помощью микроустройств типа «нанокомар».

– Охрана, машину.

Плавно уехала вниз створка личного гаража, наружу выскользнул флайт «Мазда» цвета «брызги шампанского».

Воеводин залез в кабину, за ним ловко шмыгнул витс охраны, и флайт взял курс на метро города. Через несколько минут Воеводин со спутником вылезли из флайта на площадке аэропаркинга у центрального метро Смоленска. Ещё через минуту они вышли из метро Брюсселя.

Ван Бреевен жил в обычном жилом модуле многоэтажной башни, хотя как министр имел право на коттедж. Квартира его и в самом деле не поражала роскошью, но и аскетическим её убранство назвать было нельзя: стандартная пятикомнатная урбанада, в меру уютная, без особых изысков и излишеств. Современные интерьерные решения были поразнообразней.

Воеводин пожал руку хозяину, вышедшему встретить его в официальном унике правительственного чиновника.

– Куда-то собрался?

– Предлагаю позавтракать в нашем ресторанчике. Мы там бывали.

– Помню, «Дольче» называется, так? Я не голоден, но составлю компанию.

Они поднялись на верхний этаж здания с круговым панорамным окном, через которое открывался великолепный вид на город и его окрестности.

Ван Бреевена здесь знали, и официант, с виду – живой человек, предложил им столик у окна.

– Наверху есть места? – спросил министр.

– Там молодёжь гуляет, – ответил официант виноватым тоном.

Ван Бреевен поиграл бровью:

– Так рано?

– Ещё с ночи остались. Кто-то из них выиграл в казино, вот и празднуют.

– Посмотрим.

Они поднялись на крышу здания, превращённую в летнюю веранду ресторана.

Здесь и в самом деле расположилась пёстрая молодёжная компания. Почти все столики под зонтиками были заняты. Но не это остановило Ван Бреевена и его гостя. Молодые люди, одетые в немыслимые цветные блузоны, прозрачно-мигающие платья, шорты и скуфии – по последней моде, вели себя не просто свободно, а непристойно свободно! Они сидели друг друга на коленях, лежали на столах, танцевали в центре площадки, кричали, смеялись, пили, курили, и воздух был насыщен цветными дымками и сладковато-приторными запахами, от которых кружилась голова.

Несколько пар целовались, причём как парни с девушками, так и парни с парнями. Ещё несколько молодых людей имитировали любовь, прижимаясь друг к другу и скользя руками по разгорячённым телам.

Ван Бреевен и Воеводин переглянулись.

– Первый раз вижу тут такое, – проворчал министр озадаченно. – Прошу прощения.

– Это уже давно стало нормой, – сказал Воеводин. – Даже у нас, в России, моральные институты работают плохо.

– Пойдём вниз.

Они спустились в ресторан, сели у прозрачного, практически невидимого окна. Официант возник рядом как привидение. Всё-таки он был всего лишь вифом²¹, а не живым человеком.

– Что прикажете?

– Уберите ту компанию, наверху. Чёрт-те что у вас творится!

– Извините, это не в моей компетенции. Они никому не мешают, ведут себя тихо.

– Тогда подожди немного, мы тебя вызовем.

Официант исчез.

– Успокойся, Людвиг, – сказал Воеводин. – Не делай резких телодвижений. Это бесполезно, всё равно что воевать с мельницами. Нужны иные меры.

– Меры давно разработаны, только их никто не выполняет. Самое плохое, что дети от такой псевдолюбви не рождаются. Население Европы поддерживается только за счёт миграции с юга. Ты заметил? Разнополых пар среди них меньше, чем однополых.

– Скорее всего это трикстеры. Мужикам вообще, судя по всему, грозит вымирание. Игрек-хромосома, благодаря которой мы рождаемся на свет, неуклонно теряет гены. Вот почему всё чаще рождаются гермафродиты и трикстеры, представители третьего пола. Уже

---

²¹ Виф – видеофантом.

можно вести речь о статистике. И этот процесс идёт везде, мой друг. Просто в Европе это заметней. Вы стали слишком изнеженными и мягкотелыми, чтобы поддерживать порядок.

– Ты прав, – согласился старик. – Мы настолько сильно привязаны к благам цивилизации, что малейшее изменение климатических условий или текущего статуса приводит к нервным срывам. Уровень рождаемости в Европе сведён к нулю. Мы уже на восемьдесят процентов азиаты. Которые, кстати, тоже воспитаны желанием пользоваться всеми ценностями цивилизации, не давая ничего взамен.

– Это закономерный процесс. Наши расы уходят, на их место приходят более жизнеспособные, пассионарные народы.

– К чёрту их пассионарность! Они точно так же поддерживают распущенность, помноженную на дремучую дикость.

– В первую очередь европейцы виноваты в падении нравов сами. Разложение общества достигло таких масштабов, что это позволило пришлым народам без усилий расправиться с вами. Они же ненавидят вас в силу слишком большой разницы в уровне культуры. Беспорядочные половые связи и религиозные предрассудки всегда становились главными причинами крушения цивилизаций в прошлом. Вспомни Рим, Византию, Афганистан, Ирак, Соединённые Штаты.

– Штаты ещё держатся.

– Да какое там – держатся! – махнул рукой Воеводин. – Они погрязли в сытости и конформизме, их внутренние отношения настолько формализованы, что ни о каком выживании речь не идёт. Они уже никогда не поднимутся до уровня мирового жандарма. Вот Китай поднимется, верю.

Ван Бреевен стал печальным.

– Завидую вам, русским. Вы ещё можете заставить себя жить не хлебом единым, а главное – рисковать. Мы уже потеряли это качество.

– Мы не заставляем себя рисковать, – улыбнулся Воеводин. – Мы так живём испокон веков. Но давай не будем углубляться в философские дебри. Что случилось, что ты мне позволил?

– Пришла пора уходить, – пробормотал Ван Бреевен как бы про себя, поднял голову. – Жизнь неумолима. Стефен, скажи пожалуйста, ты должен знать, Джона... убили?

Воеводин понял, о ком идёт речь. Мысленно приказал терафиму включить систему аудиозащиты. Теперь их никто не мог подслушать.

– Убили, Людвиг. Почему тебя это интересует?

– В последнее время новостные каналы пестрят сообщениями о внезапных смертях вполне здоровых людей. Технари, учёные, правительственные чиновники... теперь вот сотрудники спецслужб.

– Джон Ву был не простым сотрудником.

– Что происходит, Стефен?

Воеводин помедлил, глядя на панораму Брюсселя двадцать четвёртого века: старинных зданий было много, а высотных зданий мало.

– Людвиг, что тебя держит в Европравительстве? Привилегии, слава? Привилегий у тебя и без того хватает, а слава тебе не нужна. Уходи, пока не поздно.

– Ты не ответил на вопрос.

– Я всего лишь советник Службы безопасности.

Ван Бреевен усмехнулся.

– Вот и ответь мне как советник. Правда, что начинается очередной корпоративный передел мира?

Воеводин выслушал мысленное сообщение бригады сопровождения:

«Горизонт чист. Полевая обстановка нормальная. Потоки внимания в пределах фона».

Это означало, что разговаривающими в ресторане никто не интересовался.

– Ну, это вряд ли. Что за фантазии? Сам же говорил, что и европейцы и американцы погрязли во грехе, им не до передела. А исламское движение лишь поддерживает свою структуру, ему не нужен захват власти в глобальном масштабе.

– Китайцы?

– Китайцы действительно амбициозны и устремлены к «гегемонии пролетариата», но при этом они понимают, что открытая экспансия чревата непредсказуемыми последствиями. Их самолюбие тешит то обстоятельство, что их держава занимает одну из ведущих позиций в мире.

– Они слишком бесцеремонно присваивают себе территории на других планетах, астероиды и даже целые планеты у других звёзд.

– Мы слабеем, друг мой, и на наше место приходит иная сила. Но уверяю тебя, китайцы здесь ни при чём. Хотя рядовые жители Поднебесной и могут поддерживать...

Ван Бреевен подождал продолжения:

– Что поддерживать?

– Экспансию, Людвиг, – тихо, но твёрдо сказал Воеводин, глядя в прозрачные глаза старика. – Нас атаковали. Когда мы опомнились и поняли, в чём дело, многие оказались на той стороне. В том числе и высокие должностные лица. Они есть и в вашем Правительстве, и в спецслужбах. Поэтому уходи. К тебе придут и предложат работать на них добровольно. Если не согласишься, в твоё сознание внедрят спецпрограмму, отчего ты станешь зомби, либо... убьют. Как убили Джона.

Ван Бреевен поник, провёл рукой по щеке, словно стирая невидимую слезу.

– Примерно так я это себе и представлял: захват... Кто они?

– Не знаю, – честно ответил Воеводин. – Служба работает, но результатов пока мало. В наших рядах также окопались агенты Вируса, которые пресекают все попытки анализа ситуации.

– Вируса?

– Так мы назвали агрессоров.

– Ради чего они всё это делают?

– Не поверишь, – раздвинул губы в усмешке Воеводин. – С их подачи и начала реализовываться программа строительства Суперструнника. То есть по сути пятнадцать лет назад.

Ван Бреевен удивлённо посмотрел на собеседника:

– Зачем им Дженворп?

– И этого я не знаю, – вздохнул Воеводин. – Хотел бы знать. Но все события развёртываются вокруг него. Больше я ничего не могу сказать.

Ван Бреевен пригорюнился.

– Значит, и вправду пора уходить.

– Завтракать будем?

– Что? Ах, да... конечно... официант, – позвал министр.

Воеводин выключил скремблер.

– Официант!

У стола возник вежливый молодой человек.

– Яичницу из трёх яиц, – сказал Ван Бреевен, – с ветчиной и зеленью, кефир, горячие булочки. – Он поколебался немного. – И принеси-ка, данскер, водки.

– Марка? – спросил официант.

– «Русский размер». Граммов сто... нет, двести.

– Вам? – посмотрел виф на Воеводина.

– Творожное консоме, горячее молоко, – заказал он.

– Водка?

– Не надо.

Официант исчез.

Воеводин посмотрел на задумчиво-горестное лицо министра.

– Водка, с утра?

– Хочу отключиться, – скривил губы Ван Бреевен.

– Почему именно «Русский размер»?

– Ваша водка лучшая в мире, а «Русский размер» мне посоветовали друзья. Утверждают, что она самая чистая и мягкая, а самое главное – после неё не болит голова.

– Если пить в меру.

– Я всегда пью в меру. Но ты меня разволновал, Стефен. Неужели всё так плохо?

– Не всё, – улыбнулся Воеводин. – Мы ещё живы, а значит, ещё можем изменить мир к лучшему.

К столику подплыл плоский киб с заказом, ловко расставил блюда, налил из небольшого пузатого графинчика водку в стаканчик. Возникший как привидение официант спросил:

– Что-нибудь ещё?

– Спасибо, ничего.

Ван Бреевен взял изящный стаканчик двумя пальцами.

– Может, выпьешь со мной? Как там у вас говорят? За здоровье?

Воеводин качнул головой:

– Мне ещё клумбу чистить надо.

Министр понимающе усмехнулся, опрокинул в рот стаканчик. Подержал водку во рту, проглотил. Глаза его стали круглыми.

Воеводин подал ему ломтик хлеба.

– Занюхай.

Ван Бреевен поднёс хлеб к носу, просипел:

– Настоящий русский размер! Мозги как сквозняком продуло! Как вы это пьёте?

– Закалка, – пожал плечами Воеводин. – Есть поговорка: пока русский пьёт, боги делают за него дела.

Ван Бреевен посидел немного, прислушиваясь к своим ощущениям, жестом приказал официанту налить ещё. Киб исполнил приказ.

– Ещё раз будем здоровы.

Графинчик опустел.

Глаза Ван Бреевена затуманились, на щеках выступил румянец.

– Жить хочется, честное слово! Закажу себе домой пару бутылок. Буду рекомендовать «Русский размер» всем родичам, кто ещё не пробовал.

Они принялись за еду.

Ван Бреевен завёл было речь о воспитании детей, но сбился и ушёл в себя. Видно было, что он опьянел.

Позавтракали в молчании. Воеводин помог министру спуститься вниз, в квартиру, усадил на диван.

– Мне надо идти, Людвиг.

– За клумбой ухаживать? – расплылся в хитренькой улыбке Ван Бреевен.

– Дела. – Воеводин пошёл к двери, оглянулся. – Звони, если понадобится.

– Значит, ты считаешь, что Вирус уже пятнадцать лет строит Дженворп? – вдруг совершенно трезвым голосом спросил старик.

Воеводин пристально посмотрел на него.

– Никому об этом ни слова, Людвиг! Стоит им узнать, что мы догадываемся о положении дел, нас не пощадят.

– Не волнуйся, советник, я не враг ни тебе, ни себе. Буду думать, что делать дальше.

Воеводин вышел.

Каждый уровень здания имел угловую площадку для посадки лёгкого личного транспорта. Руководителя «Сокола» ждал мощный «Хаммер», в котором смиренно сидели трое оперативников бригады сопровождения.

– Прицепите к нему «эшелон», – сказал Воеводин, залезая в кабину «Хаммера». – Он человек дальновидный и вряд ли позволит сболтнуть лишнее, но лучше исключить случайности.

Рослый командир группы отдал распоряжение. Через минуту рядом сел спортивного вида «Порш» с двумя молодыми людьми. Парни помахали руками – это были оперативники бригады поддержки, – и «Хаммер» взлетел. Уже когда аппарат подлетал к метро Брюсселя, позвонил Грымов:

– Степан Викторович, на Руслана было организовано нападение.

Воеводин раздул ноздри.

– Он жив?!

– Всё в порядке, парень реактивный, да и нападение больше смахивает на предупреждение инспектору ФАК. Если бы они хотели его убрать, запустили бы нанокиллера. Наши ребята занялись выяснением обстоятельств инцидента. Сам Руслан никого не видел.

– Хорошо, продолжайте подстраховывать его. Он там как бельмо в глазу у агентов Вируса. Его не оставят в покое.

– Подстрахуем.

– «Ра» молчит?

– Молчит.

Воеводин выключил мобильник.

«Хаммер» сел у кристаллической глыбы брюссельского метро.

Глава 13

Бай-бай

Расследованием инцидента в транспортном отсеке антенного терминала занялась Служба безопасности, но Руслан не ждал от следователей каких-то откровений. В любом случае вычислением личности нападавшего должны были заняться агенты Вируса, поэтому ждать результатов не стоило. С другой стороны, можно было попытаться вычислить киллера по степени воздействия инспектора ФАК на структуры строительной компании, чем Руслан и занялся. Каково же было его удивление, когда первыми отреагировали на возникшую проблему работники клуба «Бай-Бай».

В жилой зоне Руслана встретила очаровательная блондинка в унике с эмблемой компании обслуживания – венчик в красном круге, – кокетливо улыбнулась:

– Вы Руслан Горюнов, инспектор ФАК?

– Инспектор, но не «фак», – улыбнулся в ответ Руслан; заговорила блондинка на английском.

– Меня зовут Марлен, я уполномочена передать вам предложение моего шефа.

– Передавайте, – кивнул Руслан. – А кто ваш шеф?

– Директор клуба «Бай-Бай».

Руслан пристально посмотрел на блондинку:

– По-моему, мы с вашим шефом обо всём договорились.

– Всё-таки ознакомьтесь с предложением. – Девушка протянула Руслану блестящую пуговку флэшки.

Заворчал терафим:

«Это небезопасно! Не бери!»

Руслан и сам почувствовал некую ауру тревоги, окружавшую красавицу, однако вынужден был играть свою роль инспектора до конца.

– Хорошо, прочту. – Он небрежно сунул флэшку в карман уника.

– Не хотите побывать у нас в гостях? Мы примем вас по VIP-классу.

– Возможно, я найду для этого время.

– Не пожалеете, – обещающе улыбнулась блондинка Марлен. – Будем ждать.

Покачивая бёдрами, она удалилась походкой топ-модели. Фигура у неё была потрясающая.

Интересно, подумал Руслан, кто она шефу «Бай-Бай»? Секретарша, помощница, любовница? Или всё вместе?

Он спохватился, поспешил к себе в номер, заперся и воткнул пуговку флэшки в гнездо на вириале персонального инка.

– Открой.

Инк послушно развернул запись.

Перед Русланом соткался из воздуха безликий силуэт мужчины (синтезированный «призрак», не имеющий никаких примет), зазвучал басовитый мужской голос:

– Инспектор, мы могли бы договориться. Вы закрываете глаза на деятельность клубов развлечений на территории коммунальных зон Дженворпа, мы переводим на ваш счёт некую сумму.

Руслан невольно усмехнулся, хотел спросить: о какой сумме идёт речь? – но голос продолжил:

– Речь идёт о сумме с шестью нулями. Если наше предложение вам понравится, в баре вы найдёте Марлен. Всего самого наилучшего.

Мужчина без лица замолчал.

И тотчас же флэшка превратилась в струйку дыма, самоликвидировалась. Руслан не успел даже сказать инку, чтобы тот записал сообщение в память.

«А могла быть и бомба!» – проворчал бдительный терафим.

Руслан тоже подумал об этом. Если уж кто-то решил по-настоящему устроить охоту на чересчур настырного инспектора ФАК, то следовало ждать от него любых пакостей.

В бар он не пошёл. Его ждал господин Фердинанд Херциг, неожиданно пожелавший принять инспектора в своей резиденции.

Рабочий модуль главного конструктора Суперструнника мало чем отличался от других модулей, в том числе от кабинета Ярославы. Но во время своего первого посещения Херцига Руслан больше внимания уделял хозяину кабинета, теперь же предпочёл незаметно осмотреться и выявил множество мелких деталей, неплохо подчёркивающих характер владельца. По ним он и составил примерный психотип учёного, разработавшего теорию «вакуумного квантового кристалла».

Психологи назвали бы носителя такого психотипа «экстравертным логиком». Люди подобного склада, с одной стороны, стараются поддерживать деловые отношения с коллегами, с другой – замкнуты, неконтактны, уверены в своей непогрешимости и ориентированы лишь на формальное общение.

Херциг снова рассматривал объёмное изображение какой-то сложной установки, медленно вращавшейся вокруг оси: виом занимал чуть ли не половину кабинета, – и заговорил с гостем не сразу.

– А, это вы, инспектор? Проходите, присаживайтесь. Могу угостить зелёным чаем.

– Благодарю вас, господин Херциг. Если вы хотели только напоить меня чаем...

Автор проекта оторвался от созерцания вращавшейся конструкции, глянул на Горюнова.

– Мне сообщили, что вы попали в неприятную историю.

– Да, в меня стреляли, – сообщил Руслан.

– И что же?

– И не попали.

Херциг сдержал улыбку, хотя в глазах его запрыгали весёлые искры.

– Рад, что всё закончилось благополучно. Вы знаете, кто это сделал?

– Пока нет, но надеюсь узнать. Расследованием занимается Служба безопасности, так что волноваться нечего.

– Что ж, рад, что вы уцелели. Каковы ваши впечатления от нашего шедевра?

– Грандиозная машина! – честно признался Руслан. – Даже самые большие земные ускорители смотрятся на его фоне как игрушки.

– Ну, это не совсем ускоритель и даже совсем не ускоритель.

– Всё равно Суперструнник выбьет из вакуума целый ливень всяких элементарных частиц, для чего и создавались ускорители.

– По большому счёту вы правы. Значит, вы уже освоились и включились в работу. Есть проблемы?

– У кого их нет? – пожал плечами Руслан. – Мне даже предложили закрыть глаза на кое-какие нарушения, пообещали заплатить.

– Вот как? – удивился Херциг. – Кто же это у нас такой смелый? Неужели мои инженеры?

– Нет, это сопутствующие структуры. Не хотят тратиться на цивилизованную уборку мусора.

Херциг улыбнулся.

– Я уже расстроился. Кто же вам не побоялся сделать такое предложение? Если не секрет, конечно.

Руслан сделал вид, что колеблется.

– Вам я могу сказать: это клуб «Бай-Бай».

Херциг фыркнул, покачал головой.

– Неужели в наше время ещё возможны подобные ситуации? Ведь если информация о подкупе должностного лица всплывёт, этими негодьями займутся правоохранительные органы. Вы не боитесь, что они... м-м, прибегнут к угрозам?

– Не боюсь! – сделал решительное лицо Руслан. – Я здесь и поставлен для того, чтобы навести порядок.

– Ну-ну, – сказал Херциг скептически. – Благородная задача. Если понадобится моя помощь – обращайтесь смело. У меня масса хороших связей в разных инстанциях, в том числе и в криминальной полиции.

– Спасибо, господин директор! – щёлкнул каблуками Руслан, чётко повернулся, вышел.

Херциг проводил его задумчивым взглядом. Вероятно, он окончательно укрепился в своём мнении, что инспектор ФАК недалёкий человек.

Сам же Руслан остался весьма доволен своим поведением. Он и должен был выглядеть перед всеми прямолинейным солдафоном, отстаивающим букву закона.

Подумав, как распорядиться полученной информацией, он всё-таки заглянул в бар.

Блондинка Марлен сидела у стойки в одиночестве и потягивала через соломинку коктейль. Увидев Горюнова, она игриво помахала ему рукой.

Руслан огляделся, подошёл.

Несмотря на рабочее время (хотя в принципе на Суперструннике отсчёт времени условен, люди работают круглосуточно), в баре сидели группами, по двое и поодиночке многие работники стройки разных профессий. Среди них были и женщины, явно относившиеся к профессионалкам лёгкого поведения. Но Руслана больше заинтересовали какие-то молчаливые личности в тёмнокоричневых комбинезонах, сидевшие парами в разных углах зала. Повидимому, это были охранники бара либо спутники Марлен. Не витсы – живые люди. И все они были опасны, судя по их ауре.

– Присядете? – шлёпнула Марлен ладошкой по высокому стулу у стойки бара; обслуживали бар также живые бармены.

– Благодарю, нет времени, – отказался Руслан официальным тоном. – Передайте своему боссу, что я буду строго следить за соблюдением правил и строго карать за нарушение экологических законов.

– Вы отказываетесь? – не поняла Марлен. – От такого выгодного предложения?! Неужели я вам не понравилась?

– Я трикстер, – сказал Руслан серьёзно. – Всего хорошего.

Брови блондинки взлетели на лоб. Она не сразу нашлась, что сказать в ответ:

– Мы найдём... для вас... э-э... варианты...

– Спасибо, не надо, – повернулся к ней спиной Руслан и направился к выходу из бара, отметив боковым зрением общее движение парочки мрачных парней в коричневых униках. Они явно следили за блондинкой, являясь её телохранителями или исполнителями поручений.

В своём жилом модуле Руслан просмотрел свои записи, провёл дополнительный анализ всех встреч и сделал вывод, что агенты Вируса себя почти ни в чём не проявляют. Заподозрить в пособничестве Вирусу можно было всего трёх-четырёх человек: китайца Сю Синьцзы, помощника Херцига Жозефа Поллака, пограничника Мешема и... саму госпожу Ярославу Тихонову, руководящую стройкой. Контакты всех служб замыкались на ней, из чего следовало, что она контролировала большинство руководителей, имела возможность влиять на каждого, встречаться с кем угодно в любое время суток и получать инструкции от эмиссаров Вируса. Если только сама не являлась эмиссаром.

Последняя мысль испортила настроение настолько, что Руслан не сразу избавился от противного ощущения предательства. Хотя, опять же, он отлично понимал, что не имеет никакого права осуждать бывшую жену в её привязанностях. Мало того, ему всё больше хотелось встре-

титься с ней в неформальной обстановке и поговорить по душам. Тем не менее он переборол желание немедленно позвонить ей и вместо этого, проверив поисковой системой костюма наличие в квартире подслушивающих и подсматривающих устройств, позвонил Ивану Грымову:

– Иван, добрый день. Есть новости от шефа?

– Он сказал, что тебе нужна консультация по Суперструннику.

– Хотелось бы побеседовать со специалистом.

– Тебя ждёт доктор физматнаук профессор Всеволод Шапиро. Запомни номер. – Грымов продиктовал адрес видео. – Что-нибудь ещё?

– Как идёт расследование того дурацкого нападения в антенном узле?

– По косвенным данным, это был китаец Синьцзы.

– Как вы узнали?

– Не узнали – вычислили. У нас есть видеозапись перемещения всех транспортных средств у Суперструнника в тот день. Камеры зафиксировали два флайта класса «Пассат»: один твой, второй принадлежал астроному.

– Значит, он не астроном.

– В том-то всё и дело, что астроном. И у него действительно имеется сертификат доступа на стройку в качестве консультанта. Кстати, давал разрешение на привлечение китайца лично Жозеф Поллак.

– Понял, до связи.

Руслан задумчиво скушал мятную пастилку зубного чистильщика (зубы очищал специальный нанофаг). С китайцем надо было что-то делать. Но он не должен был знать, что контрразведка взялась за него всерьёз.

«Поговорю с ним вечером, – решил Руслан. – Посмотрим, что он будет петь».

На звонок Руслана профессор Шапиро ответил тотчас же.

Это был мужчина в летах, с буйными полуседыми волосами и с глазами давно ушедшего в себя анахорета. Чем-то он походил на Альберта Эйнштейна в старости.

– Слушаю вас.

– Меня зовут Руслан Горюнов, и мне нужна консультация. Вас предупредили?

– Можете прилететь ко мне сейчас?

– Где вы живёте?

– В Минске, бульвар Славянского Союза, жилой комплекс «Алые паруса», десятый уровень, модуль триста тридцать. За полчаса успеете добраться?

– Даже раньше.

– В таком случае поторопитесь, у меня мало времени, в одиннадцать у меня совещание в Коллегии.

– Хорошо, ждите.

Руслан запер дверь и рысью направился к транспортному отсеку. Через пять минут он выходил из метро Минска, сел в свободное такси форд-класса и вскоре вышел из него на площадке жилой башни, действительно издали напоминавшей корабль с алыми парусами.

Профессор Шапиро жил в стандартной трёхкомнатке, превращённой им в библиотеку старинных книг и одновременно в научную лабораторию. Была ли у него жена, Руслан не знал, но, судя по отсутствию уюта и захламленности квартиры, Шапиро жил один.

– Проходите в кабинет, – сказал он, пожимая руку гостю; одет профессор был в атласный зелёный халат с красными драконами, – я сейчас.

Он скрылся в туалетной комнате.

Не зная, чем отличаются комнаты модуля, Руслан наугад заглянул в одну из них, увидел смятую широкую кровать, объёмный снимок – витейр голой женщины на стене, смущённо оглянувшись. В туалетной комнате лилась вода. Хозяин приводил себя в порядок. Руслан ещё раз

глянул на женщину: ничего фигурка, красивая, лицо только подкачало, интересно, жена это или кто ещё?

Он прошёл чуть дальше по коридорчику, заглянул в другую дверь и увидел светящийся вином посреди комнаты, в котором мерцала какая-то сложная схема, не то инженерная конструкция, не то математическая формула. Здесь тоже стояли полки с книгами, валялись коробки разного размера, стол был загромождён аппаратурой, и воздух в комнате представлял собой смесь запахов, больше присущих какому-то заводу, нежели жилому помещению.

Вошёл Шапиро с полотенцем через плечо, сгрёб хлам на диванчике в сторону, бросил полотенце на спинку старинного стула.

– Садитесь. Что вас привело ко мне?

Ни чаю, ни кофе он не предложил.

– Вы знаете, что строительство Суперструнника заканчивается?

Шапиро кивнул:

– Конечно, знаю.

– Мне хотелось бы поговорить об идее создания генератора «суперструны». С чего всё началось?

Шапиро слегка оживился.

– Это было давно.

– Я знаю, пятнадцать лет назад.

– Пятнадцать лет назад начался монтаж первых секций Дженворпа, сама же идея создания возникла лет на пять раньше. Что именно вас интересует?

– Идею подал Херциг?

– Федя Херциг разработал теорию «вакуумного кристалла», если вам это о чём-то говорит. Тогда же коллеги заговорили о пределах возможностей суперколлайдеров, существующих ускорителей элементарных частиц. Ни один коллайдер не мог преодолеть барьер энергий десять в пятнадцатой степени эвов.

– И Херциг предложил построить Суперструнник, который смог бы возбудить «суперструну», свёртывающую пространство в линейную структуру из множества чёрных дыр.

Шапиро озабоченно посмотрел на Руслана:

– Вы физик?

– Нет, я заканчивал Воронежский институт промышленных технологий. Но увлекаюсь космосом.

– Понятно, говорите вы складно. Тогда зайдём с другой стороны, космологической. Вы в курсе, как возникла наша Вселенная?

– Специально изучал этот процесс. Мне и самому было интересно в нём разобраться. Само рождение называется Большим Взрывом, и длилось оно ничтожную долю секунды. По моему, эта цифра близка к десяти в минус тридцать третьей степени.

– Приблизительно, – кивнул Шапиро с благостным видом.

– Затем последовала фаза гипербыстрого – его называют инфляционным – расширения, которая длилась, опять же, ничтожные доли секунды.

– Десять в минус десятой степени секунды.

– За инфляционной шла фаза расширения с падением градиента скорости, которая длилась почти восемь миллиардов лет. А около шести миллиардов лет назад снова началась фаза ускоренного расширения.

– Совершенно верно, молодой человек. Она длится и сейчас. В результате мы живём в эпоху вырождения континуума, «скатывания» пространства к двумерности, о чём мало кто знает. Длиться эта фаза будет, по расчётам Херцига, более ста миллиардов лет, по моим же – не более двадцати.

– Почему такое большое расхождение? – хмыкнул искренне заинтересованный Руслан.

– Он тоже не учитывает вырождения мерности, – улыбнулся Шапиро. – В теории «вакуумного кристалла» этой гипотезе нет места. Его теория вообще притча во языцех, поскольку базируется на спорных принципах и новых понятиях, таких, как «квадруполь» – кватернион безмассовых зарядов, «сглаживание бозонного поля», «дискретная геометрия», «сферическая деформация вакуума» и тому подобное. Но он хорошо владеет дискуссионной методикой и смог отстоять свою идею перед Мировым Научным Советом.

– Совет решил строить Суперструнник?

– Совет согласился, что это даст большой толчок давно агонизирующей физике. Мы уже поняли природу тёмной материи, разгадали принципы тёмной энергии, которой является сам вакуум, научились создавать каналы мгновенной транспортировки массивных объектов, но до сих пор не можем экспериментально подтвердить многие тезисы теории Великого Объединения. Я, к примеру, сам поучаствовал бы в изучении свойств безмассовых конфигураций, из которых и состоит вакуум. Кстати, гипотеза Херцига утверждает, что наша Вселенная весьма велика, так как прожила эпоху сверхбыстрого расширения. Я же склоняюсь к идее, что Вселенная конечна и невелика.

– Почему?

– Ещё в двадцать первом веке заметили, что распределение пульсаций реликтового фона ограничено. Если бы Вселенная была бесконечна или очень велика, распределение флуктуаций фона не имело бы ограничений «сверху». На самом деле ограничения есть.

– Как вы это объясняете?

– Наши наблюдения подчиняются своеобразному оптическому обману. Вселенная представляет собой набор повторяющихся структур – «вакуумных додекаэдров», правильных пятиугольников, из-за чего она похожа на «бесконечный футбольный мяч». Ещё она похожа на многомерную зеркальную комнату, предметы в которой – звёзды и галактики – дают множество отражений.

– Суперструнник даст возможность проверить это?

– Наверное, – сделался меланхоличным Шапиро. – Я надеюсь. Как инструмент исследования квантовых свойств вакуума он наверняка сыграет большую роль. Что ещё вас интересует?

– Несколько конкретных вопросов. Я обнаружил с десяток конструктивных доработок Дженворпа, и они меня заинтриговали.

– О каких доработках идёт речь?

– О сфинктере коллиматора, которого не было в первоначальном проекте, об антеннах системы контроля.

– Каких антеннах?

– Системы контроля. Под таким названием они в настоящее время смонтированы на ферме Суперструнника. Я побывал в терминале управления блоком антенн, и у меня возникло странное ощущение, что назначение антенн другое.

– Ну-ка, ну-ка, – снова оживился Шапиро, – опишите мне их.

Руслан начал описывать конструкцию антенн, потом спохватился:

– У вас ведь есть эмскан?

– Разумеется. Старый я дурак.

Профессор вытащил из вириала инка дугу с наушниками мыслесъёма, подал гостю, по пути выключив виом. Изображение «математической формулы» над столом исчезло.

Руслан надел на голову эмскан, вспомнил, как выглядят «рога и копыта» антенн, и персональный инк хозяина послушно отобразил конструкцию в объёме.

Шапиро, шевеля бровями, начал рассматривать изображение антенн с разных сторон. Через минуту сказал:

– Любопытно, любопытно. Однако эти лопасти мало напоминают приёмные антенны системы контроля. Что вы помните ещё?

Руслан подумал и нарисовал установку в одном из помещений терминала, где в него стрелял неизвестный.

Шапиро скептически поджал губы:

– Слим-модулятор?

– Что такое слим-модулятор?

– Генератор гравитационных и антигравитационных полей, по сути – двигатель. Такие устанавливаются, если не ошибаюсь, на всех транспортных средствах от флайтов до спейсеров. Но, судя по всему, это очень мощная машина. Тогда становится понятной и геометрия антенн.

– Вы хотите сказать... – Руслан сбросил дугу эмскана.

– Это не система контроля. Это система управления положением Дженворпа.

– Но ведь две такие системы уже стоят на концах фермы.

– Значит, для чего-то понадобилась третья. Странно другое: почему разработчики назвали её узлом контроля? Для изучения чёрных дыр и экзот-струй нужна совсем другая аппаратура.

– Экзот-струй?

– Дженворп должен создать условия для рождения экзотических частиц тёмной материи: аксионов, нейтралино, вимпов, бозонов Хиггса. Но для их регистрации создаются специальные исследовательские комплексы.

– Да, я их видел. Все они будут работать в автоматическом режиме, объединённые Гением в одну систему.

– Гением? – не понял Шапиро.

– Это управляющий инк Суперструнника.

– Ах, да, конечно. Итак, молодой человек, вы получили все ответы на свои вопросы? Мне, к сожалению, пора собираться.

Руслан поднялся.

– Извините, что задерживаю. Можно, я позвоню вам, если понадобится дополнительная консультация?

– Хоть две, буду рад помочь.

Шапиро проводил гостя до порога.

– Извините ещё раз, – проговорил Руслан смущённо, – а почему вы не работаете на Суперструннике? Вы же крупный специалист в физике элементарных частиц.

Шапиро усмехнулся.

– Я не принадлежу к научной группе Херцига. Как и многие мои коллеги. С ним работают только те люди, кто безоговорочно поддерживает его теорию.

– Понял. Всего доброго.

Руслан задумчиво поднялся на аэроплощадку, вызвал такси. Через несколько минут он был уже у метро. Поколебался немного, выбирая маршрут, потом решил заскочить на часок домой, привести в порядок мысли.

Минское метро приняло пассажира, московское в Мытищах выпустило. Спустя ещё несколько минут Руслан стоял перед дверью в свою квартиру, мечтая о ванной. И вдруг почувствовал холодный ветер угрозы, подувший навстречу. Замер, прислушиваясь к бродящим внутри тела «сквознячкам».

Кто-то посмотрел на него сквозь дверь, оценивающе, пренебрежительно и недобро. Очень недобро, как на комара, которого собрались прихлопнуть.

Руслан отшатнулся от двери, стремительно рванул прочь, и в то же мгновение она взорвалась!

Глава 14

Кривые дорожки

Боем этот танец вокруг Оси Зла назвать было нельзя.

«Ра» не хотел драться. Его вынудили.

Оружием «черепахи», погнавшейся сначала за «големом», а потом за спейсером, были гигантские электрические молнии, способные испепелить гору наподобие земного Казбека. К счастью, скорость молний – а они по сути являлись пучками электронов – не достигала скорости света, поэтому спейсеру какое-то время удавалось уворачиваться от разрядов.

Потом Роза Линдсей сообразила, что электронные струи рождаются от «сотрясений вакуума». То есть выходило, что хозяева агрессора владеют технологиями поляризации вакуума²², и тогда встал вопрос о дальнейшем «диалоге» с ними. Стоило «черепахе» прицелиться поточнее, и созданная ею «трещина в вакууме», мгновенно заполнявшаяся электронами, накрыла бы спейсер.

«Ра» не являлся военным кораблём. Но, поскольку рассчитан был на любые аварийные и чрезвычайные ситуации, имел оружие. В распоряжении Маккены были лазерные пушки, плазмеры и слим-модулятор, который давно получил среди профессионалов кличку «суслик».

Сначала Маккена надеялся договориться с хозяевами «черепахи», для чего слал в космос призывы на всех языках остановиться и «поговорить по-человечески».

Не подействовало.

Тогда «Ра» огрызнулся лазерными трассами.

«Черепаха» отразила удары и обиделась. Молнии засверкали чаще, постепенно приближаясь к маневрирующему спейсеру.

«Ра» накрыл противника рядом плазмера.

«Черепаха» – теперь стало окончательно ясно, что она представляет собой некий автомат либо организм, предназначенный для охраны Оси Зла, – не обратила внимания на плазменный сгусток и ответила десятком молний, чудом не задевших земной космолёт.

И тогда Маккена навёл на преследователя «суслик».

Слим-модулятор не просто создавал гравитационный «шторм», он деформировал вакуум, то есть саму основу континуума, и от этого полевого воздействия уберечься было невозможно. По крайней мере земные учёные не знали способов защиты от излучения, «скрывающегося» даже космическую пустоту.

Впрочем, «черепаха» тоже этого не знала.

Первый же выстрел «Ра» попал в цель и «свернул» бок «черепахи», как лист жести. Защитник Оси тут же перестал метать молнии и косо пошёл «вниз», к ферме Оси, потеряв способность маневрировать.

Люди в рубке спейсера молча смотрели, как он шевельнулся два раза, словно «черепаха» пыталась выбраться из повреждённого панциря, а затем врезался в «можжевеловый куст» ближайшего «швеллера» фермы – на скорости в полсотни тысяч километров в секунду!

Вспышка света была не слишком яркой.

«Черепаха» отскочила от «куста», врезалась в соседний.

Вытянулся и опал язычок пламени, вспухло и расплылось облачко дыма.

– Гитлер капут! – прокомментировал драйвер-секунда спейсера Вячеслав Терёшин.

---

²² Именно поляризация квадруполь, то есть безмассовых частиц, из которых состоит вакуум, и создаёт электромагнитные поля; сферическая деформация вакуума создаёт гравитационные поля.

Что это означало, не знал, наверное, и он сам. Выражение сохранилось ещё со времён Второй мировой войны, когда было актуальным. В настоящее время его юмор понимали не все. Хотя Маккена понял.

Однако радость экипажа по поводу победы длилась недолго. Не успели космолётчики обменяться репликами и обсудить своё положение, как драйвер-прима обнаружил ещё одну «черепаху», полным ходом мчавшуюся к месту боя.

Автоматика спейсера по-прежнему не работала, за исключением автономных систем, инк не предупреждал экипаж о подготовке к «непрогнозируемому контакту», и Маккена объявил отступление.

– Уходим домой! – закончил он. – Здесь нам делать больше нечего.

– Роза ещё не отошла от нагрузок, – тихо напомнил командиру бортинженер по личной линии.

– Я знаю, – сухо ответил ему Маккена. – Но у нас нет выбора. Вацлав. Курс на Северный Крест²³. Глубина оверспейса – пять тысяч эсвэ. Экипажу – полная упаковка по ЧС-драйву!

– Я готов, кэп, – ответил первый пилот.

«Черепаха» приблизилась, вырастая в размерах. Стало понятно, что она гораздо крупнее своей напарницы. Длина её от «рогов» до «кончика хвоста» достигала пяти километров. У всех, наблюдавших за ней, снова родилось ощущение, что это не космический корабль, а некое живое существо, оберегавшее доверенную ему конструкцию.

– Левиафан! – пробормотал Терёшин.

– Старт! – обронил слово Маккена.

«Ра», уходящий от врага в обычном режиме, перешёл на «струну».

Последнее, что увидели члены экипажа, был пучок молний, протянувшихся от «черепахи» к спейсеру.

Сознание людей погасло...

* * *

Перед глазами перестали кружиться цветные спирали, и Маккена увидел перед собой звёздную россыпь. Тряхнул головой, зажмурился, открыл глаза, но звёздная панорама не исчезла. Обзорная система была включена, и виом в рубке показывал окружающий спейсер космос.

– Вышли нормально, – раздался в наушниках шлема голос пилота.

– Где? – поинтересовался Маккена.

– А хрен его знает, – ответил бортинженер жизнерадостно.

– Определяйтесь.

– Командир, Роза без сознания, – доложил Успенский. – На вызовы не отвечает.

– В медотсек её! – приказал Маккена. – Я сейчас спущусь. Всем стандарт по форме ЧС! Вацлав – контроль функционирования.

– Работаем уже.

Маккена с минуту рассматривал незнакомые созвездия, вылез из командирского кокона, добрался до лифта, «мускул» которого доставил его в медотсек.

Успенский и Терёшин уже были здесь. Сняли с эксперта защитный костюм, уложили безвольное тело в саркофаг реаниматора.

Над прозрачной крышкой саркофага высветился столбец разноцветных цифр, указывающих параметры физиологического и психического состояния Розы.

---

²³ Созвездия «с той стороны» Галактики с видом на Солнце имеют другие очертания.

– Очень высокое черепное давление, – буркнул инконик. – Сердце работает как насос в режиме форсажа, причём неровно. Мне это не нравится.

– Ничего, с кардиокризисом наш эскулап справится, – сказал Терёшин.

– Возможно, однако нам ещё прыгать и прыгать. Что же, каждый раз после этого помещать её в реанимацию?

– Предложи что-нибудь другое.

Оба посмотрели на Маккена.

– Вацлав, определился? – вызвал он Хржичку.

– Не понимаю, – отозвался драйвер-прима. – Нас вынесло к краю второго Рукава!²⁴

Мужчины переглянулись.

– Слава, побудь здесь, посмотри за ней, – сказал Маккена. – Придёт в себя, поговори, успокой.

– Хорошо.

Маккена и Успенский вернулись в рубку.

Аппаратура кресел по-прежнему не работала, поэтому приходилось ориентироваться с помощью личных инков, чем Хржичка и занимался.

На панорамном виоме светилось зелёное перекрестье визира, быстро вспыхивали и гасли цифры и символы, загоралось, перемещалось и делилось на сектора световое кольцо целеуказателя.

– Вот, полюбуйтесь.

Перед узкой полосой ограничителя рубки выросло объёмное изображение Галактики. Крошечный огонёк на краю Рукава Ориона сделался ярким, стал мигать. Это было Солнце. Вспыхнула и замигала синяя искорка под шаровым звёздным скоплением, обозначавшая положение спейсера.

– Ни хрена себе! – поскрёб в затылке Успенский. – Мы же шли прямо к Солнцу!

– Девиация, – сказал Хржичка. – Целились мы хорошо, но почему-то не попали в вектор. Может, «червь» сожрал и путевые программы?

– Инк ручного режима не повреждён, – сказал Успенский уверенно. – Я проверил. Иначе мы вообще не смогли бы стартовать.

– Покопайся в сервере посерьёзней. Отдыхаем сутки, потом отправляемся дальше. С этой точки до Солнца...

– Четырнадцать тысяч эсвэ, – сказал пилот.

– Как минимум два оверспейса. А вообще хорошо бы уложиться в один.

– Вряд ли это достижимо без инк-сопровождения. Мы сейчас в положении команды парусника в море, не имеющего никаких навигационных приборов, кроме глаз.

Маккена хмыкнул, оценив сравнение.

– Навигационные приборы у нас кое-какие имеются. Но мне не нравится, что «струна» оказалась такой неточной. Что-то здесь не так. Мы не могли отклониться почти на тридцать градусов. На два-три допускаю, но не на тридцать.

– Я проверю, – мрачно пообещал Успенский.

– Слава, помоги ему.

Бортинженер молча активировал ремонтный киб.

Роза пришла в себя через час.

---

²⁴ Наша Галактика имеет несколько спиральных рукавов. В первом – «местном» Рукаве Ориона – Лебеда – располагается Солнце, соседний называется Рукавом Стрельца, остальные – Рукавами Щита, Персея, Угольника – Центавра, Южного Креста, Киля.

Диагност определил её состояние как «стабильно тяжёлое», однако медицинская техника спейсера не могла кардинально лечить подобные кардиосиндромы, могла только поддерживать человека в определённом состоянии, и Розу решили оставить в медотсеке под опекой второго пилота.

Маккена снова спустился к ней, присел на ложемент реанимационной камеры. Пилот потоптался рядом, вышел.

Эксперт была в сознании. Под глазами у неё обозначились тёмные круги, лицо заострилось, в глазах пряталась печаль.

– Я вас подвожу, – с тихим сожалением сказала она.

– Чепуха, – отмахнулся Маккена, испытав неожиданный приступ жалости к женщине. – С каждым может случиться.

– Не с каждым... но со мной никогда такого не случалось.

– Это называется «глубокой пространственной несовместимостью». К сожалению, выявляется такая несовместимость только при достаточно частом использовании «струнных» переходов. Вашему организму они противопоказаны.

– Я понимаю. Не обращайтесь на меня внимания, решайте проблему возвращения. Нам обязательно надо вернуться и сообщить о том, что мы узнали.

– Вернёмся, обещаю. Я летаю уже двадцать два года, и ещё не было случая, чтобы не вернулся. – Маккена обозначил улыбку.

Роза улыбнулась в ответ.

– Это правда. Вы женаты, капитан?

Маккена помолчал.

– Был женат. Давно.

– Вы хотите сказать, что сейчас вы вместе не живёте?

– Моя бывшая жена счастлива с другим человеком.

– Дети?

– Двое, парни, живут отдельно, уже взрослые. Тим учится в полицейской академии, Вильям служит в десантных войсках быстрого реагирования. Собирается поступать в Морской юридический корпус. Любит море до самозабвения.

– Похоже, вам удалось привить им стремление к самореализации.

Взгляд Маккены потеплел.

– Они правильные парни. А ваши девочки?

Роза улыбнулась.

– Они живут с бабушкой, то есть с моей мамой. Им всего одной двенадцать, другой тринадцать лет.

– Командир, аларм! – раздался голос Хржички. – Эта гнусная тварь нас догнала!

Маккена мгновение сидел неподвижно, ничем не выдавая своих чувств, потом погладил вздрогнувшую женщину по руке и выскочил из отсека, бросив на ходу:

– Не волнуйтесь, всё будет хорошо.

В рубке было темно.

Обзорную систему спейсера удалось восстановить, поэтому звёзды в панорамном виоме можно было различать в объёме: какие-то из них находились ближе, какие-то дальше. Кроме того, визинг-автоматика позволяла наблюдать за любыми объектами в сфере видимости, выделяя их на фоне звёздных россыпей. Голубой огонёк обозначал приближавшийся к спейсеру объект, а чуть ниже вариатор «вырезал» в черноте космоса окно, в котором виднелась знакомая «медуза». Или, скорее, «черепашка».

– Как она смогла нас обнаружить и догнать? – сквозь зубы проговорил Маккена.

Вопрос повис в воздухе.

– По следу, – после паузы пошутил Хржичка.

– «Струна» следов не оставляет.
– Может, они каким-то образом определяют вектор прыжка?
– Зачем это им надо? – хмыкнул Успенский. – Выслеживание гостей не входит в функции охраны.

– Значит, «черепахи» занимаются не только охраной Оси, но и разведкой.
– Всё равно непонятно, зачем это им надо.
– Вряд ли у них благородные цели, – сказал бортинженер. – Вспомните первый космолёт, который они уничтожили. А может быть, и не один.

Маккена молчал, наблюдая за растущим голубым огоньком в панораме виома. «Черепаха» шла прямо к спейсеру, постепенно нагоняя земной корабль.

– Попробуй оторваться на манёвре, – сказал наконец Маккена. – Огонь не открывать. Я сейчас.

Он спустился в медотсек.

Терёшин тактично удалился.

– Нам придётся уходить по «струне», – сказал Маккена. – Чем быстрее мы доберёмся до Солнца, тем лучше.

– Я понимаю, – тихо сказала Роза.

– Придётся потерпеть.

– Потерплю.

Маккена взял руку женщины в свою. Она слабо улыбнулась.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, ничего не говоря. Потом Маккена бережно опустил руку Розы на грудь и быстро вышел. Женщина ещё раз улыбнулась, закрыла глаза.

– Отвечаешь за неё, – сказал Маккена Терёшину в коридоре.

– Конечно, кэп, – бодро ответил второй пилот.

В рубке Маккена движением руки разогнал экипаж по местам, занял своё кресло.

«Черепаха» упорно висела на хвосте, повторяя все эволюции спейсера, и явно не собиралась отказываться от погони. Она тоже умела набирать скорость «шпугом».

– Вацлав, оверспейс на Северный Крест, глубина семь тысяч эсвэ.

– Принято, командир.

– Обойдись без сбоев и глюков.

– Постараюсь.

– Экипажу готовность один!

– Готовы! – дружно ответили все.

– Медик? – на всякий случай спросил Маккена.

– Всё в порядке, командир, – прилетел тихий голос Розы Линдсей.

Маккена выдержал паузу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.